

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Голынец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- В. М. Амиров**,
канд. филол. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 2 (91)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 2006 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов

Члены редколлегии

Ю. Л. Аркан (Санкт-Петербург)

Д. Беннер (Берлин, Германия)

Н. А. Комлева

В. Г. Кузнецов (Москва)

Л. С. Лихачева

С. А. Лукьянов

А. В. Меренков

Е. Г. Трубина

Д. М. Федяев (Омск)

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина)

Е. С. Черепанова

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Пивоваров Д. В.</i> Диалектико-семантический алгоритм: общая идея 5	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Мантуров О. С.</i> Альтернативные модели структурирования социальности 11	
<i>Красавин И. В.</i> Концепция дифференциальной социальности 27	
<i>Черепанова Т. В.</i> «Неспособность к разговору», или Статус публичной сферы в информационном обществе: Х. Арндт и Ю. Хабермас 41	
<i>Якимова О. А.</i> Концепции интеграции мигрантов в контексте современного развития России 49	
<i>Панькин С. И.</i> Факторы выбора молодежи обучения в системе среднего профессионального образования 57	
<i>Сатыбалдина Е. В.</i> Семья заводчан в условиях среднего уральского города: историко-социологический экскурс 65	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Россия на Южном Кавказе: геополитика и экономика ... 78	
<i>Чиркин В. В.</i> Основные формы участия Центрального военного округа Вооруженных сил Российской Федерации в процессе обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии 85	
<i>Муратшина К. Г.</i> Россия — Китай: строительство межпартийного сотрудничества 92	
ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Елисеев А. В., Темкина И. М.</i> Интеграция социально-экономической политики государства и социального партнерства: региональные и отраслевые аспекты 99	
<i>Колотова Н. Н., Темкина И. М.</i> Федеральные университеты как фактор модернизации высшего образования Российской Федерации 109	
ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Неменко Е. П.</i> «Несвободное» творчество: художник в эпоху модернизации 123	
<i>Сергеева О. Б.</i> Проблема образа и творческого воображения в эстетике Антонио Менегетти 131	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Классен Э. Г.</i> Что же писал Марк об идеальном 141	
<i>Соскин В. А.</i> Перспективы философии и религиозногенез 149	
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
<i>Павенков О. В.</i> Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс) 164	
Авторы номера 172	

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 162.6 + 162.12 + 167.7

Д. В. Пивоваров

ДИАЛЕКТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ: ОБЩАЯ ИДЕЯ

Описываются такие пошаговые операции с парными категориями, которые позволяют строить системы категориальных дефиниций абстрактных философских объектов. На простых примерах проиллюстрированы категориальные схемы квинты, эннеады и их объединение.

Ключевые слова: диалектико-семантический алгоритм, категориальный синтез, схема квинты, схема эннеады.

Предлагаю свой вариант диалектико-семантического алгоритма, т. е. набор правил, позволяющих моделировать философские предметы в виде системы диалектических высказываний. Речь идет о вербально-логическом синтезе парных категорий предельной или высокой степени общности. Общий алгоритм состоит из трех (и более) шагов, а технологические цепочки могут иметь формы квинты (четыре категории по сторонам квадрата и одна в центре), эннеады (девятки) или уравнения из эннеад. Изучим эти шаги.

Первый шаг. Принимаем объект исследования за нечто целое и пытаемся вычленивать внутри него противоположности с характерными для них противоречиями. Ищем основание для его деления на первые две противоположности *A* и *не-A*; это основание обычно уже определено исходными целями анализа. Определим противоположности друг через друга вначале негативно: одно есть то, что не есть другое. Но поскольку противоположности выступают сторонами одного и того же объекта, они имеют и общие черты, а потому между ними может быть конкретное тождество. Позитивное определение будет состоять в их отождествлении друг с другом, но, в отличие от формально-логического отождествления, — с учетом их различий. Например: 1) ян не есть инь; 2) дао

есть мера тождества ян и инь. В общем виде: *A не есть не-A*, но существует такая мера *M*, в которой *A есть не-A*.

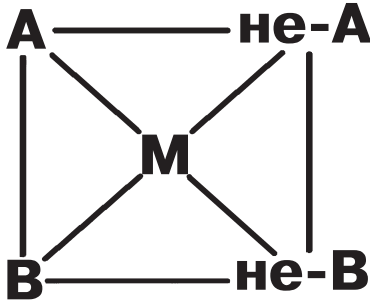

Рис. 1

Второй шаг (рис. 1: схема квинты). Выбираем другое основание для деления объекта, привлекая для этого близлежащую к первой паре иную пару категорий *B* и *не-B*. Проводим с *B* и *не-B* те же действия, что и с *A* и *не-A*, а потом подыскиваем для обеих пар общую меру их единства и объединяем их в тетраду вокруг центральной категории *M* (их меры), получая квинту. В каждом конкретном случае эта мера, как правило, выразится какой-нибудь непарной (по отношению к данной четверке) категорией. Всякая мерная категория служит задачам синтеза сближаемых пар, выражает их целое и распола-

гается в геометрическом центре квадрата. Например: 1) тождество не есть различие, 2) идеал (образец) есть мера тождества всех различающихся элементов одного и того же класса. В квадрате, составленном из четырех категорий (тождества/различия и сущности/явления), центральное понятие *идеал* будет определено как «существенное явление, представляющее собой тождество различий внутри единого целого» (т. е. совершенное явление, по М. А. Лифшицу).

Но если в том же примере в центр поставить какую-нибудь иную мерную категорию, то изменится порядок отождествления и связывания элементов четверки и будут получены другие результаты. Так, поставив в центр категорию противоречия, получаем дефиницию: «Противоречие есть существенное различие явлений в рамках их субстратного тождества» (Гегель).

Третий шаг (рис. 2: схема эннеады). Продолжаем строить «куст» из близлежащих категорий, добавляя к исследуемому объекту все новые и новые предикаты, тем самым восходя от его абстрактной первоначальной дефиниции к содержательной философской теории с привлечением реального материала. Вокруг уже изученного категориального квадрата описываем ромб так, чтобы каждая его вершина была вершиной треугольника, построенного на одной из сторон квадрата. На противоположных вершинах ромба, соединяемых диагоналями, попарно записываем имена категорий из новой четверки: *C* и *не-C*, *D* и *не-D*. У обеих фигур остается один и тот же общий центр — мерная категория, дефиниция которой после третьего шага становится еще более развитой и переходящей в мини-теорию.

Допустим, продолжая наш пример с идеалом, что в вершинах ромба стоят категории *внутреннее/внешнее* и *единичное/общее* и теперь у нас есть девять связанных категорий (эннеада). Тогда, анализируя геометрическую связь восьми полюсов и центра, можно определить идеал как единичное явление, сквозь внешность которого изнутри просвечивает существенное тождество различающихся частей единого целого.

Проиллюстрируем эти шаги на другом примере, когда категориальный ромб не дополняет, а конкретизирует связь противоположностей в квадрате. Пред-

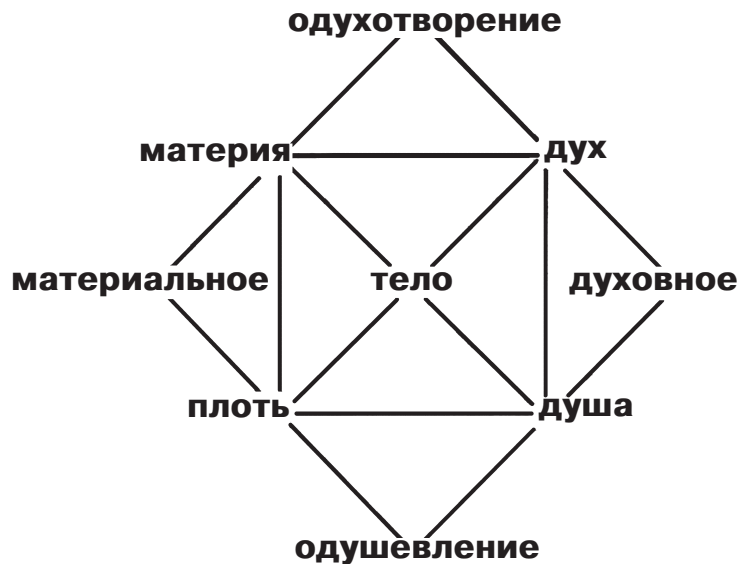

Рис. 2

положим, что наша задача — построение категориальной модели человека как целого (или тела), которая обобщила бы антропологию апостола Павла, изложенную в его Посланиях.

В углы квадрата поставим категории *дух*, *материя*, а также *душа* и *плоть*; в углах ромба, описанного вокруг квадрата, разместим категории *духовное* и *материальное*, *оухотворение* и *оушевление*. Образует, согласно алгоритму, множество дефиниций:

- духовность — пребывание души в духе, бездуховность — разрыв связи души с духом;
- материальность — оплотнение материи-субстанции;
- оухотворение — наполнение материи духом;
- оушевление — оживание плоти;
- воплощение — соединение души с плотью;
- материализация — детерминация духа материей;
- оплотнение — опространствование, сгущение материи в плотную материю;
- развоплощение — возвращение души в дух с потерей плоти.

Тогда целостность (тело) человека можно определить как сложное единство духа, души, плоти и неплотной материи. Вершины ромба сопряжены с видами телесности: тело материальное и тело духовное, тело душевное и тело плотское. (Напомню, апостол Павел делил людей на духовных, душевных и плотских в соответствии с доминантой духа или материи в теле.)

Исследованная эннеада может служить «архетипом», мысленные эксперименты с которым (путем его упрощений) помогут понять смыслы трех конкурирующих моделей человека: *одномерной* (человек состоит либо из материи, либо из духа), *двумерной* (человек устроен из души и плоти, а дух — только

разумная грань души) и *трехмерной* (в человеке есть три начала: дух, душа и плоть, вместе образующие человеческую целостность). Затем можно строить дополнительные эннеады из таких парных категорий, как свобода/детерминизм, холизм/меризм, субъективное/объективное, проактивное/реактивное, рациональное/иррациональное, изменяемое/неизменное и др.

В развитие предложенного подхода выскажу следующие соображения. Напомню, что пифагорейцы и даосы (а их интуиции можно доверять) считали самым лучшим из всех «золотых сечений» целостность пентаграммы. Вместе с тем в культуре европейского образца символом смысла, полноты бытия, Абсолюта, свободы все же считается не пятигранник, а шар (круг). К кругу приближается вписываемый в него многогранник с постоянно увеличивающимся количеством сторон.

К кругу можно восходить по следующим ступеням категориального синтеза. Начинаем с раздвоения единого, т. е. диады (например, элемент/система). Затем переходим к триаде, т. е. треугольнику как минимальной эвклидовой фигуре (например, «структура есть взаимосвязь элементов в системе»). Потом строим пентаграмму, т. е. квадрат с внутренним центром; в каждом углу размещаем одну из парных категорий (например, «структура есть мера единства двух пар: элемент/система и часть/целое»). Следующий шаг — эннеада, т. е. девятка категорий: вокруг исходного квадрата с центром описан ромб. От ромба восходим к новым пентаграммам, в потенциальной бесконечности приближаясь к полноте окружности.

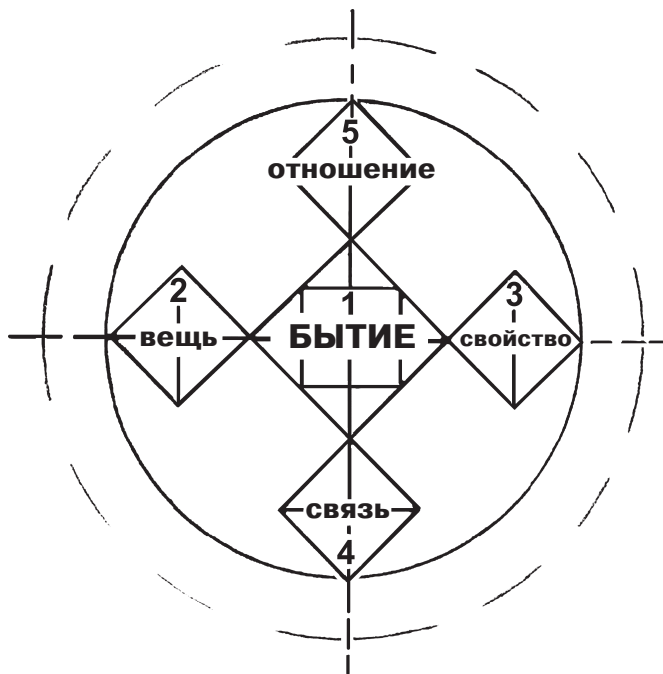

Рис. 3

Проиллюстрируем этот процесс рис. 3–5. Общая категориальная схема онтологии может быть, скажем, такой. (Разумеется, правомерны и иные предложения.)

На рис. 3 вокруг квадрата 1, в центре которого стоит категория бытия, описан ромб, а к нему примыкают еще четыре ромба: 2 (*вещь*), 3 (*свойство*), 4 (*связь*), 5 (*отношение*). Итого пять ромбов, каждый со специфической мерной категорией в центре.

На рис. 4 конкретизирован центральный квадрат: вокруг центральной категории *бытие* по углам стоят пары материя/

форма, часть/целое. На углах ромба размещены категории информации, структуры, субстрата и субстанции (сущности).

На рис. 5 эннеада и пентаграммы еще более конкретизированы. В ромбе *вещь* понятие вещи раскрывается как единство единичного и общего, субстрата и отдельного. Ромб *свойство* поясняется связью понятий субстанции (сущности) и ее проявления в виде таких видов свойств, как атрибуты и модусы. Ромб *связь* объединяет две пары: элемент/система и структура/организация. Ромб *отношение*, в частности, может быть конкретизирован парами информация/шум, носитель информации/сигнал.

Рис. 4

Рис. 5

категорий онтологии дает — в первом приближении к «кругу» — некоторое диалектическое представление о полярных аспектах бытия. «Гармоническая онтология» по идее есть такой частный случай третьего графика, когда все входящие в него категории обозначают уравновешенные аспекты бытия.

Эннеада — относительно законченная форма категориального алгоритма. Но вовсе не обязательно ограничиваться одной-единственной эннеадой при проектировании категориальных цепей. Если теория того требует, целесообразно выявлять новые пласты изучаемого объекта с помощью таких новых эннеад, в центрах которых находятся уже иные измерения того же самого объекта. Унифицированное использование языка эннеад поможет восхождению диалектической логики на более высокий уровень, подобно тому как быстро стала развиваться алгебраическая техника, когда французский юрист Франсуа Виет усовершенствовал математические обозначения: предложил в 1591 г. изображать числа буквами и применил знаки «+» и «-» в нашем современном смысле. Новые теоретические результаты часто становятся возможными лишь благодаря новому способу записи.

Диалектико-семантический анализ должен быть адаптирован к конкретному материалу, а потому не может иметь сколь-либо серьезного методологического значения, когда осуществляется как самоцель, чистая игра в категории, формальная комбинаторика. Всякий раз требуется размышляющий отбор среди категориальных комбинаций (а их огромное множество) и отбрасывание «пустышек» и малосодержательных дефиниций.

Рукопись поступила в редакцию 15 января 2011 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4.066 + 316.77

О. С. Мантуров

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию проблемы структурирования социальности: не существует универсального определения социальности, речь может идти лишь об альтернативных моделях ее структурирования. На метафизической, классической и неклассической стадиях используется методология редукционизма, сводящая социальность к структурам разных уровней. В статье провозглашается необходимость нового, антиредукционистского подхода к исследуемой проблеме, на основе которого и должна быть построена в дальнейшем постклассическая традиция в исследованиях социальности и ее структур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальность, социальная структура, редукционизм, структурирование, структуризация, коммуникация, деятельность.

С момента зарождения социальных наук наиболее острой проблемой для них становится проблема структурирования социальности. Что есть социальность; каковы структуры, ее определяющие; по каким законам происходит социальное взаимодействие; чем обеспечивается воспроизводство социальных структур — вот лишь некоторые из основных вопросов, ответы на которые становятся камнем преткновения для большинства исследователей. Цель данной статьи — не дать однозначный ответ на эти (и подобные им) вопросы, но показать, где пролегают корни исследуемой проблемы и каковы возможные пути и перспективы ее решения.

На метафизической (донаучной) стадии проблема структурирования социальности решалась путем обращения к внешним архетипам. Именно эти архетипы и лежали в основе конструктов, подменяющих собой подлинную сущность социальности. «В рамках метафизической традиции социальность всегда была редуцирована, всегда определялась исходя из некоего внешнего архетипа

порядка (Космос, Бог, Природа), который организует, стабилизирует, гарантирует тотальность социального, сам в то же время оставаясь вне структурируемого и организуемого социального пространства. Совокупность сущего представляется как мироустройство и миропорядок, как целесообразно структурированный космос, а не просто сплошная изменчивость или сплошное постоянство. Структурирование не могло быть делом случая или стечения обстоятельств, необходимо некое внешнее архетипическое начало» [15, 17]. В большинстве метафизических моделей социальности лежит представление о некоем тотальном общественном бытии. Согласно *концепциям тотальной социальности* общественное бытие как сознание предзадано любой деятельности человека, поэтому человек вынужден подчиняться некоему социальному бытию, которое накладывает ограничения на мыслимые им схемы деятельности. Общественное бытие является априорным условием любых практик.

Именно из метафизической стадии вытекает (как это ни парадоксально) научная стадия в описании социальности. В отличие от метафизической стадии, на научной появляются четкие цели и задачи исследования, ставится проблема методологии, появляются конкурирующие теории. Но сам процесс исследования протекает в том же русле: ищутся некие архетипы и начала, вокруг которых и можно выстроить подлинную картину социальности. Каковы же эти начала, обуславливающие саму возможность структурирования социальности? Если говорить о классической стадии, то в качестве таковых выступали «социальный факт» у Э. Дюркгейма [14, 20], «социальные формы» у Г. Зиммеля, «действие» у М. Вебера [10, 507], Т. Парсонса [19, 303] и т. д.

На данной стадии изучения социальности появляются две основные методологические установки, существующие (в отношении некоторых исследований) и по сей день. Они представляют собой альтернативные воззрения на взаимодействие человека (личности) и «общественных начал» (неких оснований социального бытия людей, которые отображают в данных исследованиях социальность).

Макро- и микроредукционизм как универсальные методологические установки в исследовании социальности

В основе каждой из данных установок лежит один из принципов: а) изучать социальность как нечто существующее «над людьми», как то, что навязывает им определенные правила деятельности, или б) рассматривать социальность как нечто существующее «в людях» и посредством людей. Так, используя терминологию Бергера и Лукмана, в результате первой установки появляются представления об «объективной реальности», в результате второй — соответственно представления о реальности «субъективной» [4]. Сходным образом мыслит и П. Блау: «Концепция социальной структуры может основываться на субъективной или объективной онтологии» [5, 24].

Р. Бхаскар раскрыл методологический пласт данной проблемы [9]. Первую методологическую установку он именовал «реификацией» (связывая ее с Дюркгеймом). Согласно этой установке социальные объекты наделяются соб-

ственной жизнью, принудительной и тотальной по отношению к индивиду. Из природы коллективных явлений могут быть выведены все устойчивые отношения социальности. Вторую методологическую установку Бхаскар именует «волюнтаризмом» и связывает в первую очередь с М. Вебером (методология — социологический редукционизм). Социальные явления предлагалось объяснять исключительно на базе фактов об индивидах. Социальные институты и общественное бытие, согласно этой доктрине, некие абстрактные модели, предназначенные истолковывать факты индивидуального опыта. Все социальные факты объясняются исходя из поведения индивидов, структуры их установок, способностей, принципов их взаимоотношений с другими людьми.

Так мы получаем две традиции в исследовании социальности, в основании которых лежат отношения единичного и общего. Например, Г. Риккерт рассматривал всю философию (как и ход мысли), исходя из противоборства двух абсолютных начал — объективизма и субъективизма: «Можно сделать попытку понять мировое целое, исходя из объекта, т. е. достигнуть единства посредством вовлечения субъекта в мир объектов, или, наоборот, можно, основываясь на субъекте, искать объекты во всеобъемлющем мировом субъекте. Так возникают два противоположных мировоззрения, которые можно обозначить бесцветными, но в данной связи достаточно определенными терминами объективирующей и субъективирующей философии, и большинство философских споров и проблем, постоянно возникающих вновь, можно было бы до известной степени свести к понятию таким образом противоречию объективизма и субъективизма как к последнему основанию спора» [20, 448]. На этом противоречии основываются, по мнению исследователя, и такие антитезы, как интеллектуализм — волюнтаризм, пассивизм — активизм, детерминизм — теории свободы воли, пантеизм — теизм, а также догматизм — критицизм, эмпиризм — рационализм, психологизм — априоризм, номинализм — реализм, натурализм — идеализм. Эта мысль была подхвачена В. Виндельбантом: «Единая тенденция, которая господствует в нашем мышлении, может быть сформулирована таким образом: мы стремимся понять, в чем состоит зависимость единичного от общего. Поэтому отношение между единичным и общим — абсолютная основа научного мышления» [11, 211].

На уровне методологии каждую из этих традиций можно соизмерять с двумя группами методов — макроредукционизмом и микроредукционизмом.

Для *макроредукционизма* характерно сведение индивидуального, уникального, неповторимого к некоему социальному целому, которое и обеспечивает существование социального порядка. Результат такого исследования — создание картины «общества вообще», которое и подменяет собой в итоге социальность. Макроредукционизм характерен для таких направлений социальных исследований, как позитивизм (О. Конт, Г. Спенсер), структурный функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), структурализм (К. Леви-Строс), марксизм, и разного рода системных теорий.

«Социальное целое» в теориях макроредукционизма приобретает тотальный, принудительный характер по отношению к индивиду и его деятельности. Несмотря на то что социальность воспроизводится благодаря деятельности

людей, ее проявления противостоят действиям индивидов и приобретают характер объективирующих схем и структур. Это четко прослеживается, к примеру, у Дюркгейма, который определяет «социальный факт» (данное понятие составляет ядро его теории) как «всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [14, 39]. Социальный факт представляет собой результат соединения действий нескольких индивидов, имеющий, однако, иную (новую) природу, чем каждое из вызвавших его отдельных действий. Становление социальных фактов происходит вонне сознания отдельных людей; синтез множества индивидуальных сознаний «имеет следствием закрепление, установление вне нас определенных способов действий и суждений, которые не зависят от каждой отдельно взятой воли» [Там же, 20].

Деятельность индивидов не в состоянии изменить структуры социальности. Сама социальность диктует им рамки и направления действий. Так что же такое социальная структура? Дюркгейм отвечает на этот вопрос так: «Структура — это утвердившаяся функция, это действие, которое выкристаллизовалось и стало привычкой. Следовательно, если мы хотим постигнуть их корни, то нам необходимо обратиться главным образом к изучению функций» [13, 193]. Позже данные взгляды будут развиты Р. Мертоном: «...функциональный анализ рассматривает социальную структуру как активно продуцирующую новую мотивацию, которую невозможно предсказать на основе знания о врожденных человеческих побуждениях. Если социальная структура и ограничивает некоторые предрасположенности к действию, то она создает и другие» [18, 231]. Таким образом, теория Дюркгейма может дать нам представление об основных чертах макроредукционизма — редукции (сведению) социальных структур к их функциям; тотальном характере социальных институтов по отношению к индивидуальным действиям; принижении значения отдельно взятого индивида и его морально-волевых качеств в развитии общества.

Но наиболее полное представление о макроредукционизме дает структурный функционализм Т. Парсонса. Взаимодействие индивидов также обретает в его теории системный характер: «Социальная система — это способ организации элементов действия с точки зрения устойчивости упорядоченного изменения моделей взаимодействия множества индивидуальных акторов» [19, 96]. На смену «социальному факту» Дюркгейма у Парсонса приходит «акт», включающий в себя актора, цель, ситуацию (условия и инструменты) и «нормативную ориентацию» деятельности (способ взаимоотношения всего перечисленного). Мы можем фиксировать социальную систему, по мнению Парсонса, двумя способами: а) отмечая позиции актора в социальной системе относительно других акторов (позиционный аспект, социальная система представляется структурируемой статусно) и б) отмечая действия актора по отношению к другим, его функциональное значение для социальной системы (процессуальный аспект). Так мы получаем две категории, на которых нередко строят свои концепции социологи по сей день, — «социальный статус» и «социальная роль».

Парсонс заменяет место личности в социальной системе главенствующей ролью позиции в ней актора. «Как точка отсчета, как тот, кто обладает статусом или выполняет роль, отдельный актор — всегда значимая единица, однако в целях анализа социальной системы его следует рассматривать как единицу более высокого порядка, чем статус-роль. Актор в таком смысле — тот сложный узел статусов и ролей. Но и этот социальный актор должен рассматриваться как отличный от личности, которая, взятая сама по себе, есть система действия...» [19, 98]. Таким образом, социальная система, по Парсонсу, структурируется следующими элементами (по возрастанию сложности): социальный акт; статус-роль (субсистема актов актора или акторов); сам актор как социальная единица, организованная система всех статусов и ролей; коллектив как актор и как объект; норма; ценность. Упомянув роль индивидов в социальном процессе, Парсонс видит в них лишь производную функцию, систему статусов и ролей, направленную на поддержание социального порядка.

Именно это упущение (редукцию индивидов к социальному целому) пытались преодолеть сторонники *микроредукционизма*. Однако, постепенно удаляясь от одной крайности, они встают на сторону другой: общество и социальные целостности у них редуцируются к индивидам, индивидуальной воле и индивидуальным действиям. У М. Вебера читаем: «Такие понятия, как “государство”, “сообщество”, “феодализм” и т. п., в социологическом понимании означают — если выразить это в общей форме — категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к “понятному” поведению, а такое сведение всегда означает только одно — сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей» [10, 507]. Микроредукционизм характерен для таких теорий, как «понимающая социология» (М. Вебер, Р. Макайвер), неомарксизм Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм), герменевтическая социология (В. Дильтей, Г. Гадамер, П. Рикер), феноменологическая социология (А. Шюц), бихевиоризм (Б. Скиннер), символический интеракционизм (Дж. Мид, Ч. Кули), этнометодология (Г. Гарфинкель), социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), концепции социального обмена (Дж. Хоманс) и т. д.

Рассмотрим микроредукционизм на примере социальной феноменологии. Один из основателей этого направления социального знания, А. Шюц, выразил основные его принципы следующим образом: «Феноменологическая философия претендует на то, чтобы быть философией человека, живущего в своем жизненном мире, и на способность объяснить смысл этого жизненного мира строго научным способом. Ее лейтмотив связан с демонстрацией и объяснением активности сознания трансцендентального субъекта, внутри которых конституируется этот жизненный мир» [23, 9]. Шюц исходит из принципа, что все наши знания о мире представляют собой конструкторы, абстракции, обобщения, вычленимые нашим сознанием. Вся действительность, представленная нам наукой, является лишь набором гипотез, отражающих определенные аспекты. Однако, замечает Шюц, социальный мир «имеет собственное значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нем живущих, думающих и действующих. Они уже осуществили выборку и проинтерпретировали этот мир

в конструктах обыденного мышления повседневной жизни, и именно эти объекты мышления воздействуют на их поведение, определяют цели их действий и доступные средства их достижения» [24, 182].

Таким образом, социальный мир может быть дан только сквозь призму индивидуального сознания, конструкты, порождаемые последним, и становятся объектами для изучения наук (существуя тем самым лишь в теориях ученых; исходя из этого, можно заметить, что объективность, желанная для макро-редукционизма, здесь лишь отображение объектов, но не их подлинная суть/сущность). В основе социальных взаимодействий лежат представления индивидов об образцах действий и необходимость понимания Другого. Шюц объявляет основополагающим методологическим принципом социальных наук «постулат субъективной интерпретации» (интерпретация действия и его рамок в терминах самого действующего). Социальность предстает перед ученым «научной моделью социального мира», структуры которого через систему релевантностей замещаются конструктами. Некий образ данной модели приведен Шюцем в работе «Феноменология и социальные науки».

Таким образом, некогда единая картина мира в теориях микроредукционизма предстает своеобразным «лоскутным одеялом». Социальность имеет значение только для субъектов, воспроизводящих ее в своих действиях или мышлениях. Социальная структура сближается с игрой, она также обретает свой подлинный смысл лишь в процессуальности и может быть воспроизведена повторно. Теоретики герменевтики накладывали рамки этой игры на мир знаков и значений, в символическом интеракционизме эта игра связывалась с процессом воображения (концепция «Зеркального Я» Ч. Кули). Важны не столько правила, по которым происходит игра, сколько их восприятие и оправдание участниками. Социальная структура теперь не представляется чем-то единым и объективным. Читаем у Р. Макайвера: «Социальная структура существует лишь как порождение ментальности» [17, 89]. Исходя из этого, и изучаться она должна при помощи иных областей знания: Дильтей предлагал обращаться к поэзии и произведениям искусства, Риккерт — к истории; предлагалось также изучать ее, обращаясь к психологии и психоанализу, лингвистике и др.

Мезоредукционизм как интегративный подход

Ни макроредукционизм, ни микроредукционизм так и не смогли выдвинуть универсальную методологию для изучения социальности и ее структур. Они представили лишь альтернативные модели структурирования социальности, не столько дополняющие, сколько противоречащие друг другу. В них очень плохо представлен процесс смены структур. Как правило, упор делается на факторах, способствующих смене структур, но не на сущности самих структур. Не объясняется, благодаря каким факторам происходит трансформация структур, приводящая подчас к их разрушению. Упор делался либо на теоретическом, либо на практическом анализе. В первом случае стремятся вычленивать некие структуры. Но неясно, как они представлены в социальной жизни, явля-

ются ли они ее производными или сами формируют социальную действительность. Во втором случае не ясно, в чем состоит коренное отличие одной структуры от другой, нельзя дать прогнозы дальнейшего социального процесса. Не способны данные теории и связать воедино три временных измерения: прошлое, настоящее и будущее. Но социальность — это не только настоящее. Не до конца учитывалась и роль «случайных факторов», но именно случай порой приобретает решающее значение в процессе смены социальных структур.

Эти и другие упущения требовали коренной смены как методологии социальных исследований, так и самого типа мышления. Требовалось некое интегративное понимание социальной реальности, вбирающее в себя как макро-, так и микроуровни. Для того чтобы нивелировать противостояние двух уровней социальных структур, необходимо было актуализировать некий «срединный» уровень, к которому и сводились бы все проявления социальности. Методологическая установка, опирающаяся на данные основания, носит название *мезоредукционизм*. Термины «макро-», «микро-», «мезоредукционизм» используют в своей работе М. ДеЛанда [25, 4–5], а также такие исследователи, как К. Контопулос [26] и Н. Моузелис [27]. Тенденция интегративного подхода и соответственно мезоредукционизма наиболее четко проявилась в 80-х гг. в «многочисленной социологии» Дж. Александера, в «теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса, в «теории структуриации» Э. Гидденса, в «генетическом структуриализме» П. Бурдьё и т. д.

Иная терминология применялась в исследованиях М. Арчер [3]. Вместо понятия «редукционизм» она использует термин «конфляционизм» (*conflation*; конфляция в лингвистике — образование нового слова из корней двух других, ранее известных, «сращение»). Согласно Арчер нельзя говорить об однозначном совмещении социальных структур и социальных агентов, принимая во внимание их независимость друг от друга. Уровень макроредукционизма у Арчер соответствует конфляции «сверху вниз» (социальное действие подчиняется структуре), уровень микроредукционизма — конфляции «снизу вверх». Необходимо некое «сращение в центре» (и структура, и социальная деятельность лишаются своей автономии). В поисках такового Арчер анализирует в первую очередь «трансформационную модель социального действия» Р. Бхаскара и теорию структуриации Э. Гидденса, сама же предлагает «морфогенетический подход». Можно заметить, что и теории, использующие методологию мезоредукционизма, также дают нам лишь альтернативные модели структурирования социальности. Согласно *мезоуровням*, на которых акцентировано внимание исследователей, можно классифицировать и сами теории.

Структура и эмерджентность. В основе данной интегративной модели лежит понимание социальности как структурности, т. е. упор делается не на социальность как результат социальных процессов, а на условия, при которых этот результат достижим. Согласно П. Блау интерес должен быть направлен не столько на структуру, сколько на изучение структурных параметров. Параметры бывают двух типов: «номинальные» (горизонтальные) — распределяют население по половозрастным, расовым и другим подобным признакам; «ранговые» (вертикальные) — классифицируют индивидов по их месту в каких-либо

иерархиях. Параметры могут использоваться для объяснения уровней социальной дифференциации. Блау замечает, что в определении социальной структуры существует ряд заметных альтернатив. Одни авторы сопоставляют социальную структуру и культуры, другие рассматривают культурные символы и идеи как глубинную сущность самой структуры; одни подразумевают под ней теоретическую модель, призванную объяснить взаимодействия людей на практике, другие же считают, что социальная структура как раз-таки находится «вне» людей и поэтому ее саму надо описывать с помощью теорий.

Блау определяет некий общий знаменатель во всех этих различных взглядах. Данный знаменатель — эмерджентные свойства структуры, позволяющие считать ее за таковую: «Социальная структура тождественна эмерджентным свойствам комплекса составляющих ее элементов, т. е. свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса. В любой структуре можно выделить элементы, составляющие собственно структуру, и комплекс элементов, из которых структура строится. <...> Комплекс элементов структуры представляет собой лишь механическую совокупность элементов, в то время как собственно структура определяется взаимосвязями этих элементов, включая как взаиморасположение и косвенное влияние этих элементов, так и прямые связи между ними» [5, 16].

Блау рассматривает четыре основных вида эмерджентных свойств: 1) численность элементов социальной совокупности (данное свойство может служить основанием для исследования всех остальных структурных свойств); 2) социальные отношения между людьми (прямые связи между элементами структуры социальной группы); 3) состав социальной совокупности (различия между ее элементами); 4) глобальные характеристики инфраструктуры общества и абстракции, выведенные из моделей социальных отношений между элементами или комбинаций элементов. Также эмерджентными свойствами могут выступать, к примеру, групповая сплоченность, конфигурация иерархии власти, разделение труда и т. п.

Большой интерес представляет и «трансформационная модель социальной деятельности» Р. Бхаскара. Бхаскар исходит из того, что «по отношению к индивидам общество выступает как нечто такое, чего они никогда не делали, но что существует только благодаря их деятельности» [9, 227]. Бхаскар предлагает различать деятельность людей по воспроизводству и по преобразованию социальных структур. Общество как совокупность структур является как результатом, так и необходимым условием человеческой деятельности. Один из основных тезисов Бхаскара гласит, что поскольку «отношения, в которые вступают люди, существуют до вступающих в отношения людей, чья деятельность воспроизводит и трансформирует отношения, то сами эти отношения суть структуры» [3, 164].

Бхаскар ищет точку соприкосновения социальной структуры и деятельности людей: «Такая точка, связующая действие со структурой, должна быть и «бессмертной», как общество, и непосредственно поддерживаемой индивидами. Необходимая нам посредствующая система — это система позиций (положений, мест, функций, правил, задач, обязанностей, прав и т. д.), занимаемых

(заполняемых, возложенных кем-то, принимаемых на себя и т. д.) индивидами, и практик (видов деятельности и т. д.), в которые они вовлечены в силу того, что занимают эти позиции (и наоборот). Я буду называть эту посредствующую систему позиционно-практической системой» [9, 233]. Структурные свойства социальности выражены, таким образом, через межличностные взаимодействия, взаимоотношения между людьми и природой и людьми и социальными продуктами.

Не менее интересна и теория, разрабатываемая Р. Будоном. Он предлагал анализировать макроскопические изменения при помощи «индивидуалистических» методов. Будон замечает, что подавляющее большинство исследователей социальности стоят на стороне одной из двух позиций: а) объясняют отсутствие детерминизма субъективными причинами, ограниченностью информации, невозможностью исследовать все переменные; б) считают, что для социального исследования интерес могут представлять лишь детерминированные процессы. Это вполне согласуется с выдвинутым нами ранее тезисом о примате двух типов редукционизма в социальных исследованиях. В ходе анализа Будон отвергает первую позицию (субъективизм), поскольку она не берет в расчет возможность открытых ситуаций. Вторая же позиция, по его мнению, лишена реального основания, открытый характер ситуации не меньше должен интересовать исследователя, чем закрытый. Нежелателен и примат ценностей, характерный для теорий, построенных на идее изменения как продукта механизмов социализации.

Будон делает вывод, что никакие общие теории социального изменения существовать не могут. В зависимости от структуры конкретного процесса идеи и ценности могут играть решающую роль, а могут не играть никакой; какие-либо переменные могут иметь значение для объяснения процесса, а могут и не иметь; конкретные процессы могут подчиняться детерминизму, а могут и не подчиняться, и т. д. Таким образом, структура обусловлена структурными условиями. Будон отмечает, что «параметры, характеризующие структуру ситуации, в которой действуют акторы, в определенных случаях могут в значительно большей степени определяться *институциональными* или *случайными* элементами, нежели *структурными*» [6, 125]. Одни и те же структурные элементы вовсе не обязательно вызывают одни и те же неизменные последствия. Структура конкретной системы не позволяет с точностью определить ее будущее, так как она связана и со структурными, и с «неструктурными» элементами, которые вовсе не обречены на неизменность.

Структура и коммуникация. Коммуникативная концепция структурирования социальности является, пожалуй, одной из самых распространенных и популярных среди концепций, опирающихся на мезоредукционистский тип методологии. В качестве мезоуровня здесь выступает «коммуникация», превращающая социальность в своеобразный «метадискурс». Дискурс — событие, в котором встречаются субъект и объект речи лицом к лицу, это особый тип реальности, главное в котором — процессуальность. К понятию дискурса обращались М. Фуко, Ю. Хабермас, Э. Лакло, Э. Гоулднер, Т. Дюрберг, Ж. Деррида и др.

Коммуникативная концепция зародилась еще в лоне постструктурализма (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Лакан). М. Фуко неоднократно использовал понятие дискурса. Исследуя две эпистемы — классическую и современную, Фуко определял ведущее значение в каждой из них дискурсивных практик. Однако если для первой эпистемы была характерна дискурсия исключительно в языковом плане, то для второй дискурс подразумевает не только речь, но и мысль: «В той точке, где представление встречается с бытием, где пересекаются природа вообще и человеческая природа, в том месте, где, как нам теперь кажется, мы узнаем первоначальное, неопровержимое и загадочное существование человека, — там классическая мысль порождает не что иное, как мощь дискурсии. Дискурсии — то есть языка в его способности выражать представления, языка, который именуется, расчленяет, сочетает, связывает и развязывает вещи, позволяя увидеть их в прозрачности слов» [21, 332].

Субъект предстает у Фуко точкой пересечения различных типов дискурсов, лишаясь тем самым автономии и подчиняясь языковым практикам господства. Дискурсивные практики (если говорить точнее, «система формирования») нивелируют как макроструктуры, так и субъекта как носителя этих практик. Говоря об исследованиях Фуко, Н. С. Автономова замечала: «Язык у Фуко — это скорее метафора для обозначения самой возможности соизмерения и взаимопреобразования разнородных продуктов и образований человеческой духовной культуры, общего механизма духовного производства. <...> Язык — это уровень первоначального структурирования, на основе которого далее вступают в силу социально-культурные механизмы более высоких уровней, например рационально-логического. Язык мира (Ренессанс), язык мысли (классический рационализм), язык как самозамкнутое бытие (современная эпистема) — все это здесь лишь условное обозначение для различных способов такого структурирования в различные исторические периоды» [1, 24].

Пожалуй, самым ярким примером мезоредукционизма данного типа может послужить «теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса. Вопрос, как возможен социальный порядок, Хабермас переформулирует в вопрос о том, как участники интеракции могут координировать планы своих действий таким образом, чтобы Другой, не порождая конфликта и не ставя под угрозу саму интеракцию, мог «соединить» свои действия с действиями Я. Механизмом координации действий выступает взаимопонимание. Если действие есть процесс овладения некой ситуацией, то коммуникативное действие выражено в совместном истолковании ситуации, в достижении консенсуса. Жизненный мир, по Хабермасу, есть контекст ситуации действия. Но если каждый из участников хочет претворить в жизнь свои планы, то им приходится договариваться о чем-то происходящем в мире. Так, «мир» (совокупность существующих положений вещей) становится для них системой отсчета, опирающейся на разделяемое несколькими субъектами пропозициональное знание, на согласие в нормативном плане и на взаимное доверие.

Таким образом, коммуникация между участниками интеракции выступает тем самым мезоуровнем, соединяющим макро- и микроуровни социальности, «жизненный мир» и субъекта. Именно коммуникация служит ядром, вокруг

которого «собираются воедино» объективный, социальный и субъективный миры: «Когда говорящий высказывается о чем-либо в рамках повседневного контекста, он вступает в отношение не только к чему-то наличествующему в объективном мире (как совокупности того, что имеет или могло бы иметь место), но еще и к чему-то в социальном мире (как совокупности законодательно урегулированных межличностных отношений) и к чему-то в своем собственном, субъективном мире (как совокупности манифестируемых переживаний, к которым он имеет привилегированный доступ)» [22, 40]. Только при переходе к конвенциональной ступени интеракции возникает полноценная система перспектив говорящего, вбирающая в себя каждый из этих миров.

Н. Луман считает коммуникацию единственной подлинно социальной операцией: «Коммуникация — это самая малая из возможных единиц социальной системы, а именно — такая единица, на которую сама коммуникация еще может реагировать при помощи коммуникации же» [16, 86]. Коммуникация — базовая операция для образования социальных систем. Коммуникация, как единица, конституирующая структуры социальности, обладает и внутренней структурой, связанной с отношением между сообщением, информацией и пониманием. Процесс коммуникации связан с пониманием, но даже если понимание не будет достигнуто, это будет означать лишь появление новой коммуникации; таким образом, коммуникативные процессы представляют собой сеть, в воспроизводстве которой они постоянно задействованы. Цель (и одновременно результат) этого процесса — (вос)производство смыслов. Именно с понятием смысла связано определение Луманом общества: «Общество — это система, конституирующая смысл» [Там же, 50].

Коммуникативная концепция структурирования социальности по сей день не теряет своей актуальности. Дискурсивное начало в социальности отмечал Липовац: «Структурное начало стало бы здесь тождественным с признанием существования различных типов дискурса в обществе, которые необходимым образом артикулируют отношение субъекта к делу, к самому себе и к сигнификантам как таковым из соответствующего референтного способа. Здесь речь ни в коем случае не идет о так называемой над-надстройке иерархии, но, вероятно, об артикуляции дискурсов, которые устанавливаются комплексностью предметов» [28, 165]. У. Штэхели пытался сопоставить два типа структур: социальную и семантическую. Говоря о действии, Штэхели предлагает всегда говорить и о коммуникативном событии, которое осуществляется лишь посредством отношения к семантическим структурам: «Семантика уже наделяет конституцию и структурирование тем элементом, который должен упорядочить социальную структуру. Это опять же означает, что продукт ряда событий действия возможен только на основании семантических структур, которые делают действиями в первую очередь коммуникации» [29].

Структура и структурация. Подход к структурированию социальности, обозначенный нами как «структурация», предполагает структурирование социального во времени и пространстве. Сам термин был введен в этом значении Э. Гидденсом. Имеет смысл объединить в этом подходе взгляды самого Гидденса и П. Бурдьё, поскольку два этих подхода имеют множество точек соприкосновения.

В исследованиях Бурдьё снимается оппозиция субъективности и объективности, «...оппозиция, совершенно абсурдная с научной точки зрения, между индивидом и обществом, которую стремится преодолеть понятие габитуса, понимаемого как инкорпорированная и, следовательно, индивидуализированная социальность» [7, 53]. Сам Бурдьё рассматривал свою «философию габитуса» как лежащую между «структурализмом без субъекта» и «философией субъекта», что вполне позволяет нам считать используемую в его исследованиях методологию мезоредукционистской. Для Бурдьё мезоуровнем, к которому сводились все социальные практики, выступал «габитус», определяемый им как «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению» [8, 122].

Габитус рационален, но в его основании лежит не разум, а некое предвосхищение, основанное на неоднократном моделировании подобной ситуации в прошлом. Это умозрительная структура, которая имеет способы и средства существования в самой себе. Через габитус мы можем выразить повседневную деятельность людей. Поняв габитус, можно понять мотивы действий индивидов, их интересы, склонности, методы деятельности: «Понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был “приведен в действие”, т. е. необходимо провести научную работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом, устанавливающим эту связь посредством практики и в практике» [Там же, 109]. Этим обуславливается основополагающая роль габитуса в структурах социальности.

Бурдьё представлял свою теорию как некий «генетический структурализм»: «Анализ объективных структур — структур различных *полей* — неотделим от анализа генезиса ментальных структур внутри биологических индивидов, которые являются в некоторой степени продуктом инкорпорации социальных структур и анализа генезиса самих этих социальных структур: социальное пространство и группы, которые в нем распределяются, являются продуктом исторической борьбы (в которую агенты вовлекаются в зависимости от их позиции в социальном пространстве и от ментальных структур, через которые они воспринимают это пространство)» [7, 28]. Таким образом, габитус выступает мезоуровнем, к которому сводятся как макроструктуры (системы интериоризованных структур, общие для групп людей схемы восприятия), так и микроструктуры (индивидуальные системы диспозиций). Бурдьё исходит из следующего теоретического принципа: нельзя свести социальное существование к моделям, схемам, которые создаются «на его основе». Понятие поля как структуры направлено на установление связи между субъективными ожиданиями человека и объективными возможностями. Основопологающим звеном в существовании полей является борьба людей за признание. Бурдьё дополняет себе-

ровский концепт воли как структурирующего фактора такими понятиями, как «честь», «репутация», «престиж», «стратегия» и т. д.

У Э. Гидденса пропасть между макро- и микроуровнями преодолевается через разработанную им концепцию дуальности структуры. Субъектов и структуру нельзя рассматривать как независимые друг от друга категории. Нельзя говорить о дуализме субъекта и структуры. Правильнее вести речь о дуальности (двуединстве): «В соответствии с представлениями о дуальности структуры структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности, и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью. Структура не является чем-то “внешним” по отношению к индивидам: будучи своего рода “отпечатками” в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее “внутренней”, нежели внешней (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности. Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия» [12, 70].

Гидденс различает понятия «структура» (некий общий термин), «структуры» (во множественном числе), «структуральные свойства социальных систем», «структуральные принципы». Традиционно структура рассматривалась как некий каркас, набор констант, наиболее устойчивых аспектов социальных систем. Гидденс не отходит от этого принципа, но к социальным правилам (действующим в рамках структуры) добавляет и ресурсы, способствующие производству/воспроизводству социальных институтов (как наиболее стабильных черт социальной жизни). Данные ряды правил и ресурсов и представляют собой структуры (во множественном числе). Под структуральными свойствами Гидденс подразумевает институционализированные характеристики социальных систем, фиксируемые во времени и пространстве. Социальные системы, в отличие от структуры, существуют в виде воспроизводимых во времени и пространстве ситуативных действий акторов. Структура же существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в качестве отпечатков социальной практики.

Одна из характеристик структуры — отсутствие субъекта. Вместо понятия субъекта Гидденс прибегает к определению самости (в этом он наследует традиции американского интеракционизма): «Под “субъектом деятельности” (agent или actor) мы понимаем личность, соотношенную с телом, которое имеет пространственно-временные характеристики. Вместе с тем “самость” не есть самостоятельный мини-субъект действия, “функционирующий” внутри индивида. “Самость” представляет собой сумму тех форм воспоминания, посредством которых человек осознает, “что” стоит у истоков его деятельности. Таким образом, субъект сам наделяет свою “самость” свойствами деятельности. Именно поэтому “самость”, тело и память тесно взаимосвязаны» [Там же, 100].

Как и у Бурдьё, важное место в концепции Гидденса отводится исследованию повседневности. Повседневность переплетается с пространственно-временными перемещениями актора. Рутинность является доминирующей формой повседневной социальной активности. Она тесно связана с чувством тревожности,

ответ на которое зачастую и представляет собой действие. Рутинa является и важной составляющей социальных институтов, которые являются подлинно социальными лишь при условии своего непрерывного воспроизводства. Через обращение к повседневности можно проанализировать и социальные позиции, занимаемые акторами.

Акторы расположены («зонированы») во времени и пространстве, постоянно передвигаются по этим осям. Кроме того, они «зонированы» и относительно друг друга. Пространственно-временное измерение предполагает понятие социальной позиции: «...социальные позиции представляют собой специфические пересечения сигнификации, господства и легитимации, имеющие отношения к типизации субъектов деятельности. Социальная позиция подразумевает определение “идентичности” в рамках системы социальных связей и взаимоотношений; идентичности как “категории”, к которой относится ряд специфических нормативных санкций» [12, 141]. Позицию Гидденс истолковывает как «позиционирование». Здесь важна роль контекста или обстоятельств взаимодействия. Под контекстом Гидденсом подразумеваются: а) пространственно-временные границы, б) соприсутствие акторов, в) их осведомленность и использование имеющихся знаний для воздействия или контроля над взаимодействием. Актор обладает достаточным количеством знаний о контексте, в котором ему приходится действовать, и о последствиях, к которым может привести его деятельность. Действия акторов цикличны, они постоянно воспроизводятся акторами.

Традиции теорий структуриации во многом продолжает социально-топологический подход. Если для Бурдьe и Гидденса мезоуровнем структурирования социальности выступали соответственно «габитус», «рутина», то в социальной топологии взгляд исследователя обращается на телесные техники. В основе социальной топологии лежит тезис о том, что большинство окружающих нас форм социальности являются порождением человеческого тела: «социальные отношения, взятые в действительном приближении, суть не что иное, как телесные взаимодействия индивидов в определенных местах социальности» [2, 46]. Социальность оказывается обусловленной множественностью различных мест, в которых происходят взаимодействия индивидов, определяемые через телесные и коммуникативные техники. Однако данные техники не есть структуры социальности: «телесные и коммуникативные техники существуют не в качестве структур, а в качестве рекурсивных процессов» [Там же, 130]. Именно через обращение к этим техникам и происходит структурирование социальности как совместности, «воплощенного сознания».

Альтернативные модели структурирования социальности

Итак, настал момент для подведения итогов нашего исследования. Кратко их можно обозначить следующими тезисами:

1. Не существует однозначной трактовки сущности социальности, способов ее структурирования, характера движущих сил и механизмов социальных процессов. Уместно говорить не столько об универсальном понимании социально-

сти, сколько об альтернативных моделях ее структурирования. Разнообразие концепций порождает разнообразие и разноплановость результатов исследований процессов, происходящих в обществе. Объективность полученных в ходе исследования результатов обеспечивается не столько реальным положением дел, сколько используемой в ходе исследования методологией.

2. На метафизической стадии социальность рассматривалась сквозь призму обращения к внешним архетипам, обеспечивающим ее неизменность и стабильность. На классической научной стадии на замену архетипам приходят *образцы*, обладающие предельным уровнем абстрагирования. Социальные структуры приобретают характер схем деятельности, концепция человека формируется на основе обобщенных представлений о его качествах и силах. В исследованиях социальности господствуют субъект-объектные и объект-субъектные схемы, зачастую не столько дополняющие друг друга, сколько конфликтующие. Каждая из этих схем может быть выражена определенным типом методологии — макроредукционизмом (сведение индивидуального к универсальным схемам, примат социальной структуры над деятельностью человека) или микроредукционизмом (социальное целое редуцируется к силам и качествам индивидов, действие человека производит и направляет социальные структуры). Данные методологические установки можно назвать универсальными, так как каждая из них претендовала на описание любых процессов, происходящих в обществе.

3. На неклассической стадии осознается односторонность существующих ранее подходов к проблеме структурирования социальности. Усложняющийся характер общества, все более возрастающая динамичность социальных процессов приводят к необходимости отказа от образцов как от универсальной методологической и мировоззренческой нормы. Социальность предстает разделенной между различными субъектами, обладающими разными образами социальной реальности, поэтому на смену старым парадигмам приходит субъект-субъектная схема, на методологическом уровне связанная с мезоредукционизмом. Мезоредукционизм — интегративная методология, предполагающая редукцию к некоему «срединному уровню» структурирования социальности. В зависимости от того, что принималось в качестве такого мезоуровня (эмерджентные свойства социальных систем, коммуникации, рутина, габитусы, социальные практики и др.), можно выделить очередную группу альтернативных моделей структурирования социальности. В отличие от классического этапа альтернативные модели структурирования социальности скорее дополняют друг друга, чем друг другу противоречат. Социальность предстает полем, разделенным между множеством субъектов сетью взаимозависимых социальных процессов. Структуры социальности как предмет исследования претерпевают онтологизацию, интерес с субъективности индивидов (психологический, гносеологический ракурс) смещается в сторону субъектности (как силы и формы развития социальности).

Главным остается вопрос, способна ли методология мезоредукционизма быть столь же актуальной на постклассической стадии научного знания? Можно ли будет говорить о некой «единой картине социальности» или мы вынуждены будем удовлетворяться разнообразием альтернативных моделей

структурирования социальности? Проблема разнообразия обществ, культур, типов социальных взаимодействий ведет как к проблемам «сосуществования множественностей», так и к необходимости выработки неких новых типов образцов, которые смогли бы обеспечить сосуществование социальных систем.

Так появляется тема *единичного множественного*. Субъект-субъектная схема неклассической науки, таким образом, должна будет уступить свои позиции *полисубъектной*. Идеи распада объективности и «уничтожения субъекта» приводят нас к идее многомерности социальной реальности, приобретающей характер *виртуальности*. Эти и многие другие темы, выдвигаемые на первый план современной философией, заставляют нас в очередной раз осмыслить методы, вооружившись которыми мы подходим к изучению социального мира. Редукционизм (как на макро- и микроуровнях, так и «срединный») в настоящее время себя не оправдывает. Новая методология должна неизбежно быть антиредукционистской, уходящей от рассмотрения социальности на «срезах» и «уровнях», не сводящей ее к каким-либо проявлениям социального бытия. Неизбежное ускользание социальности позволяет говорить о ней не как о чем-то целом, едином, а как о сети взаимообусловленного существованием друг друга гетерогенных сообществ. Именно на основе данных тезисов и должен быть построен дальнейший научный поиск, результатом которого могла бы стать новая, постклассическая концепция структурирования социальности.

-
1. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
  2. Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007.
  3. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. М., 1999.
  4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
  5. Блау П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1996.
  6. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998.
  7. Бурдьё П. Начала. М., 1994.
  8. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
  9. Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М., 1991.
  10. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.
  11. Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995.
  12. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структурирования. М., 2005.
  13. Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
  14. Дюркгейм Э. Метод социологии // Там же.
  15. Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007.
  16. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
  17. Макайвер Р. Реальность социальной эволюции // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994.
  18. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

19. Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
20. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998.
21. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
22. Хабермас Ю. Реконструирование и понимающие науки об обществе // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
23. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
24. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Там же.
25. DeLanda M. A new philosophy of Society. L., 2006.
26. Kontopoulos K. M. The logics of social structure. Cambridge; N. Y., 1993.
27. Mouzelis N. P. Modern and Postmodern Social Therizing. N. Y., 2008.
28. Thanos Lipowatz. Das reine Politische oder Eine (post) moderne Form der politischen Mystik // Das Undarstellbare der Politik. Zur Hegemonietheorie Ernesto Laclaus. Wien, 1998.
29. Urs Stäheli. Zum Verhältnis von Sozialstruktur und Semantik // Soziale Systeme. 4. 1998. N. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soziale-systeme.ch/leseproben/staeheli.htm>

Рукопись поступила в редакцию 1 декабря 2010 г.

УДК 316.772 + 168.4

И. В. Красавин

КОНЦЕПЦИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ*

Статья посвящена социально-философскому анализу социальной коммуникации как гетерархической структуры отношений и предлагает системную теорию общества. Описана динамика процессов социального конструирования, посредством которых выстраивается взаимодействие людей. Даны принципы структурирования общества как множественного целого. Показано, что любые формы социальной жизни фундаментально едины между собой в качестве коммуникации и различаются лишь композицией отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дифференциация, различие, гетерархия, конструирование, система, часть и целое.

Единичная множественность

Данная статья рассматривает проблему интерпретации множественности процессов социальной коммуникации и представляет собой вариант генерализующей методологии междисциплинарных исследований общества. Процесс устройства общества рассматривается на стыке гетерологического (Ж. Делез, Т. Керимов) и социально-коммуникативного (Н. Луман) подходов. Предполагается, что пространство социальной коммуникации, включающее также практическое взаимодействие, образуется посредством дифференциации социальных процессов относительно друг друга. Они создают разнообразные

---

* Статья написана в рамках выполнения ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» Мероприятие 1.3.1 П854.

системы различий, которые, применительно к различным аспектам взаимодействия, совместно проявляют одновременные свойства части и целого. Для описания такой дифференцированной, но упорядоченной структуры вводятся понятия гетерархии, заимствованное из кибернетики (У. Маккаллок), и участника¹. Свойства целостности и различности процессов коммуникации обнаруживаются с помощью понятия сообщества как сообщающегося социального множества. В заключение даны характеристики существенных аспектов коммуникации сообщества, которые реализуют дифференцированные социальные процессы.

Вопрос о том, как понимать общество, развел философию и социальные науки на не связанные друг с другом направления, каждое со своим предметом исследования. Считается, что общество как целое непредставимо вследствие своей множественной природы. Такая посылка делит социально-гуманитарные науки сообразно отдельным аспектам социального существования. Сведение получаемых результатов теперь происходит в практике, т. е. признается, что рационализировать мы можем только сиюминутные события, тогда как полифония социального бытия остается и нередко объявляется недоступной, в связи с чем социально-гуманитарные науки переживают довольно неприятную профанацию. Однако вряд ли кто-то будет отрицать, что эта множественность странным образом остается упорядоченной и в таком виде продлевает себя во времени и пространстве день за днем, независимо от обстоятельств, а не превращается в хаос. В повседневной деятельности мы признаем единство общества и социальных процессов, но теоретически оно остается недоступным. Междисциплинарный анализ гетерогенных социальных процессов без соответствующей методологии и онтологии данной проблемы не решает, так как в конечном итоге приходится принимать те представления об обществе, которые бытуют в отдельно взятой дисциплине.

Все же в случае общества объект этих дисциплин был и есть общий, и соединение разнообразных дискурсов происходит в «черном ящике» повседневного существования [6, 6–13]. На последнее ссылаться стали относительно недавно, но имплицитно всегда «имели в виду», поскольку любые метафоры наполняются смыслом вследствие соприкосновения с фактической социальностью. Науки исследуют отдельные процессы и аспекты, но оставляют в стороне вопрос о множествах тел — единичных существований индивидов и групп, предпочитая видеть общество гомогенным как «общество вообще», «человек вообще» и распространять заведомо частные свойства своих объектов на все пространство социальности. Обсуждение целостности множественного существования сейчас происходит в «литературных» жанрах. А между тем существование этих единичных индивидов и групп и есть единственный серьезный предмет исследования, поскольку оно соединяет в себе любые социальные процессы и выступает их единственным субъектом.

Представляя собственную версию социальной реальности, социально-гуманитарные науки детально выделили отдельные аспекты и процессы, но сделали

---

¹ Более точным является англоязычный вариант stakeholder — заинтересованная сторона, притязатель.

это при помощи классического представления о бытии и соответствующего концептуального аппарата. Другими словами, проблемы и процессы исследовались частные, а категории и метод их сведения использовались общие, метафизического происхождения. В результате происходила редукция бытия к отдельным аспектам существования, а частные свойства становились всеобщими. Этот же порок эссенциализма присущ и практическому знанию. Классическая метафизика, ведущая свое происхождение от утверждения Парменидом единства бытия, настойчиво пыталась редуцировать множественную природу общества к единым образцам сущностного характера. Предполагалось, что существует только один и общий для всех способ бытия, которому соответствуют не только единые принципы организации общества, но также их единое институциональное воплощение. Данная установка стимулировала поиск подобных образцов, на сравнении с которыми выстраивались правила отношений участников социального взаимодействия. В реальности же происходила неочевидная подмена, в ходе которой идеальным образцам бытия приписывались свойства конкретного социального сущего. Таким образом, вопрос о способе бытия замещался вопросом о способе конкретного существования [5].

Ориентация классической метафизики на поиск сущности до сих пор доминирует в социально-гуманитарном познании. Это значит, что социальные процессы представляются в виде последовательности абстрактных идей, как если бы задача социальных процессов состояла не в реализации коммуникации индивидов, групп, их институтов, а в реализации идей и находимого в них смысла. Основанием такого мышления является представление об уникальности социальных событий. Однако необходимо отметить, что уникальные события реализуются в пространстве коммуникации, которая вовсе не является уникальной, но, напротив, повторяющейся. Если конкретные институциональные формы коммуникации различны и непохожи друг на друга, то корректно они объясняются не заложенными в них идеями, а множественностью участников и создаваемых ими условий.

Люди создают множественную коммуникацию фактическим присутствием единичных существований, которые различаются «точками зрения» в бытии, независимо от того, что их объединяет или разъединяет. Единичностью является присутствие уникального существования индивида или группы в бытии. Нечто подобное Лейбниц называл монадой, Делез — складкой, а Мандельброт — фракталом. Поскольку форма и содержание существования появляются лишь в отношениях с другими существованиями, оно всегда множественно, а его смысл дискретен. Социальность — это отношения множественных существований, воплощенных в конечных формах единичных тел, которые проявляют себя в различных формах и содержаниях коммуникации, но никогда этим содержаниям и формам не бывают тождественны. Исходные смысл или цель социальной коммуникации, следовательно, не принадлежат самим участникам коммуникации. Смыслы, которыми они оперируют, всегда локализованы и редуцированы по отношению к процессам взаимодействия.

Опыт отчуждения, который непосредственно и осуществляет дискретность, уже заключен в множественную природу бытия. Естественно, что лишение

смысла не всегда приятная операция, так как в этот момент границы опыта являются со всей очевидностью. Смысл и опыт не могут исчерпать всех «точек зрения» социального в силу уникальности, единичности этой «точки зрения» как пространства опыта в каждом отдельном случае. Гносеологически проблема смысла и опыта заключается в отношениях внутреннего и внешнего. Любое содержание, будучи образованным в отношениях нескольких единичностей, мыслится тем не менее в пределах отдельного существования. Часть содержания приписывается какой-либо сущности — «внутреннему», тому, что «неотделимо» от существования, тогда как другие содержания объявляются «внешними». Как было указано выше, в ходе построения объединительных, «всеобщих» или синтетических объяснений общества частные смысл и опыт периодически меняются местами со всеобщими процессами, в зависимости от обстоятельств становясь то «внутренним», то «внешним».

Таким образом, опыт представления бытия не равен самому бытию, что, конечно, трюизм, однако на практике люди исходят из противоположного. Ведя речь о бытии вообще, участник всегда имеет в виду какое-то единичное бытие [14, 60]: его вопрос обусловлен тем, как эта единичность (хотя бы его собственная и смертная) существует в общем и не всегда представимом бытии. Единичность обнаруживает себя во множественности, а потому бытие экстерно [11, 280]. Наличие у бытия «внешней» стороны, не видимой обычному взгляду, удручает, тем более что эта «внешность» связана отнюдь не с некими потусторонними силами, а, развертываясь во времени, — всего лишь с другими людьми [15, 398]. Формальное равенство представителей вида *homo sapiens* делает логичной мысль, что люди равны не только фактом своего присутствия в бытии, но и содержаниями своих институтов и дискурсов. Досадные социальные различия заставляют делить бытие для оправдания отсутствия искомого единства смысла и опыта; так появляются безумные «русская душа», «китайская мудрость», «западный разум» и т. п. Обращение к таким понятиям явно указывает на то, что объектам их приложения отказывается в полноте человечности — либо они животные, либо мы нелюди. Тот, кто пытается свести реальность бытия к реальности своего опыта, дискурса и смысла, все еще озадачен фактом единичности своего существования во множественном бытии. По-видимому, безрезультатно.

Единство бытия с присущим ему смыслом обнаруживается не в силу единства институций и дискурсов, а в силу причастности различных институций, индивидов и групп общему множественному бытию. Единство бытия не нуждается в дополнительной унификации частных существований, так как они уже известным образом унифицированы коммуникацией как процессом взаимодействия, иначе говоря, связью различий [13, 90–91]². «Непосредственное»

---

² Нужно учесть, что Н. Луман, по всей видимости, понимал коммуникацию тройко: она для него была и процессом различения, и сообщением информации, и институциональным упорядочиванием. При переходе от одного типа коммуникации к другому она, в зависимости от предмета исследования, превращается то в сообщение масс-медиа, то в институциональную оппозицию «центр — периферия». Здесь и происходит подмена, поскольку институциональные содержания никак не характеризуют формальный процесс различения, а тот не исчерпывает смысл социальной коммуникации.

бытие, которым обладают каждый индивид и каждая группа, в равной мере принадлежит общей сущности бытия. Бытие не только едино, оно еще и различно. Мы можем молиться общим богам, но различаться по факту индивидуальности. Общие содержания наших существований строят разную фактичность, обусловленную различиями времени, пространства, языка, тела и т. д., распределенных «вокруг» единичного существования. Если классический подход предполагает раскрытие содержания исследуемого объекта в виде сущности, то презумпция множественности требует исследовать любые содержания в виде отношений, состоящих из совместных содержаний и совместных различий.

Экстериорность бытия указывает на то, что ни одно его содержание не «владеет» всеми остальными [9, 26]. Классическая метафизика мыслила отношения иерархически, что проявлялось в нисходящем ряде свойств или действий. Их обоснование могло быть как теологическим, так и функциональным, но упорядочивание объектов подчинялось одинаковым условиям. Подобная иерархия совершенств основывалась на различии бытия и сущего с исключением последнего в пользу идеального образа бытия и воспроизводилась в виде оппозиции противоположностей: сущность и кажимость, базис и надстройка и т. д. И все потому, что любое знание рано или поздно сталкивается с бесконечным — неразрешимой множественностью, понять и упорядочить которую оно не в состоянии.

Множественность вызывается различием, которое есть не более чем операция по разграничению двух единичностей. В отличие от различия тождество локально, ограничивается пределами единичного существования, идентификация которого с определенными содержаниями и образует тождественность. Классический взгляд на тождество и различие выглядит так: «различное, следовательно, есть само же оно и тождество... можно также сказать, что различие как простое не есть различие; оно различие лишь в соотношении с тождеством...» [2, 376]. Точка зрения из множественности диаметрально противоположна. Тождество задается (по условиям), но не определяется (по содержанию) различием. Нечто может быть признано содержательным, т. е. тождественным, в том случае, если будет признано его отличие от чего-то другого.

Различие (различение) является, по сути, единственной однозначной операцией, которую постоянно воспроизводит социальное бытие. С точки зрения участника, оно разделяет исходно немаркированное, «пустое» пространство взаимодействий на «внутреннее» и «внешнее» [13, 64]. Естественно, что эта «пустота» есть не более чем уловка метода, ведь исходно уже есть различие бытия и сущего, существования и существующего. Процесс различения воспроизводит это неравновесие; дискретирование содержаний общего бытия усложняет социальность, которая дополняется все новыми и новыми условиями. Эта формальная операция может воспроизводиться бесконечно, но содержательно в социальности будут происходить уникальные изменения. То есть действие различия является неизменным фактором в отношениях участника и реальности. Социальные процессы оказываются связанными друг с другом, но эту связь обеспечивает не содержание их смысла, а границы этого содержания,

определяемые специфическими отношениями, тогда как смысл оказывается лишь еще одним содержанием в общей множественности.

Смысл как понимание причастности событию появляется, когда граница одновременно соединяет и разъединяет процесс коммуникации и существование. Каковы будут различия формы причастности, таким будет и смысл. Экстериорность границы делает ее содержанием и различием одновременно, что не позволяет границу феноменологизировать, хотя алгоритм раскрытия феномена и дублирует действие различия. Граница показывает возможность взаимодействия различных содержаний, или участников взаимодействия, без сведения многообразия к содержанию отдельных аспектов социальности. События происходят в коммуникации как множественной связи и являются друг для друга внешними и сопричастными одновременно. Социальные отношения — это коммуникация участников, которые подобны друг другу фактом участия, но не тождественны.

Это, в свою очередь, означает, что система социального различения воспроизводит себя в качестве различия, т. е. различается по отношению к самой себе во времени и является множественной единичностью. Происходит событие, и меняется множественная сеть отношений, участники которых получают различные статусы и способы маркировки. Такое различие, в свою очередь, вызывает продолжение рядов различий, и система постоянно видоизменяется. То, что остается неизменным, это характер организации различий, или коммуникация. Данный способ конструирования распространяется и на содержание событий — на то, как упорядочены их части, как и с кем они оказываются в отношениях, на пределы и способы взаимодействия участников относительно их присутствия в социальной множественности. Для различительного видения содержание имеет смысл постольку, поскольку способно взаимодействовать с другими содержаниями или отказывать им в этом. Содержание события образует не только локальную ценность, но форму коммуникации с другими содержаниями, сопоставимыми, но не равными ему.

Гетерархия

Процесс порождения социальных содержаний с помощью операции различения был назван дифференциацией [12, 28]. Впрочем, тот же самый процесс Левинас называл творением [11, 275]. Дифференциальное общество ризоматично — оно не имеет несущей структуры, корня, центра [16, 35]. Единственное, что выглядит устойчивым и постоянным, это отношение к существованию, которое и может быть признано «несущей структурой» социального. Ризома расширяется в любом направлении, а каждая ее часть воспроизводит целое, сохраняя или изменяя локальные характеристики. Каждый тип связи или форма социальности являются в таком случае дополнительными по отношению друг к другу.

Ризоматичное бытие дает различного участника. Участник не тот, кто полагает, а тот, кто отвечает. Это не субстанциальная, но сконструированная процессами коммуникации форма взаимодействия участника и внешних ему отношений; статус его зависит не только от того, как он себя полагает, но и от того,

в какой мере внешние отношения полагают его участие. Вопросание бытия уже есть какой-то ответ на него, так как сначала дана фактичность существования, к которому участник как-то относится, и только потом вопрошание. Потому участник носит конструируемый характер и состоит из содержаний существования, определяющих эту фактичность. Участник в отношениях — еще одно содержание, которое принадлежит как своему единичному существованию, так и существованию «внешней» для него реальности. Ответ участника — это различие единичности и множественности, специфическая реакция на процесс существования.

А, собственно, почему участник, почему не «кто-то» Другой? Открытие тождества единичного бытия и реальности привело западную метафизику к идее самождественности cogito, представляющего собой образец бытия. Бесконечная множественность удобно сворачивалась до признания тождественности мышления участника самому себе, а раскрытие различий ставилось в зависимость от отождествления с участником в качестве критерия истины бытия. Однако, хотя участник тождествен реальности, реальность не тождественна участнику. В классической традиции предполагается, что участник сам определяет процесс мышления путем удостоверения очевидного — cogito ergo sum. Данная операция полагалась исходной и конечной точкой его субъектности. Однако само присутствие мысли демонстрирует факт существования во множественной реальности как условие возможности мыслить: sum — ergo cogito.

Cogito — всего лишь форма организации дискретного смысла, и в разных условиях она демонстрирует разные содержания. В то же время cogito есть не просто операция получения смысла, это алгоритм рационализации — сведение и поддержание существования в его единичности. Cogito — это конструктор отношений и отношения конструирования. Собираем мы, собирают и нас. Общество упорядочено множеством социальных cogito, которые подобны друг другу фактом рационализации, но различны единичными существованиями³. Работа анонимных cogito ведется через различение и отождествление участника с содержаниями коммуникативных процессов. Происходит это различение и отождествление как в дискурсивной рефлексии, так и в конструировании отношений.

Экстериорность существования есть та форма, из которой участник вынужден черпать свои содержания и отождествлять с собой. Комбинаторика коммуникации обязана своим присутствием возможности для формы выступать

---

³ Не стоит отождествлять социальное cogito с феноменологическим ego, относительно которого cogito центрирует переживаемую реальность. Отношения ego cogito являются единичной версией бытия, в центре которого остается субъект, тогда как реальность бытия, в том числе социальное cogito, множественно и включает субъекта как свою часть содержательно и дифференциально. То, что субъект считает целым относительно себя, является дифференцированным относительно социальных процессов (соответственно габитус — частный случай социального cogito). Описание целостности здесь зависит от типов субъектности, которым причастен субъект, причем описания для одного типа будут неравны описаниям другого типа, даже если речь идет об общих для них событиях. Каждый из типов субъектности будет включать другие типы в качестве частей относительно своей конфигурации отношений.

содержанием, а содержанию — формой в разных социальных процессах. Совместность содержания и формы позволяет содержанию отношений какого-либо порядка оказываться тем различием, которое кладет предел самому порядку. Момент привнесения ценностных содержаний в безличную форму имеет отношение к переживанию субъектности и отчуждения. Люди, руководствуясь ценностями, достаточно легко управляют формальными отношениями, к ареалу ценностей отношения не имеющими. И наоборот, ценность тогда существует уверенней, когда ей сопутствует формально организованный процесс. Но самое главное, несмотря на общность различий, эти два отношения не растворяют одно другое, а остаются смежными.

В зависимости от реакций вовлеченных участников существование принимает или не принимает свою тождественность и различность. Это «принятие», или отождествление, есть поиск сущности, который участник ведет относительно самого себя, даже если утверждает обратное. Сущность есть результат редукции, с помощью которой участник различает и отождествляет определенные содержания со своим существованием. В качестве «сущности» некое содержание существует не само по себе, а лишь в той степени, в какой участник причастен тому или иному содержательному процессу. Участник находит сущность процесса по отношению к самому себе, но не определяет истину процесса как такового, поскольку его существование само им обусловлено.

Участник в процессе общей коммуникации конструирует гетерогенные содержания, устанавливает пределы и формы их отношений. Но точно так же социальные процессы, упорядоченные рационализацией, создают участника. Рациональность социальных процессов, объединяющих самые разнообразные содержания, устанавливается автоматически. Рационализирует их само поддержание коммуникации и ее участников, в качестве связанных единичностей. Поддержание существования этих множественных единичностей и есть автоматическая упорядоченность бытия [1, 20–22]. Ведущим в коммуникации является сам процесс, как общее взаимодействие, границы которого шире границ участника. Однако содержание процесса привносится участниками в той форме, с содержанием которой они себя отождествляют. Отождествление и различение участников взаимно и неравно, так как они различаются своими единичными местами в социальных процессах, посредством которых и опутываются паутиной контактов.

Отношения социальных процессов, участники которых взаимодействуют посредством различения и отождествления, — это отношения части и целого, причем последнее не поглощает части, а развертывается одновременно с отношениями частей [12, 72–75]. В каком отношении участник является частью некоего целого, в каком отношении участник является целым неких частей? Иначе говоря, как описать специфику ответа участника на те процессы, в которые он вовлечен с точки зрения единичности его позиции в бытии и смежности существования, которому он причащается? Часть и целое становятся критериями участия, поскольку взаимодействие больше не может мыслиться в русле линейной каузальности и сущностного снятия. Взаимодействие осуществляется в той мере, в какой участник является одновременно какой-то частью и/или

целым, а значит, действующие причины разводятся по различным порядкам отношений.

Одновременное становление частью и целым предполагает не только различие отношений друг с другом, но и упорядочение, их центрацию и группирование. Ризома не имеет несущей структуры, или корня, потому что сама в целом ею является. Субъективация и автоматическая рационализация в пространстве ризомы невозможны без совместности иерархии и сети, так как определены (и содержательно, и формально) смежностью экстериорных процессов бытия. Общую форму дифференциальной социальности имеет смысл назвать гетерархией — структурой, состоящей из множества иерархий, элементы которых соединены сетевыми связями. Взаимодействие здесь оказывается множественным, но локализованным соответствующими иерархическими связями. Таким образом, система упорядочена «внутри» и открыта «вовне» для создания новых связей и структур. Такая компоновка определяет положение участника, позиция которого становится дрейфующей по рядам различных порядков отношений.

Участник претворяет какое-либо взаимодействие в той мере, в какой он является элементом более общей иерархии и соответствующего порядка, нежели он сам. Устройство отношений зависимости участника не замыкается на одной иерархии, а включает в себя отношения с иерархиями более общего и локального порядков. Каждый из нас существует в пространстве действий и событий, принадлежащих более широкому кругу отношений, нежели мы сами, и включающих нас в качестве своих элементов; при этом мы не в состоянии данное положение изменить. Так же мы участвуем в отношениях, которые зависят от наших конкретных поступков и где мы, следовательно, проявляем некоторую степень неотчуждаемой свободы.

Эта свобода, как бы сомнительно ни звучало, есть мера субъектности, ответ единичного бытия на множественные события. Помимо этого мы оказываем влияние на различные процессы, которые являются объектами наших отношений и не могут этого положения избежать без нашего участия. Таким образом, один и тот же участник будет в общей по отношению к нему иерархии элементом, а сами эти отношения для него будут необратимыми. В той иерархии, где отношения зависят от степени его свободы и потому обратимы, он будет субъектом. В локальной иерархии, отношения которой зависят от него и для объектов, или элементов, являются необратимыми, это будет позиция Другого — того, кто определяет наши действия, и мы ничего не можем с этим поделать.

Субъектность участника вызывается сетевыми отношениями, которые создаются одновременно с иерархическими и строго в пределах иерархий. Отношения — это взаимосвязь как минимум двух участников, которые гетерогенны самим фактом единичного существования, а следовательно, общая взаимосвязь воздействует на различные цепочки событий и рождает различные истории о тех событиях. Установив отношения, два участника порождают Другого, который состоит из отношений первых двух, а совместно они проявляют свойства, ранее не выделявшиеся. Другой не равен каждому из них или их сумме, но равноположен. Он является иерархически упорядоченным и предполагает

проявление ими, как своими элементами, определенных и конкретных свойств и функций. Семья — тому простейший пример.

Сеть выстраивается лишь при наличии в комбинации условий иерархических признаков. Элементы двух разных иерархий могут взаимодействовать между собой (в качестве участников) только в пределах третьей. Сеть из одной иерархии не может быть переведена в пространство другой иерархии или установить с ней равные отношения. Поэтому любые упорядоченные отношения отличаются консервативностью, а их участники пассивны в отношениях с участниками других иерархий. При попытке прямого взаимодействия между иерархиями они не стыкуются напрямую, заимствуя содержания друг друга, а создают промежуточные иерархии, с локализованными содержаниями. Таким образом, в процессе дифференциации размножаются иерархии, а сети — инструмент размножения упорядоченных структур; вместе они образуют гетерархию как «полную» модель отношений сообщества как множественного целого.

Множественность целого предполагает, что один и тот же участник совмещает в себе потенциально неограниченное количество разных модусов субъектности [7]. В реальности, разумеется, их количество ограничено иерархиями локальных условий. Благодаря этому действия участника никогда не являются беспорядочными, но всегда обусловлены типом рациональности, присущим тому или иному модусу субъектности соответствующих связей [3, 396–397]. Цели, которые участник проецирует в процессе познания, также множественны и различны, изменяясь вместе с ним. Вследствие этого понятие субъектности становится инструментальным, будучи формой сборки отношений коммуникации.

Социальные процессы совмещают несколько уровней коммуникации, которые аналитически раскладываются на отношения индивидов, статистических групп и институционализированных сообществ. Эти отношения распределены в пространстве и времени (частотой и количеством контактов) и поддерживаются постоянством реакций участников на типичные процессы [10, 79]. Автоматическая рациональность социальных процессов упорядочивает их на всех уровнях отношений, на каждом направлении и в любое время. За счет этого происходит множественная субъективация, формы и содержания которой разворачиваются автоматически рационализированными участниками в виде индивидов, групп и сообществ с соответствующей временной и пространственной протяженностью. Данная форма упорядочения отношений есть не что иное, как *cogito*, рационализирующее поддержание существования множественных связей. Задача этих *cogito* одна — осуществление коммуникации существующих единичностей относительно содержания отношений. Порой это называют самоорганизацией.

В коммуникации, где любое содержание появляется только за счет других, процессы социальной организации являются единственным постоянным фактором. Такая социальная система аутопоэтична [13, 69] — способна к самоорганизации с помощью множественного взаимодействия участников. Основной поток событий, который они претерпевают, носит повторяющийся характер. Взаимодействие участников всегда ограничено характеристиками среды, или институциональными содержаниями, частью которых они являются. Это из-

бавляет социальность от лишнего хаоса. Сам хаос, или неупорядоченность, является таковым только по отношению к тем социальным порядкам, или рациональностям, которые не принимают данного типа взаимодействия. Каков бы ни был тип отношений, он всегда упорядочен фактом коммуникации. Любой порядок является локальным вследствие окружающих содержаний, но элементарные процессы социальной организации, посредством которых поддерживается существование коллективных и индивидуальных тел в виде частей и целого могут быть прослежены в любой конечной институциональной структуре. Последние, в свою очередь, постоянно подвергаются воздействию со стороны индивидов и групп; доказательство тому — все тот же «здравый смысл» повседневности.

Коммуникация сообщества

Наиболее постоянной границей, выстраиваемой социальными различиями, является конечность, смертность, свобода человеческого существования, которое разворачивается в общем бытии, но единично уникальностью собственного переживания [8, 33]. Поскольку индивид идентифицирует себя с окружающими и составляющими его различиями, он всегда причастен отношениям дисперсных и управляемых групп — сообществ. Заинтересованность в поддержании собственного существования заставляет поддерживать и сформировавшие его отношения сообществ. Одновременность такой ситуации для множества людей приводит к относительной стабильности и типичности реакции сообществ на происходящие с ними события. Процесс существования общества, таким образом, напоминает медленный дрейф, основные события и отношения в котором носят повторяющийся характер, а любые нововведения происходят лишь в том случае, когда поддержание ситуации становится невозможным, иначе говоря, нерациональным для текущей коммуникации единичных существований. То есть отношения как бы преломляются через единичность каждого индивида и каждой группы. Участники включаются в отношения, отождествляя себя с теми различиями, которым не равны, и при любой солидарности будут различаться фактической единичностью, или конечностью. Изменения происходят не столько вследствие различий внутри отдельно взятого процесса, но скорее связаны с различиями его фактического осуществления и взаимодействия с другими процессами в ходе социальных отношений.

Социальные отношения характеризуются смежностью и реактивностью. Смежность здесь означает возможность взаимной коммуникации: любое отношение всегда может установить связь с другим отношением посредством участника. Данный постулат предполагает принципиальную способность любой части общества к установлению отношений независимо от позитивности или негативности их содержания. Время необратимо, но коммуникация является обратной. Следовательно, даже если какие-то отношения функционально или повседневно не пересекаются, участники всегда способны это сделать. Смежность позволяет дифференцированным социальным процессам выступать друг для друга звеньями коммуникации и различительными границами одновременно.

Каждый из них имеет свою темпоральную размерность, цели, предполагаемые или неочевидные результаты. Пересекаясь в действиях социального участника, они выступают друг для друга эпистемологическими, ценностными и какими угодно еще посылками, или условиями.

Таким образом, социальные процессы оказываются способными породить упорядоченные системы различного содержания и уровня сложности и продемонстрировать «единство-в-различии», являющееся одной из главных характеристик социальности. Подобное различительное единство подтверждается круговым характером связи оказывающих влияние факторов, или аспектов социальности. Если мы начнем искать истоки политических событий и процессов, то придем к экономике; если мы продолжим свой поиск далее, то упремся в социальные институты, под которыми будет лежать культурный слой традиций, заданных практикой политического правления; и так без конца. Эта взаимосвязь для тематически разделенных социальных наук неразрешима, тогда как повседневное человеческое существование, напротив, с легкостью данные различия сводит и разводит.

Ни один из аспектов социальности не в состоянии контролировать все события и заместить собой остальные аспекты. Однако они, естественно, к этому стремятся в виде собственного воспроизводства во времени и пространстве. Таким образом, любое событие образует ряд убывающих или повторяющихся взаимодействий и появление новых форм, специфичных для конкретных отношений участников, чья реакция вариативна, а не задана заранее. Отсутствие реакции в конкретной системе отношений также должно считаться специфической реакцией. Отсутствие реагирования влияет на удержание границ взаимодействия и их форму; появление реакции эту форму изменит. Негативная реакция не должна рассматриваться в качестве истинной характеристики участника, что особенно полезно для сферы политического. Иерархическая упорядоченность сетей отношений делает участников зависимыми от тех процессов, в пределах которых происходит их субъективация. Изменение пространства коммуникации, в котором пребывает участник, всегда влечет за собой его собственное изменение. Поскольку эти изменения множественны, то длительность и форма реакций будет также множественной, с различиями в длительности и содержании. В итоге различия в степени локальности содержаний определяют относительно конечную форму.

Изменению всегда подвергается не все пространство коммуникации, а лишь какая-то его часть, но она влечет за собой соразмерную трансформацию системы в целом (имеется в виду, что трансформация системы как целого осуществляется настолько, насколько это необходимо для поддержания системы; если система может изменением каких-то частей пренебречь, то трансформация не происходит). Множественное воздействие изменений ведет к тому, что социальная система выбирает форму, совместимую для всех типов взаимодействия разом, но с различными следствиями в зависимости от степени и способа воздействия. С помощью такой операции социальность поддерживает свою множественную идентичность как целое. Множественная комбинаторика существующих форм отношений приводит к выводу, что целостное упорядочение стро-

ится не на подавлении и аннигиляции меньших форм большими, а на соположении вместе с ними, так как наиболее общим целым является не какое-то отдельное содержание, идея, представление, а процесс фактического и совместного существования.

Поскольку воспроизводство отношений зависит от их регулярной повторяемости, любая социальная система «стремится» к гомеостазу. Эта «статика» позволяет удерживать идентичность (или смысл) отношений и продлевать их во времени. Реализация будущих состояний системы не заложена в ней изначально, а является результатом прошедших и текущих взаимодействий, т. е. можно говорить об эволюционном характере социальной коммуникации. Следует, однако, помнить, что эволюция предполагает своим результатом не какое-то отдельное институциональное содержание, страну, народ, веру, но процесс социальной коммуникации в целом, любые содержания которого локальны и существуют «ради» реализации других содержаний. Кроме того, относительность социальной эволюции обусловлена также тем, что она быстрее и в большей степени разворачивается в меньших системах; и наоборот, чем шире охват системы отношений и больше в ней взаимодействий, тем медленнее она изменяется. В результате общество является бесконечно вкладываемыми друг в друга множествами, которые, с одной стороны, регулярно изменяются, а с другой — сохраняют немало относительно статичных содержаний.

Фактическая упорядоченность социальной коммуникации делает организационные (или коммуникативные) процессы постоянным фактором отношений. Гетерархичное распределение процессов позволяет очерчивать локусы взаимодействий не по отдельно взятому содержанию, а по процессу субъективирующей коммуникации. То есть не содержание формирует ситуацию, а ситуация формирует содержание [8, 143–147]. В этом случае обращение к другому (а значит, и к нам) будет звучать не в качестве претензии (мол, мы не делаем того-то и не соблюдаем чего-то), а в качестве заинтересованного вопроса: почему мы делаем именно это, а не что-то иное. Этот вопрос обнажает границы понимания сторон, пределы их возможностей и степень зависимости. Он не перекрывает общения, но выделяет точки соприкосновения и расхождения как общего поля взаимодействия. Благодаря этому мы можем увидеть как условия того, что делают люди, так и условия того, что они не в состоянии сделать, и включить эти различные содержания в пространство коммуникации. Конфликты при таком рассмотрении отмечают границы рационального понимания и создают ситуации, сводящие вместе наши содержания, определяя их допустимые границы, степень зависимости и правила, приемлемые сторонами.

«Достоверность» социального анализа зиждется на различии между масштабами процессов, смежности их содержаний и скорости осуществления. Подобное выявление проще всего начать с определения повторяющихся алгоритмов взаимодействия. Разница фактических условий приводит к тому, что такой простейший комбинаторный прием, как различение повторяющихся и уникальных (по отношению к повторяющемуся ряду) событий, способен породить множество дифференцированных систем, проводить их упорядочение и деформацию. Циклическое воспроизводство отношений продлевает существование

системы потенциально неограниченное время, — на практике такое существование всегда ограничено смежными системами. Возможность воспроизводства зависит в подобном случае от возможностей системы отношений к изменениям в ответ на изменения пространства коммуникации. Эта возможность изменений также определяется способом упорядочивания отношений, который является для них формальным признаком.

Участник всегда проецирует реальность так, как это позволяют те отношения, в которых он сформирован. В силу этого получаемое знание никогда не является конечным, поскольку процессы и события ускользают от анализа вследствие разности размерности. Невозможность установить формальную взаимосвязь приводит к неизбежной редукции части отношений, которые продолжают влиять и видоизменять участников коммуникации. Различия в процессах заставляют делить знание на функциональные аспекты, однако каждый из них зависит от процессов, исследуемых соседними разделами знания. Содержание отслаивается от самого себя и порождает новые формы.

Несмотря на то, что знание является незаконченным, процесс различения делает коммуникацию объединенной общими свойствами во всех аспектах социальности, хотя содержание этой коммуникации необходимо различается. Эти свойства относятся не к смыслу содержания процессов, а к тому, как гетерогенные процессы группируются друг с другом (а также к тому, как группируются содержания какого-то процесса). Это ведет к признанию, что любые формы социальной общности организованы с помощью одинаковых правил структурной коммуникации, поскольку с формальной стороны это взаимодействие есть всего лишь дифференциация посредством образования границ и субъективации участников.

-
1. Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004.
  2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб., 2002.
  3. Гидденс Э. Устройство общества. М., 2003.
  4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. Екатеринбург, 2007.
  5. Жильсон Э. Бытие и сущность. Введение [Электронный ресурс]. URL: http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/Hristianskaya_philosofia/index.htm
  6. Кемеров В. Е. Единство знания: эволюция темы // Панорама Евразии. 2008. № 2.
  7. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопр. философии. 1999. № 7.
  8. Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007.
  9. Керимов Т. Х. Общество различия: классическая и современная онтологии // Общество различия и современная социальная онтология : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2009.
  10. Красавин И. Как обнаружить общество различий // Там же.
  11. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. ; СПб., 2000.
  12. Луман Н. Дифференциации. М., 2006.
  13. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
  14. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
  15. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
  16. Deleuze G., Guattari F. Capitalism and schizophrenia. L. ; N. Y., 2003. Vol. 2.

Рукопись поступила в редакцию 5 октября 2010 г.

УДК 316.621 + 316.653 + 316.47

Т. В. Черепанова

**«НЕСПОСОБНОСТЬ К РАЗГОВОРУ»,
ИЛИ СТАТУС ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ: Х. АРЕНДТ И Ю. ХАБЕРМАС**

Статья посвящена анализу возможности публичной дискуссии в информационном обществе, определению возможности существования публичной сферы в ее традиционном понимании в современном медийном пространстве. Особое внимание уделяется теориям социальной рефлексии Ю. Хабермаса и Х. Арндт.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискуссия, интеллект, информация, медийное пространство, общественность, публичность и публичная сфера, социальная рефлексия.

Метафора Г. Г. Гадамера «неспособность к разговору», которой он описал состояние дискуссионных жанров в медийном пространстве, в нашем понимании наиболее точно демонстрирует проблему противопоставления общественного диалога монологу или полилогу. Трансформация социальной реальности в современных условиях характеризуется принципиальными изменениями в публичной сфере, формирование которой являлось ведущим достижением либерально-ориентированного индустриального общества. Именно поэтому актуальным представляется изучение сложившихся подходов к пониманию специфики публичной сферы в западной философии конца XX в.

Определение информации, которое, как правило, используют в дискурсе об информационном обществе, восходит к известной работе Т. Розака «Культ информации» [15], где автор представляет информацию как то, что может быть закодировано для передачи любым способом от источника тому, кто должен получить, вне зависимости от смысла. Таким образом, можно говорить, что информация измеряется количественно, при этом описываются и количество символов, и скорость передачи, и многообразие информационных потоков. Такой подход позволяет говорить об информационном обществе как об «информационном» исключительно формально, как об обществе, в котором происходят социальные трансформации вследствие технологической революции в области объема, качества, количества и скорости передачи информации. Здесь возможны также два основных направления: первое предполагает, что социальный хронотоп рассматривается в аспекте распространения цифровых сетей; второе направление предполагает иной критерий отличия информационного общества от других форм социальности — многообразие информационных потоков и расширение медийного пространства. Предмет нашего исследования актуализирует соответственно второе направление, и именно в этом ракурсе мы будем рассматривать информационное общество.

Термин «медийное пространство» не является до конца определенным. Очевидно, что «медийное пространство» включается в категориальный комплекс, формирующийся в процессе анализа динамично развивающегося информационного общества. «Пространство» при этом не измеряется метрически и даже

не является в полной мере локальным топосом. Этот термин возникает как ответ на потребность описания нового типа социальных взаимодействий. В то же время, выступая в качестве инструмента описания социальности в условиях информационного общества, медийное пространство само по себе является социальным пространством, в котором происходит подвижное группообразование. В этом контексте публичная сфера, развиваясь в рамках медийного пространства, представляет собой условно выделенное сообщество, в котором продуцируется некий дискурс как результат рефлексии по поводу актуальных и социально значимых событий.

Публичная сфера — идеал, во имя которого всегда будет возможна критика существующей власти, массовой культуры, потребительских идеалов, пассивной общественности и, что особенно актуально на сегодняшний день, деятельности средств массовой информации. Однако большинство аналитиков, занимающихся исследованиями информационного общества, хоть и склонны признавать заметное расширение медийного пространства и увеличение объема циркулирующей информации, относятся пессимистично к концепции публичной сферы в современном медийном пространстве. Они отмечают низкое качество информации, превращение ее в развлечение и товар. Повсеместное использование пиар-технологий и ориентация на массового потребителя приводят к сужению поля публичной дискуссии: «многие изменения в сфере информации создали потенциальную угрозу для публичной сферы и существенно расширили возможности манипуляции информацией. Сюда нужно отнести превращение знания в товар, нападки на общественные институты, упор на убеждение, а не обсуждение, эскалацию СМИ, ориентированных на рекламу и пр.» [11, 270].

Как отмечает Ф. Уэбстер, «плохо это или хорошо, но начиная с конца 1960-х гг. расслоение аудитории становится заметным, и сейчас без сильной натяжки уже невозможно говорить о “широких кругах общественности”. В вещании это приводит к неуверенности и колебаниям (к кому, в самом деле, обращается общественное вещание, существует ли сам объект?). Оно становится все более уязвимым для критики» [Там же, 233].

Разработанная Ю. Хабермасом идея «*Öffentlichkeit*» (нем. *публичность*) получила выражение в различных теориях открытой общественной коммуникации, где понятия «публичное пространство», «публичность» и, наконец, наиболее распространенное «публичная сфера» стали означать возможность существования либерального по своей сути и виртуального по форме пространства, в котором общественное мнение формируется в процессе активной дискуссионной деятельности, а не посредством простого подсчета голосов и проявляется в оценочно-критичной функции. Такая функция, если следовать концепциям Х. Арндт и Ю. Хабермаса, априорно присуща человеческому сообществу и есть форма коллективной рефлексии.

Ю. Хабермас связывает функционирование публичного пространства исключительно с печатными изданиями; соответственно участниками общественно-значимой интеллектуальной дискуссии становятся те, кто пишут, и те, кто читают, а главной целью их общения становится интерпретация. Проблема публичной сферы поднимается классиком теории коммуникативного действия

Ю. Хабермасом в связи с попыткой описать условия свободной от принуждения коммуникации. Актуализируя проблемы коммуникации, Хабермас в связи с анализом процессов формирования демократического общественного мнения ставит вопрос об условиях публичной информации и отвечает на него, описывая историю публичной сферы как некое культурного феномена, который возникает на ниве политического расцвета либерализма и, вероятнее всего, исчезает или, точнее, становится фантомом в конце XIX в.

Ю. Хабермас полагает, что в XVIII в. динамика развития капитализма, потребность в социальной идентификации вновь складывающегося класса предпринимателей привели к осознанию необходимости всячески поддерживать свободу слова. Культурной демонстрацией этой свободы, непосредственно отражающей свободу рыночных отношений и парламентские реформы, стало динамично развивающееся обсуждение в прессе и парламентских дебатах предполагаемых реформ. Именно в этот период, собственно говоря, проявляется четкая специфика публичной сферы: относительная дешевизна изданий, документализм требовали от общества непосредственного участия в принятии социально значимых решений, постоянного обсуждения возможных социальных перемен и происходящих политических событий. Иначе говоря, публичная сфера уже не объединяла избранный круг интеллектуалов и политически активных граждан, а как бы охватывала в своих амбициях неопределяемую количественно и структурно социальную общность.

Наличие политических дебатов в прессе указывало и читателю-гражданину, и читателю-законодворцу на то, что в процессе социальной рефлексии по поводу грядущих или случившихся перемен участвует так называемое демократическое большинство. В какой мере это большинство было «большим», измерить не представлялось возможным, но уже тогда начал складываться определенный и сохраняющийся в современной системе медиа показатель актуальности — тираж. Ведь социально-политическая критика всегда оказывается востребованной. Уже на этом этапе, как отмечает Ю. Хабермас, именно в угоду публике в относительно свободной прессе «искусство светской беседы превратилось в критику, острословие — в аргументы» [13, 31].

Важным условием для размещения материала в прессе вместе с тем оставался основной просветительский критерий — истина. Но при этом предполагалось, что после публикации истина даже без каких-либо дополнительных комментариев получит всеобщее признание, т. е. истина совершенно в духе Р. Декарта должна была быть само-очевидна. Именно поэтому даже сомнительные суждения могли случайным образом соседствовать с тем, что и так «всем ясно». Столкновение мнений реализовывало главную свободу — свободу слова. Понятая таким образом свобода слова во многом наследует традиции понимания сущности и ценности рационального мышления. «Как производители, так и потребители общественного мнения понимаются при этом как существа в первую очередь познающие и способные к рациональной оценке достоверности и истинности любых суждений» [5].

Можно говорить о том, что уже на этом этапе публичная сфера оказывается некоей «виртуальной общностью, идентичность которой складывается с ростом

печатных изданий и образована общностью тех, кто читает, пишет и интерпретирует» [10]. В силу того что государство этого периода в значительной степени соответствовало прежнему аристократическому укладу, борьба прессы за независимость и стремление сделать обсуждение предельно публичным всячески поддерживались и декларировались представителями класса буржуазии. Во многом так сложилось неприменное подчеркивание прессой своей независимости от государства и даже оппозиционности власти. В этих условиях стала возможна политическая оппозиция, которая постоянно актуализировала борьбу мнений или дискуссионный формат для презентации своих идей. Таким образом, в XIX в., как отмечает, апеллируя к Ю. Хабермасу, Ф. Уэбстер, сложились черты публичной сферы: «открытая дискуссия, критика действий власти, полная подотчетность, гласность и независимость действующих лиц от экономических интересов и контроля государства» [11, 222]. Постепенно, в той мере, в какой государство все больше становилось институтом управления в интересах нового класса, названная Ю. Хабермасом рационально-приемлемая политика и публичная сфера, обладающая свободными от принуждения условиями коммуникации, существенно трансформировались.

Стоит подчеркнуть, что, конечно, публичная сфера в том виде, в каком она описывается в работе Ю. Хабермаса, в полной мере соответствует представлениям философа о свободной коммуникации и предполагает три условия. Во-первых, участники коммуникативного действия должны быть равны и свободны от каких-либо внешних принуждений, как то: манипуляций, политического шантажа и т. п.; во-вторых, публичная дискуссия должна происходить по поводу проблемы, общезначимой для всех участников дебатов; в-третьих, для свободной коммуникации не может быть никаких запретов на ограничение дискурса, и, более того, каждый из участников дискуссии обладает равной возможностью и правом возобновления обсуждения.

Постепенно в парламенте все чаще проявлялись результаты лоббистской деятельности: влияние на общественное мнение стало не просто целенаправленным, но и серьезно финансируемым проектом для каждой партии, пытавшейся получить представительство в выборном органе. Публичная сфера уже не соответствовала идеалу свободы, теряла свою независимость и по сути превратилась в искусственно поддерживаемую иллюзию демократичности. Ю. Хабермас указывает на возврат к предшествующей эпохе, называя происходящее «рефеодализацией». Смысл рефеодализации в том, что на место честной конкуренции убеждений и идей приходит противоборство сил, кошельков, капитала по аналогии с тем, что происходило во время средневековых судебных поединков. Иначе говоря, ранний капитализм видится Ю. Хабермасу продуктивным в аспекте формирования действительно свободной коммуникации и в подлинном смысле публичной сферы.

Поздний капитализм привносит новые черты в подходы к оценке важности общественной рефлексии и приводит к тому, что новые технические достижения не демократизируют общественное мнение, а, напротив, за счет пиар-технологий делают манипуляцию общественным мнением более эффективной.

Карьера Э. Бернайса, «отца» пиар-технологий, представляется Хабермасу историей краха публичной сферы. Поскольку для Хабермаса идеалом публичной сферы была просветительски обоснованная рациональная дискуссия, сама идея совершенствования практик управления направлением дискуссии в нужное заказчику русло свидетельствовало о гибели публичной сферы и невозможности реализовывать действительно свободную коммуникацию и, в подлинном смысле слова, социальную рефлексию.

Может показаться, что эти опасения Ю. Хабермаса были скорее реакцией мыслителя на угрожающий основам европейской культуры рост потребительского общества, ведь работа «Структурные изменения публичности. Размышления к категории гражданского общества» [13] была написана в 1962 г. Но надо отметить, что еще более критичен и строг в обсуждении проблемы публичной сферы Ю. Хабермас в более поздних работах. Например, в опубликованной речи в Венском университете в марте 2006 г. он вновь возвращается к теме места и роли интеллектуала в современном медиатизированном обществе и возможности реализации концепции публичной сферы посредством новейших средств массовой коммуникации. Его убеждения отражают традицию Франкфуртской школы, а критика капитализма в значительной мере продолжает традиции, заложенные Т. Адорно. Как когда-то в 60-е М. Хоркхаймер диагностировал крах индивидуальности [14], так и Ю. Хабермас в 2006 г. говорит о «падении» интеллектуала: «Я не могу не сказать о любимом занятии интеллектуалов: они охотно присоединяются к ритуальному плачу о падении интеллектуала. Признаюсь, я и сам несвободен от этого» [12, 81].

Трагедия интеллектуала, в какой-то мере выполнявшего функцию социального прогнозирования и направлявшего общественные дискуссии, связывается Ю. Хабермасом, как, впрочем, и многими другими исследователями, с тем, что ценность слова утрачивается в процессе все большего утверждения значимости визуального образа. По сути «эшафотом» для интеллектуала оказывается телевидение, которое предлагает зрителю готовые образы и ожидает от него эмоционально-чувственного переживания, в то время как текст склоняет читателя к самостоятельному конструированию образа, выявлению смысла и рациональной рефлексии.

Телевидение оперирует национально этабличированным типом публичности, в связи с чем оказывается невозможна презентация «живого» интеллектуала в рамках телеэфира: он может сказать что-нибудь лишнее. По мнению П. Бурдьё, телевидение предпочитает работать не только с «готовыми идеями», но и с «готовыми собеседниками» [3, 45], постоянными участниками ток-шоу и других программ. Если «под рукой есть привычные, готовые разродиться статейкой или дать интервью, завсегда и СМИ», то отпадает необходимость в поиске эксперта, интеллектуала, рефлексизирующего субъекта. На их место, как считает В. Савчук, приходит фигура «культурала», человека, мыслящего себя исключительно медийно, репрезентирующего себя посредством СМИ и зависящего от СМИ — фигура «прирученного интеллектуала» [8]. В итоге интеллектуал, философ остается за кадром, хотя, казалось бы, его мнение здесь не лишнее.

Телевидение работает с образами, и в той же «дискуссионной передаче» мы видим не политика, а образ политика, и не «реального» интеллектуала, а того, кто призван сыграть его роль согласно заранее подготовленному сценарию передачи. Как отмечает Ю. Хабермас, «может быть, это объясняет тот факт, что среди приглашенных политиков, экспертов и журналистов нет места, которое должен бы занять интеллектуал. И мы не замечаем его отсутствия, поскольку другие исполняют его роль даже лучше, чем он сам» [12, 83].

Итак, с возникновением электронных средств массовой коммуникации и стремительным расширением медийного пространства фигура интеллектуала постепенно утрачивает свое значение как на медийной сцене, так и в общественном сознании, поскольку первая напрямую влияет на второе. Ю. Хабермас приходит к выводу, что, «с одной стороны, переход коммуникации с бумажных носителей — книг, прессы — на электронные — телевидение. Интернет — привел к неожиданному расширению границ медийной публичности и к беспримерному уплотнению коммуникационных сетей. Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала более всеохватной, а обмен мнениями — более интенсивным, чем когда-либо прежде. С другой стороны, интеллектуалы задыхаются в этой животворной, но вышедшей из берегов стихии» [Там же, 81].

Кроме «падения» интеллектуала в современном медиатизированном обществе, Ю. Хабермас отмечает и изменение роли общественности, прислушивающейся к мнению интеллектуала: «Момент самопрезентации ведущих как актеров неизбежно превращает публику, сидящую перед экранами, следящую за спором на общественно значимые темы, формулирующую собственное суждение о них, в зрителей» [Там же, 82]. Аудитория не включается в обсуждение, а пассивно потребляет медийный продукт, что указывает на очевидный кризис пространства публичной дискуссии.

Таким образом, в начале XX в. для Ю. Хабермаса оказывается невозможным не диагностировать кризис публичной сферы, причем на всех ее уровнях: публичная сфера, приобретая подвижные временные и социальные границы, теряет фокус. Ю. Хабермас подчеркивает, что и дискуссия между собравшимися в кафе, и дискуссия в прессе и на телевидении — все это в значительной мере перестает влиять на политическую реальность и выполнять ту функцию, которую публичная сфера выполняла в XIX в.

В отличие от Ю. Хабермаса, Х. Арндт не считает публичную сферу некой виртуальной общностью, которая складывается по мере включения читателей и зрителей в круг социально-активных граждан. Как и большинство исследователей публичной сферы, Х. Арндт связывает появление публичности с появлением демократии. Но для нее подлинной демократией и соответственно действительным условием существования публичной сферы оказывается античная республика. Можно отметить, что еще в XVII и XVIII вв. Н. Макиавелли [6] и позже Ш. Л. Монтескье [7] высказывали сомнение о возможности подлинной демократии в большой стране, где всех граждан нельзя собрать для обсуждения принятия закона. Для формирования публичной сферы необходимо, чтобы дискуссия разворачивалась в реальном разговоре: только

так можно говорить об общности взглядов, мнений и гарантировать включенность участников в проблематику спора. Если политическое событие волнуется, то свидетельство тому — живое общение, результатом которого должны стать общественное согласие и готовность подчиниться коллективному решению. Если такая возможность выражается опосредованно, нет никаких гарантий, что произошло «осознание», включение в политическое творчество; может оказаться, что согласие будет актом отстранения от необходимости включаться в протест и тем самым нарушать границу частного пространства. Строго говоря, по мнению Х. Арндт, все лучшее в истории публичной сферы осталось в Античности. Именно поэтому можно согласиться с Е. Г. Трубиной в том, что «Х. Арндт констатирует упадок публичной сферы в условиях модерности» [10].

Концепция публичной сферы Х. Арндт строится на противопоставлении частного и публичного. Под «публичным» Х. Арндт понимает «сам мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что нам частно принадлежит» [1, 69]. Она склонна характеризовать публичную сферу не как некое виртуальное пространство смыслового обмена, а как форму непосредственного взаимодействия человека с другими людьми («предстояние других, которые видят, что мы видим, и слышат, что мы слышим, удостоверяет нам реальность и нас самих» [Там же, 66]), делая акцент на осознанном желании индивида выйти за пределы частного в сферу публичного. Таким образом, публичная сфера у Х. Арндт ассоциируется в первую очередь с античной агорой. И если в античный период возможна была непосредственная дискуссия, то с возникновением печатного слова, позволившего познавать мир и выражать мнение о нем индивидуально, происходит разрушение сферы публичного дискуссионного пространства. Человек ограничивается информацией, получаемой посредством СМИ, и не чувствует потребности выходить за пределы сферы частного: «Каждый загнан теперь в свою субъективность, как в изолятор, и эта субъективность не становится менее субъективной» [Там же, 76].

Сегодня концепция публичной сферы оказывается не менее востребованной, чем полвека назад. Сторонники демократии и философы, испытывающие ностальгию по исчезающему типу интеллектуала эпохи Просвещения, склонны искать возможности для реализации этой концепции в современных средствах массовой коммуникации. Следуя за Х. Арндт, Р. Сеннет [9] видит причины отсутствия публичной сферы сегодня в ее поглощении сферой частного. Он отмечает культ интимности, присущий современному западному обществу. С. Бенхабиб [2] в традициях Франкфуртской школы также фиксирует противоречие между принципиальной открытостью современных средств массовой коммуникации и отсутствием качественной дискуссии вместе с тенденцией к нарциссизму.

Поиск оптимального пространства для культивирования общественной мысли приводит Дж. Кина к возможностям Интернета. Именно на него британский политолог возлагает особые надежды, предполагая, что именно интернет-пространство, свободное от государственного и вообще от какого-либо контроля, окажется той самой публичной сферой, демократичной по своей сути и

свободной для провокативно-оценочной деятельности. В концепции Дж. Кина понятие публичной сферы неразрывно связано с принципами гражданского общества, он подчеркивает необходимость существования в этой сфере плюрализма независимых позиций. Возникновение такого динамичного дискуссионного пространства, по Дж. Кину, возможно только в случае изменения существующей концепции общественного вещания. Публичная сфера не может финансироваться и регулироваться государством, поскольку в таком случае мы будем наблюдать лишь ее количественное расширение (увеличение эфирного времени; появление многочисленных сайтов, представляющих контентом на актуальные общественно-политические темы, а на деле созданных в идеологических целях; использование новых форм коммуникации). Как только публичная ниша становится прогосударственной, теряется сама идея существования подобного пространства. Эта идея ассоциируется у Дж. Кина с независимым голосом общественности и основывается исключительно на принципах демократии.

Неизбежно возникает вопрос: «Можно ли вообще серьезно отстаивать точку зрения, что сейчас люди в информационном плане более обездолены, чем их предки в XIX веке?» [11, 270]. Отвечая на него, с одной стороны, важно отметить, что само понятие публичной сферы является ценностно-ориентированным. Поэтому для большинства защитников этой концепции характерно утопичное представление о принципах существования публичной сферы. И это объяснимо: идея динамичного, плюралистического и независимого дискуссионного пространства потому и оказывается столь привлекательной, что любая современная реальность по сравнению с ней оказывается ущербной. Кроме того, нет оснований утверждать, что публичная сфера в XIX в. переживала свой золотой век и была реальным воплощением того идеала, о котором говорит Ю. Хабермас.

С другой стороны, невозможно игнорировать и тот факт, что с появлением новых форм коммуникации меняется и статус публичной сферы как свободного пространства столкновения независимым точек зрения на актуальные темы. Возможно даже, само понятие «сфера публичной информации» изживает себя, поскольку на сегодняшний день принято считать, что мы живем в либеральном обществе; создается иллюзия, что вся информация является публичной и соответственно слово «сфера» уже ассоциируется с неким закрытым интеллектуальным пространством. Таким образом, понятие не говорит само за себя.

Отличие информационного общества от других форм социальности выражается в многообразии информационных потоков и расширении медийного пространства. Новые типы социальных связей осложняют существование дискуссионного пространства, в рамках которого «публика» имеет возможность обсуждать социально значимые проблемы. Статус публичной сферы меняется в сторону множественности смыслов, и диалог в ключе классической концепции публичной сферы становится проблематичным.

1. *Арендт Х.* Vita active, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
2. *Бенхабиб С.* Притязание культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
3. *Бурдые П.* О телевидении и журналистике. М., 2002. С 45.
4. *Гадамер Г. Г.* Неспособность к разговору // Актуальность прекрасного. М., 1991.
5. *Куренной В.* Медиа: Средства в поисках целей // Отечественные записки. 2003. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_2.html, свободный.
6. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. 1519. СПб., 1998.
7. *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М., 1995.
8. *Савчук В. В.* Интеллигент. Интеллектуал. Культурал [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/savchuk/kultural.html>, свободный.
9. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2003.
10. *Трубина Е. Г.* Публика // Новейший философский словарь. 3-е изд, испр. Минск, 2003.
11. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
12. *Habermas J.* Der Intellektuelle und seine Öffentlichkeit // Ach, Europa. Frankfurt a/M, 2008.
13. *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a/M, 1990 (1962).
14. *Horkheimer M.* Aufstieg und Niedergang des Individuums // Geschichte der Philosophie in Text und Darstellung 20. Jahrhundert. Ditzingen, 1999.
15. *Roshak T.* The Cult of Information: the Folklore of Computers and the True Art of Thinking. Camrbridge, 1986.

Рукопись поступила в редакцию 11 января 2011 г.

УДК 325.1 + 316.4.063 + 316.324 + 316.42

О. А. Якимова

КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Внешние миграционные потоки в Россию, так же как и во многие европейские и североамериканские страны, постоянно увеличиваются, однако практика последнего десятилетия продемонстрировала неэффективность реализации основных традиционных теоретико-методологических подходов к интеграции мигрантов — ассимиляции или мультикультурализма. Выходом из сложившегося противоречия видится разработка новаторской методологии исследования процесса социального участия мигрантов, заключающейся в двухуровневой дифференциации его анализа: 1) интеграция или дезинтеграция и 2) инклюзия или эксклюзия.

Ключевые слова: миграция, интеграция, ассимиляция, мультикультурализм, инклюзия.

Во всем мире в условиях глобализации замыкание в локальные и этнические общности интерпретируется как традиционализм, противопоставляемый модернизму с его представлением о свободной мобильности. На рубеже второго

тысячелетия миграционные процессы приобрели действительно глобальные масштабы, затронув различные сферы жизнедеятельности практически всех социальных слоев и групп на пяти континентах.

О глобальном характере миграционных процессов свидетельствуют статистические данные: по информации ООН, численность международных мигрантов выросла с 75 млн в 1965 г. до 120 млн в 1990 г., что составило 2 % всего мирового населения земного шара [12, 102]. В 2000 г. общее число международных мигрантов достигло уже 175 млн, это больше чем в два раза по сравнению с 1970 г. и равнялось примерно 3 % населения планеты [10, 27].

При этом четко фиксируется направление вектора миграционного потока, остроумно маркированное С. Бенхаbib как «обратная глобализация» — от менее развитых стран, к более развитым. Действительно, согласно данным ООН, в начале XXI в. около 60 % международных мигрантов проживало в самых экономически благополучных регионах мира — Европе, Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии, Японии [Там же, 27], и этот показатель имеет тенденцию роста. Так, если в 2000 г. в страны ЕС (включая Норвегию и Швейцарию) въехало 2226,4 тыс. иностранцев, то в 2007 г. таких насчитывалось уже 3280,1 тыс. (что на 32 % больше). В страны Северной Америки в 2000 г. на постоянное место жительства прибыло 1068,5 тыс., а в 2007 г. — 1289,2 тыс. (рост около 17 %) [14].

Опираясь на отмеченные выше тенденции, можно предположить, что в ближайшем будущем миграционные потоки будут только увеличиваться, а население стран-реципиентов становится все разнообразнее в своих социальных и культурных характеристиках.

Безусловно, миграционные процессы как фактор социальных преобразований влияют и на страны приема, и на страны выезда. В последних, например, становится ощутимой нехватка трудовых ресурсов, деформируется половозрастная структура [12]. Однако фактор миграции сильнее воздействует все-таки на страны с концентрацией некоренного населения, с одной стороны, расширяя этническую и культурную мозаику общества, а с другой стороны — выявляя и обостряя этнокультурные противоречия и социальное напряжение.

Процессы глобализации и связанные с ними массовые миграции, требующие производства новых форм идентичности и солидарности, а также эффективных технологий управления нарастающим многообразием, являются, таким образом, актуальными вызовами современности. В этих условиях особую значимость приобретает поиск новых форм отношений с мигрантами, особенно иноэтничными.

Традиционно в социологической перспективе включение мигрантов в функционирование принимающего общества рассматривается как процесс интеграции, суть которого заключается в формировании новой идентичности, приемлемой как для этнических меньшинств, так и для доминирующего большинства [6]. В современной социологической литературе выделяют два типа интеграционных моделей: 1) ассимиляционную модель, предполагающую национально-государственную (этнонациональную) идентичность (традиционалистский подход); 2) мультикультурную модель, предполагающую гражданско-государственную идентичность (модернизационный подход).

Ассимиляционную модель интеграции («плавильный котел») пытались реализовать в начале XX в., например, в таких традиционно иммигрантских странах, как США и Австралия. Данная модель сформировалась в рамках концепции национального государства, стремящегося к гомогенной культуре и единой национально-государственной идентичности, включающей в себя на равных началах идентичности всех граждан страны. Она предполагает отказ мигрантов от родной культуры и полную идентификацию с новым этнокультурным сообществом [13, 76]. Приоритетом стран, в той или иной степени реализующих политику ассимиляции мигрантов, являлось формирование единой, этнически индифферентной гражданской нации, что теоретически нивелировало социально-культурное многообразие и облегчало процесс управления социумом.

Однако практика продемонстрировала нереалистичность идеи «плавильного котла». Во-первых, ассимиляция не исключает интеракцию между мигрантами и принимающим этническим большинством, а следовательно, оказывается двусторонним процессом, в результате которого новоприбывшие не только аккультурируются, но и сами осуществляют воздействие на повседневную жизнь и менталитет общества-реципиента. Во-вторых, обнаружилось, что не все культурные меньшинства готовы меняться в той степени, как того требует проводимая принимающим обществом социальная политика. Некоторые этнические группы продемонстрировали нежелание интегрироваться в культуру страны-реципиента, создавая «параллельные общества» своей родной культуры и языка. В-третьих, выяснилось, что даже аккультурация не является достаточным основанием для вхождения в новое общество. В-четвертых, декларируемые принимающим социумом равные права и свободы преимущественно не совпадали с социальной практикой [8, 11].

Таким образом, теория «плавильного котла» не сработала ни в отношении иммигрантов, ни в отношении аборигенного населения этих государств. Это означало, что актуализируемые ассимиляционным дискурсом формы интеракции между этническим большинством и мигрантами нуждаются в трансформации.

Тем не менее идея ассимиляции как единственно приемлемой возможности присутствия мигрантов в принимающем обществе вновь становится весьма популярной среди политиков и населения некоторых стран-реципиентов, являясь реакцией на проявления «культурной колонизации» со стороны иноэтнических сообществ (Франция) или попытками формирования этнонациональной идентичности как основы для возрождения духовности (Россия).

С середины 60-х гг. прошлого века в западных странах развернулась борьба за право быть другим и не испытывать при этом дискриминации со стороны общества. Своеобразным компромиссом между требованием единых идентичности и системы ценностей (необходимых основ для сохранения государства) и требованием права на отличие стала политика «признания многообразия», получившая свое теоретическое обоснование в парадигме мультикультурализма, базовым эпистемологическим положением которой является идея о том, что межкультурный диалог и сосуществование реальны, неизбежны и необходимы.

Сегодня десятки миллионов людей в мире вовлечены в миграционные потоки по экономическим, политическим или творческим причинам. В большей мере, чем когда-либо прежде, в настоящее время «подлинные» нации, «чистые» языковые группы и «незамутненные» этнические идентичности фактически являются воображаемыми сообществами. Сообщество, с которым индивид солидаризируется, не находится в состоянии непреложной зависимости от этнических или этноцентристских соображений. Этническая основа не является больше обязательным условием для создания сообществ солидарности. В современном мире большинство людей являются членами более чем одного сообщества, более чем одной языковой группы и более чем одного этноса. Разграничительные линии между индивидами могут, но вовсе не обязательно должны совпадать с разделением на членов той или иной культурной группы [1, 40].

Мультикультурализм как направление гуманитарной теории пытается таким образом постичь динамику общественного развития, сочетающего, с одной стороны, глобальную интеграцию (тенденцию к нарастанию экономической, культурной и социальной однородности), а с другой стороны — социокультурную дезинтеграцию и проявления сепаратизма.

Теоретики мультикультурализма (У. Кимлика, Н. Фрейзер) представляют общество как совокупность горизонтально структурированных пересекающихся множеств, образованных по различным признакам-основаниям (например, раса, этничность, гендер, класс и др.). Правила взаимодействия как между этими группами, так и внутри них регламентируются государством, главная задача которого — снятие институциональных барьеров, препятствующих равному участию всех граждан в жизни общества. При этом в создании возможности для образования множеств, а также в выстраивании их по горизонтали заключается компенсаторная функция мультикультурализма, поскольку тем самым осуществляется «подтягивание» тех групп, которые находятся в невыгодном положении в рамках доминирующей культуры (инвалиды, этнические меньшинства и пр.).

В настоящее время мультикультурализм трактуется довольно широко. В его парадигме право на создание культурной традиции признается за любыми формами «инаковости» (феминистки, сексуальные меньшинства и т. д.). Модель мультикультурного сообщества предполагает наличие трех базовых условий: 1) эгалитарную взаимность, 2) добровольное самопричисление (к культурной, языковой, религиозной группе) и 3) свободу выхода (из группы) и ассоциации [1]. Право самоопределения собственной культурной идентичности позволяет перенести проблемы государственного строительства из этнической плоскости в гражданскую.

Именно в парадигме мультикультурализма начала складываться мультикультурная интеграционная модель, определяющая справедливое (с соблюдением равенства прав и доступа к ресурсам) вхождение этнических меньшинств в принимающее общество.

Как отмечает У. Кимлика, необходимо «стремиться к обеспечению для всех национальных групп возможности сохранить себя в качестве отдельной куль-

туры, если таково их собственное решение»; при этом «либералы могут поддерживать права меньшинств только в той мере, в какой они совместимы с уважением свободы и автономии индивидов». Претензии мигрантов на равный доступ к общественной культуре могут быть удовлетворены, если обеспечить их интеграцию в «основные культуры». Под общественной культурой У. Кимлика подразумевает культуру, «обеспечивающую своим приверженцам наполненный смыслом образ жизни по всему кругу человеческой деятельности, включая ее социальную, образовательную, религиозную, рекреационную и хозяйственную стороны, причем как в публичной, так и в частной сферах. Подобные культуры обычно сконцентрированы на определенной территории и основаны на общем языке» [1, 70, 72]. Таким образом, «мультикультурализм представляет собой пересмотр условий интеграции для этнических мигрантов, но в конечном счете всегда интеграции» [11].

В практическом воплощении мультикультурализм предполагает интерактивный процесс, с одной стороны, требующий лояльности мигрантов к национально-государственной целостности страны-реципиента, интериоризации ее ценностей, традиций, истории и языка, а с другой стороны — обязывающий принимающее общество адаптировать свои институты к включению идентичностей и социально-культурных практик мигрантов.

Однако мультикультурализм, задумывавшийся его основоположниками как вариант интеграционной идеи в глобализирующемся мире по менее болезненному, мягкому сценарию, пока не реализует свой интеграллистский потенциал.

Действительно, по мнению С. Бенхабиб, аргументация некоторых идеологов мультикультурализма (Ч. Тейлор, У. Кимлика) породила ряд отнюдь не либеральных следствий: 1) установление жестких внешних границ культурной идентичности; 2) признание необходимости «охранять» эти границы, чтобы регулировать внутреннее членство и «самобытные» формы жизни; 3) приоритет продолжения и сохранения культур во времени относительно возможности их нового прочтения и нового освоения; 4) легитимизация элит, контролирующей культуру [1, 81].

Все больше в настоящее время идеи мультикультурализма критикуются исследователями этнических проблем и политиками как способствующие усилению мозаичности общества и фрагментации культур. Для этнических мигрантов политика мультикультурализма, реализуемая обществом-реципиентом, становится способом избежать интеграции, которая расценивается в конечном счете как утрата собственной идентичности. Отказ от малейших проявлений ассимиляции часто ведет к формированию у культурного большинства «фольклорного» образа представителей различных этнических меньшинств, что способствует маргинализации этнических общин, а также нарастанию напряжения в межэтнических и межконфессиональных отношениях [5].

Более того, новейшая история существования мигрантских сообществ в европейских и северо-американских государствах-реципиентах свидетельствует об их стремлении к автаркии. Сегодня практически во всех столицах и крупных городах мира присутствуют достаточно изолированные и вполне самостоятельные районы, в которых компактно проживают те или иные иноэтничные

группы, частично обеспечивая собственную занятость. Это японский квартал в Дюссельдорфе, арабские кварталы в Париже, армянские в Лос-Анджелесе, итальянский квартал «Маленькая Италия» в Нью-Йорке, а также китайские чайнатауны, имеющиеся теперь повсеместно и в России, и т. д. и т. п. Это «параллельные жизненные миры», в которых говорят на родном языке и соблюдают обычаи и традиции своей этнической группы, стремятся избегать вовлеченности в социально-культурные практики принимающего общества.

Безусловно, «геттоизация» мигрантов не способствует межкультурному диалогу и отнюдь не создает условий для реализации концептуальных моделей совещательной демократии (С. Бенхабиб) или дискурсивной этики (Ю. Хабермас). В крайних случаях подобная автаркия выплескивается в различных агрессивных формах проявления этноцентризма и интолерантности, в стремлении навязать принимающему обществу собственные этнокультурные атрибуты и стереотипы.

Таким образом, реалистичный взгляд на динамику и структуру миграционных процессов, а также на реализуемые иноэтническим населением стратегии адаптации в новой социально-культурной среде заставляет нас признать невозможность полной интеграции мигрантов в принимающее общество. Вероятно, речь может идти лишь о «частичной или функциональной» их интеграции [2].

Тем не менее очевидно, что существует потребность и необходимость в управлении актуальным многообразием современного сложного культурно-дезинтегрированного (мультикультурного) общества в целях сохранения основ государственного устройства.

Вариантом преодоления сложившегося противоречия представляется дифференцированный подход к процессу социального участия мигрантов, предполагающий выделение двух самостоятельных уровней анализа проблемы.

На одном уровне социальное участие интерпретируется как процесс интеграции либо дезинтеграции мигрантов. Это уровень включения жизненных миров мигрантов в соответствующую культурную взаимосвязь и социальные сети, формирующиеся посредством этнических и религиозных традиций, ритуалов и ценностей. Подобная аккультурация, интериоризация инокультурных атрибутов предполагает индивидуальные усилия непосредственно самих мигрантов и становится преимущественно их субъективным выбором либо отсутствием такового.

На другом уровне мы интерпретируем социальное участие в терминах инклюзии либо эксклюзии [7]. Здесь исследуется процесс включения иноэтнического населения в публичную сферу функционально-дифференцированного общества — в его организации и учреждения экономики, политики, права, образования и здравоохранения. Создание необходимых условий для эффективной инклюзии мигрантов, очевидно, является прерогативой принимающего общества и системы его управления. Следовательно, первоочередной проблемой становится поиск оптимального набора индикаторов, позволяющих мигрантам сосуществовать с коренным населением.

В период перехода от одной структуры идентичности к другой мигрантами востребованы специальные условия, предполагающие помощь в переводе на

родной язык, поддержку в трудоустройстве и в получении жилья и т. п. Институтам принимающего общества теперь необходимо постоянно адаптироваться к присутствию иных, по сравнению с наиболее распространенными, социальных и культурных практик мигрантов.

Учитывая депопуляционный характер демографических процессов в нашей стране, создание эффективной системы инклюзии мигрантов, являющейся основой для возможной последующей их интеграции, становится одним из глобальных вызовов для России.

Действительно, по существующим прогнозам ООН, к середине XXI в. в РФ вымрет практически пятая часть жителей страны [3]. Основной причиной сокращения численности россиян является устойчивая убыль населения, начавшаяся с 1992 г., когда органы статистики зафиксировали естественную убыль в 219 тыс. человек [9]. За 1990–1999 гг. в нашей стране родилось на 9 млн человек меньше, чем за 1980–1989 гг., что создало провал в нижней части российской возрастной пирамиды, который будет ощущаться на протяжении ближайших 100 лет. Невыгодные изменения возрастной структуры ведут к значительному увеличению демографической нагрузки. Так, в 2006 г. на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось всего 580 более молодых и более старых людей, к 2015 г. их будет 700 на 1000, а после 2020 г. их число может перешагнуть за 800 [4].

Именно депопуляция и сокращение трудовых ресурсов заставляют обратить внимание на использование иностранной рабочей силы и на потенциал замещающей миграции, которая способна восполнить естественную убыль населения нашей страны. По данным Центра миграционных исследований, в период 1992–2007 гг. мигранты компенсировали почти половину естественной убыли населения России. Основным поставщиком трудовых ресурсов для нашей страны являются страны Средней Азии – Узбекистан и Таджикистан (35 % трудовой миграции) [3]. Однако миграционные потоки из стран СНГ начинают себя исчерпывать. Страны Центральной и Средней Азии пока ориентируются на Россию, однако многие из этих государств начинают задумываться о формировании многовекторной миграционной политики и переходят к активному поиску стран, в которые смогут посылать своих мигрантов. По прогнозам, в ближайшем будущем России придется конкурировать с другими странами за возможность привлекать трудовые ресурсы [9]. Этот факт выдвигает в первые пункты повестки модернизационного развития России вопрос об миграционной привлекательности нашей страны, что предполагает переход от политики ограничения миграционных потоков к политике активного привлечения мигрантов в страну, в том числе и мигрантов из дальнего зарубежья.

Таким образом, потенциальное увеличение присутствия в стране иноэтнических и инокультурных групп актуализирует проблему их инклюзии в функциональную систему жизнедеятельности принимающего общества, что требует включения соответствующих миграционных разделов в федеральные и региональные программы развития систем образования, здравоохранения, занятости, социального обеспечения, строительства жилья в целях: а) минимизации

рисков, связанных с приемом большого количества мигрантов; б) создания эффективной основы для их последующей интеграции в российский социум.

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003.
2. Вершинин С. Е. О качественных критериях определения миграционной емкости муниципального образования // Изв. Урал. гос. ун-та. 2009. № 4 (70). С. 142–150.
3. Воробьева И. Принимайте мигрантов на здоровье [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/04/26/focus/474309>
4. Грицук М. Тут лишних нет // Российская газета. Центральный выпуск № 5151 (72) от 7 апреля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/04/07/vishnevskij.html>
5. Дерябина С. Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // Этнопанорама. 2005. № 1–2. С. 14–18.
6. Дробижева Л. М. Интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=882
7. Луман Н. Дифференциация. М., 2006.
8. Кукатис Ч. Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс]. URL: <http://inliberty.ru/library/study/327/>
9. Материалы научно-практической конференции «Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы». Екатеринбург, 10–11 марта 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.duma.midural.ru/activity/news/2010/03/10/311584_o_politike_zanjatosti и <http://migrant.ferghana.ru/newslaw/analyze/v-ekaterinburge-obsudili-problemyi-demografii-i-migratsii.html>
10. Цепенко И. Роль иммиграции в экономике развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 5. С. 27–39.
11. Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России // Социолог. исслед. 2004. № 11.
12. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Там же. 2002. № 10. С. 102–109.
13. Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Там же. 2007. № 5. С. 70–77.
14. International Migration Outlook. P., 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/document/4/0,3343,en_2649_33931_43009971_1_1_1_37415,00.html#STATISTICS

Рукопись поступила в редакцию 27 сентября 2010 г.

УДК 377.031 + 374.3 + 316.44

С. И. Панькин

ФАКТОРЫ ВЫБОРА МОЛОДЕЖЬЮ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена анализу основных факторов, определяющих выбор выпускниками 9 и 11 классов общеобразовательных школ получения среднего профессионального образования. Выявляются противоречия, которые характеризуют представления первокурсников, обучающихся на гуманитарных и технических специальностях различных техникумов (колледжей) Среднего Урала, о ценности получаемого образования, его роли в реализации жизненных планов.

Ключевые слова: система среднего профессионального образования, учащаяся молодежь, факторы выбора обучения в учреждениях среднего специального образования.

Рыночная экономика, утверждающаяся в нашей стране в течение последних 20 лет, внесла существенные изменения в систему факторов, определяющих выбор учащимися школ вариантов получения среднего профессионального образования. При социализме действовала совокупность внешних и внутренних факторов, побуждающих часть выпускников 9 и 11 классов поступать в техникумы и училища. Ведущим внешним фактором выступало прежде всего регулирование государством самой системы профессионального образования.

Верхней ее ступенью являлись высшие учебные заведения, которые готовили необходимых для всей страны, а не только для отдельных регионов и предприятий, специалистов высокой квалификации. Количество их было строго определено, исходя из потребностей предприятий и организаций различных министерств и ведомств в конструкторах, технологах, механиках, юристах, врачах, учителях, артистах и т. д. Действовала система государственного распределения выпускников, так как нужно было обеспечить находящиеся в разных регионах страны предприятия, учреждения соответствующими специалистами. При этом прибывшие из дальних мест молодые инженеры получали места в заводских общежитиях и становились в особую очередь на получение в перспективе своего собственного жилья.

Сами вузы располагались в каждом областном центре, а также в ряде крупных городов, чтобы, во-первых, у местной молодежи существовала реальная возможность получить высшее образование по месту жительства; во-вторых, чтобы уменьшить расходы государства на строительство студенческих общежитий (они могли быть очень значительными, если бы вузы создавались только в самых крупных городах страны); в-третьих, чтобы облегчить решение задач, связанных с обеспечением практикой студентов старших курсов. Они проходили ее на местных предприятиях.

Также действовала государственная система отбора самых способных к учебе в вузах выпускников школ. Конкурсные экзамены отсеивали всех, кто за время учебы в системе общего образования не сумел выработать необходимые

общеучебные навыки, получить те знания, которые являются базовыми для конкретной специальности.

Учреждения среднего профессионального образования создавались для удовлетворения потребностей определенного региона, крупного города, так как находящиеся в нем предприятия, учреждения нуждались в постоянном притоке новых специалистов. Расчет количества специалистов с высшим образованием определялся тем, что они управляли работой 25–30 работников, занятых простым физическим или умственным трудом. На одного специалиста со средним профессиональным образованием приходилось 10–12 работников нижнего звена. Государству со временем стало трудно централизованно регулировать создание и функционирование различных техникумов, училищ, учитывая потребности в специалистах этого уровня сотен тысяч предприятий, организаций в различных регионах. Деятельностью этой ступени профессионального образования стали заниматься управления образования области, края, республики.

Самой нижней ступенью профессионального образования являлись училища, которые готовили рабочих разных специальностей для местных предприятий. Они нередко полностью содержали эти учебные заведения, строили для них здания, студенческие общежития, предоставляли места для прохождения производственной практики и принимали в свой состав большинство выпускников. Степень самостоятельности профтехучилищ от государства, региональной власти была достаточно высокой, что позволяло оперативно перестраивать учебный процесс, готовя рабочих по тем специальностям, которые были наиболее востребованы на конкретном заводе, фабрике. Студентами становились в основном те выпускники 9 классов, которые, чаще всего из-за трудностей в учебе, не видели для себя возможности получения полного общего образования, открывающего дорогу в вуз. По всей стране существовали десятки тысяч различных профтехучилищ, удовлетворяющих потребности в рабочих кадрах разных по технической оснащенности предприятий.

Такая система организации профессионального образования позволяла осуществить учащимся школ выбор будущей трудовой деятельности, исходя из следующих факторов.

Во-первых, из индивидуальных способностей к занятиям физическим или преимущественно умственным трудом разной сложности. Тот, кто с большими трудностями осваивал школьный курс, кого привлекала работа на машинах и механизмах, мог найти в своем городе или в близлежащих крупных населенных пунктах училище, занимающееся подготовкой рабочих по интересующей специальности. Чаще всего студентами становились выходцы из рабочих семей, а также сельская молодежь. Для нее дополнительным фактором становилось желание перебраться на постоянное жительство в город, тем самым подняв свой социальный статус.

Во-вторых, часть семей побуждала своих достаточно успешно обучающихся в школе детей получать специальность в ПТУ после окончания 9 класса, так как родители не имели материальных возможностей содержать ребенка до окончания им полной средней школы. Семья была заинтересована в том, чтобы дети быстрее стали полностью самостоятельными, уже в 17–18 лет зарабаты-

вая себе на жизнь. К тому же обучающиеся в профтехучилищах получали стипендию, бесплатную форменную одежду, общежитие. Фактически в 15 лет ребенок переставал нуждаться в постоянном материальном обеспечении со стороны семьи.

Обучение детей до получения ими полного среднего образования имело смысл, если они достаточно успешно осваивали школьную программу, демонстрируя склонность к каким-то видам умственного труда, что позволяло надеяться на успешное поступление в вуз. Во всех остальных случаях было разумно ориентировать их на обучение в ПТУ или техникуме.

Учреждения среднего профессионального образования привлекали школьников и их родителей по нескольким причинам. Прежде всего тем, что выпускник относился к социальной группе, имеющей достаточно высокое образование, дающее возможность заниматься некоторыми видами умственного труда, стать руководителем среднего звена, а в ряде случаев и директором небольшого предприятия. Следующим привлекательным фактором являлось то, что молодой человек приобретал ценную профессию уже в 19–20 лет, уменьшая материальную нагрузку на семью по его содержанию. Важным позитивным моментом являлось и то, что в техникум было легче поступить. Выпускники 11 классов, которые не проходили по конкурсу в вузы, шли учиться в техникумы, поскольку там вступительные экзамены было сдать легче.

К тому же обучение в системе среднего профессионального образования позволяло удостовериться в том, насколько выбор специальности соответствует природным склонностям индивида, обеспечивая коррекцию содержания последующего обучения в вузе. Значительная часть выпускников техникумов обеспечивала себе дальнейший профессиональный рост, поступая на заочные отделения в вузы, имеющие схожие по профилю работы профессии.

Рыночная экономика существенно изменила всю систему профессионального образования в стране. Сначала стала разрушаться система начального профессионального образования, так как многие не только средние по размерам, но и крупные промышленные предприятия закрылись, не выдержали конкуренции с западными фирмами, продукция которых была более высокого качества. Это привело к существенному сокращению, во-первых, потребности в большом количестве рабочих, которых прежде готовили многочисленные учреждения начального профессионального образования; во-вторых, новым владельцам приватизированных предприятий стало невыгодно содержать училища, занимающиеся обучением молодых рабочих, выгоднее было найти готового специалиста на рынке труда, не тратя средства на подготовку из учащейся молодежи квалифицированных токарей, фрезеровщиков, машинистов и т. д. Огромная армия учащихся школ, по разным причинам испытывавшая значительные трудности в освоении школьного курса, лишилась возможности получить профессии, обеспечивающие гарантированное трудоустройство, сравнительно высокие заработки при условии добросовестного отношения к труду и роста мастерства. Этой категории выпускников 9 или 11 классов остается либо идти в разнорабочие, охранники, либо попытаться поступить в учреждение среднего профессионального образования.

Появление платного высшего образования существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников школ в вузы. Решена проблема преодоления конкурсного барьера. Возможность учиться в вузе получил любой по уровню овладения школьной программой выпускник, если его родители могли в течение 5 лет оплачивать учебу, а сам ребенок не ленился посещать занятия и приходить на экзамены. Нужна лишь элементарная дисциплинированность студента, и диплом о высшем образовании им будет получен. Поскольку престиж высшего образования сохраняется во всех цивилизованных странах, так как это открывает путь к карьерному росту, то многие семьи ограничивают свои потребности ради обучения детей на коммерческой основе в различных вузах, их филиалах, появившихся даже в сравнительно небольших городах страны. Студент перестал восприниматься как человек, который благодаря своему усердию, знаниям, способностям сумел показать высшие результаты при сдаче вступительных экзаменов и имеет все основания стать высококвалифицированным специалистом после окончания вуза. Работодатель вынужден проверять, в каком учебном заведении и на какой форме обучения претендент на вакантную должность получал профессиональную подготовку. Это привело к естественному снижению качества высшего образования: преподаватели даже государственных вузов вынуждены снижать требования к обучающимся ради сохранения того контингента, который приносит доход учебному заведению.

Важнейшим фактором, определяющим выбор конкретной профессии, стала ее престижность. Учитывается не степень ее соответствия личным склонностям, способностям, а общественное мнение о том, какие она дает преимущества в карьерном росте, обеспечивает ли возможность получения высокого дохода. Таковыми в настоящее время являются профессии экономического и некоторые специальности гуманитарного профиля. За последние 20 лет у нас в стране подготовлено такое количество юристов, экономистов, разного рода менеджеров, которое значительно превосходит потребность рынка в данных специалистах. В число престижных профессий не входят металлурги, теплотехники, геологи, зоотехники, механики и т. д. Поэтому на технические специальности конкурс в вузах весьма низок, а на гуманитарные очень высок. Многие выпускники не могут найти себе работу в соответствии с полученной профессией, так как на одно рабочее место претендует несколько человек, получивших «модную» профессию.

Изменения в системе факторов, определяющих обучение выпускников школ в системе начального или высшего профессионального образования, создали новую ситуацию в работе учреждений среднего специального образования. С одной стороны, в число абитуриентов вошли те, кто прежде считал себя готовым учиться только в профтехучилище. С другой стороны, те, кто не имеют материальных средств для оплаты своей учебы в вузе, стали претендовать на бюджетные места в техникумах. Для той и другой категории абитуриентов стало главным не столько соответствие получаемой профессии их личным склонностям, сколько возможность в будущем отнести себя к категории людей, занимающих более высокое социальное положение благодаря данному уровню обучения.

Оно сохраняет в общественном мнении весьма высокое место, так как позволяет выпускникам заниматься преимущественно умственным трудом, претендовать на места руководителей среднего звена.

Интерес к обучению в системе среднего профессионального образования стал поддерживаться с помощью такого фактора, как переименование многих из них в колледжи. Возникает иллюзия того, что человек получает такой же уровень подготовки, как обучающиеся в колледжах, существующих во многих странах Европы, в США. Не все информированы о том, что за рубежом колледжами называют образовательные учреждения, дающие начальную степень высшего образования — бакалавра. У нас же само переименование техникумов, училищ в колледжи не изменило реальный уровень профессиональной подготовки. До сих пор только вузы имеют право готовить бакалавров, лишь некоторые техникумы страны с 2010 г. участвуют в эксперименте по организации обучения на так называемом прикладном бакалавриате, приравненном к высшему образованию.

Еще одним нововведением, повышающим интерес к обучению в системе учреждений среднего профессионального образования, стало существенное расширение в них количества специальностей гуманитарного профиля. Если раньше в техникумах учили в подавляющем большинстве на механиков, электриков, связистов и т. п., то в настоящее время в этих же учебных заведениях готовят менеджеров, помощников нотариусов, бухгалтеров, маркетологов, специалистов по рекламе и т. п. Причина заключается в том, что большинству школьников трудно даются предметы естественно-научного цикла, математика и они готовы осваивать профессии, которые в большей степени строятся на гуманитарных знаниях.

Фактически в настоящее время возникла новая по многим характеристикам система среднего профессионального образования, привлекающая значительную часть выпускников 9 и 11 классов общеобразовательных школ. В связи с этим возникает необходимость исследовать социологическими методами те факторы, которые определяют выбор разными категориями учащейся молодежи учебы в техникуме (колледже). В 2010 г. нами было проведено исследование студентов 1 курса разных техникумов, обучающихся в городах Среднего Урала, с целью выявления мотивов их поступления на данную ступень профессиональной подготовки¹.

Исследование выявило ряд особенностей, характеризующих выбор школьниками получения профессии в колледже в зависимости от целого ряда факторов. Прежде всего, респондентами отмечается влияние самого профиля обучения. Оказалось, что на технические специальности, такие, как теплотехник, электромеханик, программист, идут выпускники основного среднего образования; 80 % обучающихся окончили только 9 классов школы. Это в основном представители мужского пола. При этом 28 % ответивших заявили о том, что

---

¹ Было опрошено 550 студентов 1 курса различных техникумов (колледжей) по двухступенчатой квотной выборке.

не хотели продолжать учиться в школе. Видимо, одной из главных причин такого решения было наличие значительных трудностей в учебе. Средний балл по школьным предметам у 43 % опрошенных составлял только 3,5, а у 11 % — всего 3 балла. Остальные утверждают, что им было сравнительно легко учиться в школе.

Можно предположить, что обучение в техникуме данной категории студентов при таком уровне школьной подготовки будет даваться с большими трудностями. Если у студента отсутствуют общеучебные навыки, то сначала требуется их выработка, чтобы достичь желаемых успехов в приобретении новых знаний и умений как по всем предметам школьного курса, изучаемым в техникуме, так и по специальным, определяющим будущий профессионализм его выпускника.

Совсем иная ситуация обнаружилась при изучении мотивов поступления в колледж тех, кто учится по гуманитарным специальностям. Во-первых, среди них 70 % имеют полное среднее образование. В основном представители женского пола. После 9 класса учатся на менеджера, дизайнера, правоведа только 11 %. Во-вторых, выпускники 11 класса имеют более высокий балл аттестата, что позволяет им претендовать на более престижные специальности. У 29 % ответивших средний балл аттестата составляет 4, а у 50 % — 4,5 балла. Следовательно, в одном и том же учреждении среднего профессионального образования учатся существенно отличающиеся по уровню школьных знаний, общей культуры, а также возрасту студенты, получающие разное по содержанию образование. Девушки вынуждены общаться с юношами, которые младше их по возрасту и имеют более низкий уровень образованности.

Какие же факторы побудили эти разные группы обучающихся получать среднее профессиональное образование? Сравнительный анализ мнений первокурсников выявил общее и особенное в мотивах поступления в колледж (техникум) (см. таблицу).

Как и предполагалось, основным фактором поступления в техникум (колледж) для выпускников полной средней школы является невозможность учиться в вузе. Материальное положение родителей не позволяет платить значительные суммы за пребывание ребенка в высшем учебном заведении. Постоянно подавляя свои материальные потребности, ощущая свою принадлежность к слою бедных людей, юноши и девушки хотят быстрее получить какую-либо профессию и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Это отметил каждый второй респондент.

У данной категории молодежи фактически отсутствует выбор места получения профессионального образования. Профтехучилища почти исчезли, а приобретать только рабочую специальность, имея среднее образование, никому не хочется. Все респонденты подавали документы в разные вузы областных городов, но не смогли пройти на бюджетные места. Техникум предоставляет реальную возможность продвинуться в уровне образованности, повышая тем самым свой социальный статус. При этом сохраняется цель приобретения в конечном счете высшего образования. Об этом говорит то, что лишь несколько человек считают для себя достаточным иметь среднее профессиональное образование.

Факторы, побудившие учиться в системе среднего профессионального образования, % к числу ответивших

Фактор	Обучающиеся по гуманитарным специальностям	Обучающиеся по техническим специальностям
Не было шансов поступить в вуз на бюджетное место, а денег на оплату учебы у родителей нет	46	16
Хотелось быстрее получить профессию и самому зарабатывать	41	48
Нравится специальность	35	35
Родители рекомендовали сначала получить среднее профессиональное образование	28	29
В вузе учиться трудно, а в колледже легче	19	15
Друзья учатся в колледже	11	17
Не хотел учиться в школе	2	28
Считаю достаточным для себя среднее профобразование	1	7

Такого мнения придерживаются не только те, кто получил среднее образование, но и выпускники 9 класса. У них весьма скромные результаты учебы в школе, значительная часть не хотела учиться в 10–11 классах, однако останавливаться на ступени среднего специального образования они не намерены. 48 % обучающихся на гуманитарных специальностях хотят сразу после окончания учебы в техникуме поступать в вуз, а 17 % немного поработать, а потом реализовать эту цель. Среди обучающихся на технических специальностях сразу будут подавать после выпуска документы в вуз 52 %, а через 2–3 года работы еще 26 %.

Обнаруживается явное противоречие в ценностных ориентациях на высшее образование у студентов, обучающихся по техническим и гуманитарным специальностям на 1 курсе техникума. Одним уровнем их знаний не позволял успешно учиться в школе после окончания 9 класса, а другим поступить сразу в вуз, имея среднее образование. Однако и те и другие считают, что после нескольких лет учебы в системе среднего профессионального образования они смогут успешно преодолеть конкурсные барьеры и учиться на бюджетной форме в вузе. Видимо, мечта о высшем образовании, сформированная родителями, общественным мнением, стала настолько устойчивым стереотипом, что не позволяет критически воспринимать имеющийся уровень образованности, готовности к сложной учебе в вузе. Молодые люди учились почти на одни тройки в школе, но уверены, что смогут поступить в вуз на бесплатную форму обучения и стать настоящими специалистами с высшим образованием.

Вынужденность обучения в системе среднего профессионального образования выражается также в том, что только каждому третьему респонденту нравится получаемая специальность. Остальные ее осваивают потому, что, во-первых, сумели пройти на бюджетную форму обучения; во-вторых, другой, более

подходящей специальности не нашли. Опрос показал, что содержание требований получаемой профессии к работнику знают только 20 % опрошенных. После трех месяцев учебы ничего не знают о профессии 22 % получающих гуманитарное образование и 12 % — техническое.

Ведущая роль внешнего фактора в выборе обучения в техникуме выражается и в том, что каждому третьему респонденту родители настоятельно посоветовали получить образование, дающее некоторые перспективы успешного трудоустройства. Однако многие считают, что они не только смогут найти работу с достаточно высокой зарплатой, но и обеспечить себе продвижение по карьерной лестнице. Об этом заявили 42 % обучающихся по гуманитарным специальностям и 44 % — по техническим. Вновь обнаруживается завышенная самооценка тех возможностей, которые предоставляет молодому специалисту диплом о среднем профессиональном образовании. Если многим выпускникам вузов трудно обеспечить карьерный рост, то окончившим лишь техникум решить эту задачу еще сложнее. Конечно, личные качества работника существенно влияют на реализацию потребности в продвижении по служебной лестнице, однако наличие высшего образования в наше время стало тем условием, которое обязательно для того, чтобы занять пост начальника участка, отдела, цеха и т. п.

Анализ результатов эмпирических исследований показывает, что в настоящее время основными факторами выбора обучения в системе среднего профессионального образования являются для большинства школьников внешние побудители, а не внутренние, связанные с пониманием ценности данной ступени образования для раскрытия индивидуальных задатков и способностей человека, ее соответствия его природным возможностям освоения теоретических знаний в определенной сфере человеческой деятельности. Техникумы для подавляющего большинства тех, кто в них учится, являются лишь вынужденной ступенью в движении к высшему образованию. Общественное мнение сформировало у современной молодежи устойчивый стереотип ценности высшего образования, независимо от получаемой специальности, поступления на бюджетную или платную форму обучения.

Поэтому не следует ожидать от выпускников колледжей (техникумов) активной трудовой деятельности, направленной на реализацию знаний, умений, соответствующих индивидуальным способностям. Молодые люди будут тратить свои силы прежде всего на то, чтобы обязательно поступить в вуз, испытывая определенный комплекс неполноценности из-за того, что они не соответствуют неким социальным стандартам, утвердившимся за время рыночной экономики в сознании значительной массы населения. Не осознается и не принимается самоценность среднего профессионального образования, потребность в специалистах данного уровня различных отраслей общественного производства. Для многих людей лучше иметь высшее образование, испытывая затем большие трудности в поиске работы по специальности, чем быть специалистом с востребованным на рынке труда средним профессиональным образованием. На наш взгляд, необходима специальная профориентационная работа в школах, СМИ, направленная на раскрытие ценности сред-

него специального образования как для общества в целом, так и значительной части учащихся.

Рукопись поступила в редакцию 2 марта 2011 г.

УДК 316.356.2–057.2(1-21)(470.5)

Е. В. Сатыбалдина

СЕМЬЯ ЗАВОДЧАН В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Рассматриваются вопросы основных изменений, происходящих с уральской семьей заводчан в дореволюционное, советское и постсоветское время. Подробному анализу подвергается влияние на данный тип семьи среды ее обитания — среднего уральского города, характеристиками которого выступают индустриальность, региональная уникальность, провинциальность и особое отношение его жителей к природе. В статье рассмотрены процессы, происходящие в семье заводчан в кризисный и послекризисный периоды, а также способы противодействия антисемейному ходу событий конца XX — начала XXI в. в провинциальных индустриальных городах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семья заводчан, средний уральский город, провинциальность, региональная уникальность.

Изменение политической и экономической ситуации в обществе неизбежно влечет за собой и изменение института семьи. За период трансформации российского общества на рубеже столетий российская семья претерпела ряд изменений, в том числе и особый тип семьи — семья заводчан, который является не только элементом социальной структуры общества и важной составляющей экономики конкретного региона, но и непосредственным продуктом социального заказа. Современное производство создает и требует для своего осуществления массовой, квалифицированной, мобильной в социально-профессиональном и географическом смысле производительной силы, состоящей из отдельных индивидов — наемных работников, носителей рабочих профессий, имеющих основным средством жизни заработную плату.

Приступая к анализу современной семьи заводчан, необходимо отметить, что в последнее время исследователей все в большей степени привлекают процессы, происходящие в городах, экономическую основу которых составляет добыча и переработка углеводородного сырья. Согласно данным, в России на 1 января 2010 г. в 157 городах, относящихся к средним (население от 50 до 100 тыс. человек), и в 784 малых городах (с населением менее 50 тыс. человек) сосредоточен мощный промышленный и производственный потенциал. Проблемы средних городов вышли за пределы местного или регионального уровня, выдвинулись в число первоочередных общенациональных социально-экономических и социально-политических проблем.

Современный средний уральский город, как правило, представляет собой монофункциональный, моноотраслевой промышленный центр. На сегодняшний день в литературе нет четких представлений о социокультурных процессах, происходящих в городах подобного типа. Но именно эти города составляют основу народонаселения и выступают в роли форпостов государства, обеспечивая контроль обширной российской территории и единство административных связей в масштабах всей страны. Для обеспечения национальной безопасности страны они также очень важны. На сегодняшний день существует определенный дефицит исследований, характеризующих состояние средних городов, в которых проживает большая часть населения Среднего Урала (численность городского населения Свердловской области по состоянию на 1 января 2007 г. — 3659,4 тыс. человек (83,2 %), сельского населения — 740,4 тыс. человек (16,8 %) [13]).

Современный средний уральский город обладает набором черт, создающих в совокупности его специфический облик. К таким чертам можно отнести индустриальность, региональную уникальность, провинциальность и особое отношение к природе.

Всякий уральский город создавался и развивался вместе с высокоэффективным, конкурентоспособным производством в нем. Само обозначение уральского типа поселений «город-завод» появилось лишь в XX в., до этого уральский город просто носил название «завод». Исторически, начиная со времен Петровских реформ, такие поселения позиционировались как поселки. При этом «заводы» обладали многими чертами городской культуры задолго до официального признания их городами. Города-заводы представляли собой промышленные поселения при отдельных заводах и отражали функциональный характер данного образования, который проявлялся в том, что его развитие диктовалось не внутренними закономерностями, а либо государством, либо заводчиком. Статус такого поселения долгое время оставался очень неопределенным, поскольку соединял в себе черты города и крепостного села, все функции такого города базировались на производственной функции.

Социальное развитие Урала в XX в. продолжило тенденцию сосредоточения населения именно в городах, которые стали «опорными точками» индустриальной цивилизации и государства с самого начала освоения Урала. Форсированная индустриальная модернизация XX в. сформировала особый тип фабрично-заводской культуры, представители которой воспроизводили необходимую для производства рабочую силу (феномен династийности), лучшие из них стремились к получению качественного образования и достойного статуса. В то же время данная система воспроизводила и асоциальных индивидов (алкоголики, тунеядцы, криминалитет), чьи наклонности до определенного момента сдерживались советской общественной системой.

На территории Свердловской области расположено 18 монопрофильных городов, 12 из них включены в федеральный перечень [11]. Монопрофильные города имеют свое ядро — градообразующее предприятие, являющееся сердцевиной системы жизнеобеспечения уральских городов. Градообразующим предприятиям принадлежит особая роль — это гаранты стабильности и функциони-

рования города. Распад градообразующих предприятий имеет существенное, судьбоносное значение не только для самого предприятия и трудового коллектива, но и для города в целом. Это обусловлено тем, что судьба жителей, власти, всех городских подразделений связана с данным предприятием. Вследствие экономических реформ 90-х гг. именно индустриальные средние города России стали носителями всех отрицательных последствий трансформации российского общества последнего десятилетия XX в. Тем не менее многие факторы указывают на то, что как раз в малых и средних городах может начаться рост реального сектора экономики страны. В этих городах сосредоточены дешевая рабочая сила, свободные производственные мощности. В свою очередь, оживление производства в средних городах позволит значительно снизить существующую здесь социальную напряженность. Правительство РФ выделило 10 субъектов РФ, в которые в 2011 г. поступит помощь из Центра в минимальном объеме (от 950 до 1900 рублей в расчете на душу населения), и 10 субъектов РФ, которые получают крупные федеральные инвестиции (от 12 тыс. до почти 90 тыс. рублей на каждого жителя). Свердловская область вошла в первую группу реципиентов в связи с более благоприятной социально-экономической обстановкой [10]. В отличие от Европейской России для Урала средние города имеют большое значение, они не растворяются под влиянием крупных городов, городов-миллионеров.

Еще одной специфической чертой среднего индустриального уральского города является его региональная уникальность. Изначально характер жизни уральцев был ориентирован на государственные приоритеты. Интересы государства и укрепление казны создали особый менталитет уральцев — менталитет государственных людей. Самосознание жителя города-завода формировалось как представление себя не в качестве горожанина и полноправного гражданина данного города, а в качестве рабочего определенного завода, члена некоего трудового коллектива, т. е. общественное доминировало над личным. В результате складывался особый мир, где человек был ориентирован исключительно на свою основную деятельность, стабильность жизнесуществования обеспечивалась самим человеком. Даже в современной ситуации наблюдается некоторая ксенофобия заводчан-уральцев в отношении коммерсантов-бизнесменов, не имеющих прямого отношения к материальному производству и государственным структурам.

Житель уральского индустриального города изначально отличается от традиционного городского российского жителя. Труд, связанный с постоянным физическим напряжением, сказывается на мироощущении и психологическом самочувствии рабочего и XIX, и XXI в. Жизнь «по гудку» в виде жесткого жизненного графика перестала устраивать молодежь, живущую в современных индустриальных городах. Активно развивающиеся непромышленные сектора экономики изменили традиционные схемы поведения уральцев. Происходит заметное снижение интереса к инженерным и рабочим профессиям, столь востребованным на промышленных предприятиях и, наоборот, повышается интерес к профессиям, в которых помимо физических сил активно задействованы уникальные способности личности, а сама профессия предполагает относительное присутствие свободы выбора и свободы действий.

Еще одной специфической чертой среднего уральского города является его провинциальность. Под провинциальным городом в данном случае понимается город областного подчинения. Определение «провинциальный» указывает не на отсталость города, а на его удаленность от федерального и регионального центров [16]. В советский период внимание государства было обращено преимущественно на развитие крупных городов, в которых было сосредоточено основное индустриальное производство. По «остаточному принципу» финансировалась не только собственно культурная, но и вся социальная инфраструктура малых и средних городов. Ментальность провинциальных городов характеризуется разрывом между традиционным и новым «укладом жизни». В качестве примера можно отметить, что жители средних городов одновременно испытывают и влечение, и неприязнь к большим городам. С. Милграм пишет: «Я полагаю, что поведенческие различия обитателей больших и малых городов обусловлены скорее реакцией схожих людей на весьма несхожие условия жизни, а не какими-то специфическими личностными характеристиками жителей мегаполисов или провинциальных городков. Большой город — ситуация, к которой человек вынужден приспособляться» [7]. По утверждению Е. Н. Заборовской, «современному провинциальному городу Уральского региона присущи следующие черты:

- 1) традиционная устойчивость контингента;
- 2) многообразие видов труда: производственного, информационного, научно-педагогического, художественного и т. д.;
- 3) преобладание семейно-домашних ценностей;
- 4) преобладание горожан со средним образованием над горожанами с высшим образованием;
- 5) семейные, домашние праздники в сочетании со светскими;
- 6) теснота семейных и коллективных отношений» [3].

Важной специфической чертой среднего индустриального уральского города является соединение традиционно-крестьянской и городской ветвей культуры. Исторически в жизни городов-заводов существовала свойственная селу, деревне зависимость от смены природных циклов, сезонность. Образ жизни заводчан сохранял в себе черты патриархальности, будучи при этом открытым к изменениям и преобразованиям, необходимым в силу освоения нового городского пространства. В условиях современного индустриального города не приходится говорить о прямом влиянии циклов природы на труд заводчан. Этого нельзя сказать о жителе современной деревни, мироощущение которого сформировано на полном отождествлении человеческой деятельности с природой.

Порождением специфического уральского социума, развивающегося на протяжении более двухсот лет, является семья заводчан. Данный тип семьи является следствием процесса индустриализации России, начавшегося в конце XVIII в., и результатом освоения региона, имеющего огромное государственное и стратегическое значение. В истории существования семьи заводчан можно выделить следующие этапы:

- а) семья заводчан дореволюционного периода;

- б) семья заводчан советского периода;
- в) семья заводчан постсоветского (современного) периода.

В имперский дореволюционный период население Урала в основной своей массе традиционно было представлено потомственными рабочими. В условиях заводской жизни в течение нескольких столетий выкристаллизовывались черты семейного строя, значительно отличавшие его от уклада жизни крестьянской семьи. Заводская семья формировалась на экономической основе, отличной от крестьянской. Жизненный уровень рабочей семьи в немалой степени зависел от соотношения в ней работающих и иждивенцев. По материалам бюджетного обследования, проведенного Уралпромбюро, в 1913 г. недельная затрата рабочей семьи на покупку продуктов питания поглощала три четверти заработка среднеоплачиваемого рабочего [6, 50]. Семья существовала в основном на заработки мужчин. Заметно улучшалось материальное благосостояние рабочей семьи использование на заводах труда детей и подростков, и хотя их заработки были низкими, семья нуждалась в них. Нередко и главе семьи приходилось прибегать к побочному заработку. В целом для заводской семьи было характерно трудовое перенапряжение всех ее членов, поскольку семья могла сносно существовать, если работали все ее трудоспособные члены. С 12 лет дети активно включались в производство, с 15 лет подростки работали в горячих цехах.

В дореволюционный период Урал заметно выделялся высоким уровнем рождаемости. Например, «в 1910 году в среднем по 50 губерниям европейской части России на каждый заключенный брак приходилось 5,3 рождения, а на территории Урала — 6. В рабочей семье на Урале было значительно больше детей, чем, например, в г. Санкт-Петербурге (здесь в 1908 г. половина всех семей рабочих имела только одного или двух детей, тогда как в Н. Тагиле в семьях горнозаводских рабочих рождалось до 15 детей, из которых выживали менее половины)» [Там же]. Младенческая смертность была значительно более высокой на территории Урала, нежели в европейской части России. Многодетность реже встречалась в семьях заводских служащих, но их репродуктивное поведение оказывало весьма слабое влияние на семьи других социальных групп. К тому же прослойка служащих на Урале традиционно была малочисленной. Установка на многодетную семью заводского населения Урала объяснялась особыми внутрисемейными отношениями, обусловленными традиционным укладом жизни горнозаводского населения. В «малой», как называют ее этнографы, рабочей семье потребность в детях была велика. Несмотря на процесс нуклеаризации семейной структуры рабочего населения, патриархальные устои были сильны. Семьи, состоящие из родителей, 2–3 женатых сыновей, их семей и семей родственников существовали как отдельные производственные корпорации.

В семье заводчан в конце XIX — начале XX в. отношения между старшими и младшими строились на основе дисциплины и неукоснительного подчинения. Семью отличали более высокий авторитет женщины-матери и весь сложившийся на этой основе бытовой порядок. На замужнюю женщину ложились все заботы о детях и домашнем хозяйстве, включая ежедневную обработку приусадебного участка. В этих условиях не могло быть и речи о ее иждивенчестве.

Привязанность к земле сковывала территориальную и социальную мобильность рабочего, способствовала сохранению патриархальности быта и стимулировала многодетность.

Семейные правила и обычаи были общими для населения всех городов-заводов Урала. Не был исключением и Надеждинск (ныне Серов), население которого составляли рабочие сталерельсового завода. Условия жизни рабочих Надеждинского завода, основанного в конце XIX в., были худшими в сравнении с условиями жизни рабочих старых городов-заводов (Каменск, Салда и др.). Рабочие других уральских городов-заводов имели собственное жилье, были привязаны к заводу усадебной землей, а некоторые имели не только огороды, но и покосы и даже пашню. Надеждинские рабочие жили в заводских казармах по несколько семей в одной комнате. Казарм для рабочих не хватало, приходилось снимать частные углы в купеческих домах. Основным источником существования семьи был заработок главы семейства. «Рабочие жили серой жизнью, заполняя свободное время попойками, часто кончавшимися дракой. Вечерами служащие посещали клуб, в котором изредка устраивались любительские спектакли, играли в карты и пили. Население завода было пришлое. Большинство рабочих завода — крестьяне, недавно оторвавшиеся от сохи. Нужда погнала их на Урал, чтобы искать заработок. В Надеждинском заводе собрались представители Вятской, Смоленской, Рязанской, Орловской, Уфимской, Казанской, Виленской и других губерний... По вечерам Надеждинск погружался в темноту. В клуб служащих и библиотеку при нем рабочих не пускали. Драматический кружок заводчан в Народном доме прекратил свое существование после поражения революции 1905 года» [2, 73]. В церковной летописи начала XX в. надеждинский священник Африкан Богомолов отмечает: «Семейная жизнь расшатывается, отношения семейные деморализуются. Преступная связь, внебрачное сожитительство, упадок целомудрия, франтовство заметно прогрессируют — и недалеко до того, что получают право гражданства. Этому способствует чисто местное явление — недостаток квартир. Вследствие отсутствия заводских домов для квартир рабочим каждая отдельная рабочая семья не имеет отдельного помещения. А в каждой казарменной комнате живет по 2–3 семьи, не имеющих между собой ничего общего. Трудно выработать более легкие условия для разрушения семьи, в которую входят чуждые ей элементы. Интимные стороны жизни теряют покровы стыдливости и даже приличий» [Там же].

Можно констатировать, что к началу XX в. на горнозаводском Урале основную часть населения уральского города-завода составляли семьи такого типа, как брачная пара с детьми, в том числе с одним женатым сыном. Такой тип семьи заводчан стал нетипичным в послереволюционный период развития Урала.

В советский период облик семьи, и семьи заводчан в частности, значительно преобразился, хотя многие черты заводского семейного уклада берут начало в традициях потомственной рабочей среды. Семья заводчан в советское время, до первой пятилетки, была большой (что было характерно и для подавляющего большинства населения СССР); это была форма совместного проживания нескольких брачных пар разных поколений, кроме того, большая семья была

среднедетной. Глава семьи, как юридическое лицо (и собственник), контролировал экономические ресурсы семьи, руководил ее жизнедеятельностью, представлял семью перед обществом, определял будущее ее членов и нес за них ответственность.

С развитием социализма вместо большой семьи возникает нуклеарная семья, малодетность становится одной из основных отличительных черт семьи заводчан. Отмирание социально-экономических устоев многодетности происходит под воздействием характерной для того времени ломки экономической, социальной и политической структур общества, хотя в 30-е гг. значение детей как залога обеспеченной старости было еще достаточно высоким.

Большую значимость для отмирания основ многодетности имела трансформация ролевых функций членов семьи. Она проявилась, в частности, в изменившемся положении женщины, в укреплении ее авторитета хозяйки, распорядителя семейным бюджетом, воспитателя детей. На изменение репродуктивных установок начинают оказывать влияние миграционные процессы и увеличение числа смешанных по социальному (что не принято было ранее) составу браков. Постепенно стал повышаться возраст вступления заводчан в первый брак. Ранние браки в 16–17 лет, составлявшие в 1917–1924 гг. треть всех браков, в 40-х уже не заключались. Изменения в брачности способствовали снижению рождаемости в городах Урала [5].

Необходимо отметить, что безусловным достижением советского периода являлся возросший культурный уровень семьи заводчан. Данное обстоятельство сыграло важную роль в изменении уклада семейной жизни. Значительно вырос общеобразовательный уровень рабочих в целом. Наметился рост прослойки интеллигенции в рабочих семьях, главным образом за счет молодого поколения. При всех недостатках и декларативности социалистической идеологии семья в условиях завода 50–80-х гг. прошлого века имела возможность не только заработка, но и удовлетворения своих духовных потребностей. В условиях социализма в несколько раз вырос профессионально-образовательный уровень рабочего и снизилась степень религиозной аффилиации к церковным догматам и установкам православия и ислама на брак. Перелом в религиозных воззрениях на брак и семью, наметился уже в середине 30-х гг. Так, если в 1917–1921 гг. девять браков из десяти были церковными, то в 1922–1924 гг. таковых было 40 %, а в 1934–1935 гг. всего 2,4 % [17].

В семье заводчан советского периода происходило первичное профессиональное ориентирование подростков. Огромное влияние на выбор детьми профессии оказывала семья, хотя она, по сравнению со средствами массовой информации, труднее поддается управлению со стороны общества. К окончанию 8 класса юноша или девушка принимали твердое решение связать свою жизнь с заводской профессией. Заметным явлением заводской культуры была династичность. При социализме основным фактором, обеспечивающим семье признак династичности, служила преемственность в сфере трудовой деятельности. Труд выступал главным стержнем, вокруг формировалась и развивалась семья-династия. В 1960–1980-е гг. проблеме преемственности поколений посвятили диссертационные работы и специальные научные публикации В. И. Воловик,

Б. С. Павлов, Е. В. Сергеев, И. В. Суханов, Л. А. Шевырнова; в 1990-е гг. — Л. В. Никоненко, А. Я. Пучков, В. Ж. Келле, В. И. Чупров.

Домашний уклад семьи заводчан эпохи социализма нес в себе очевидные элементы социально-бытовых диспропорций. Примером тому может служить чрезмерный объем домашнего труда, необходимого для нормального поддержания функционирования семьи. В семье, состоящей из работающих родителей и несовершеннолетних детей, непреложные обязанности (домашняя работа, уход за детьми) отнимали у ее взрослых членов до 50 часов в неделю. Обеспечение повседневных нужд семьи требовало от отцов и матерей семейств затрат труда, эквивалентных почти двум третям времени, которое они уделяют производству. Повседневные обязанности в заводской семье распределялись так, что на долю матери выпадал домашний труд, тогда как отец имел возможность большую часть вне рабочего времени уделять развлечениям, культурной деятельности, общению и т. д. Из 50 часов в неделю, которые работающие родители должны были уделять домашнему труду и занятиям с детьми, более $\frac{3}{4}$ приходилось на долю женщин. Это и был двойной рабочий день, который существенно ограничивал возможности женщин для саморазвития [1]. Л. Л. Рыбцова отмечает, что в советский период «усилилась феминизация нижних этажей профессиональной и квалификационных структур; представительство женщин в органах власти незначительно, особенно на высшем уровне; сохраняются традиционное разделение труда в домашнем хозяйстве по полу и «двойная занятость»» [14, 50]. На распорядок жизни семьи большое воздействие оказывал и до сих пор оказывает специфический характер заводского труда с его четким режимом — чередованием смен, выходных дней, очередных отпусков и т. д. Это накладывает свой отпечаток на домашний быт, во многом определяя характер и режим питания семьи, распределение обязанностей между ее членами, формы проведения досуга и пр. При этом нельзя игнорировать и значение традиций, присущих данной социальной среде. В одних случаях они способствуют развитию прогрессивных сторон семейного быта, в других, наоборот, задерживают его.

Реформы 90-х гг. XX в. поставили каждую российскую семью перед дополнительными трудностями и жизненными проблемами. По сути, в этот период российская семья находилась в экстремальной ситуации и существовала на грани своих возможностей. Предполагалось, что введение рыночных механизмов регуляции производства и потребления позволит вывести страну на более высокий уровень экономического развития. В итоге по основным экономическим показателям Россия оказалась далеко позади не только капиталистических, но и иных бывших социалистических стран. Наиболее сложным оказалось положение семей с двумя и более детьми, неполных семей, которые скатились за черту бедности. Подчеркивая это, Г. И. Осадчая пишет: «Среди многодетных в категорию нищих попали 84 % семей, среди неполных — 75 % семей. Выигрывали семьи с одним ребенком, а также городские семьи, чья обеспеченность в 2,03 раза превышала аналогичный показатель сельских семей» [12]. В условиях резкого падения качества жизни усилилось экономическое значение семьи. Семейные отношения или отношения по типу

семейных в еще большей степени, чем в советское время, стали восприниматься как единственная защита в нестабильном и враждебном внешнем мире. Семья превратилась в главную (нередко единственную) гарантию выживания не только для «традиционных» и «новых» бедных, но и для относительно состоятельных граждан. Таким образом, на первый план в постсоветский период вышла экономическая функция семьи. Семья становится своего рода буфером, смягчающим социальное напряжение в обществе, а также резервом неоплаченного и экономически неучтенного труда, компенсирующего провалы в экономике. Коренным образом изменилась жизнь основной массы населения, изменились условия и оплата труда, особенности быта, уровень жизни и качество жизни россиян.

Все описанные выше процессы сказались на состоянии семьи заводчан. Шоковая терапия 90-х гг. XX в., приведшая к общему падению уровня производства, передел собственности, остановка производства на большинстве промышленных предприятий стали причинами экономической, а следовательно, и социальной нестабильности на Урале. В индустриальных городах резко увеличилось количество семей, члены которых начали употреблять алкоголь и наркотики. В переходном российском обществе произошла деформация социально-экономических и нравственных ценностей, как следствие этого процесса, изменились массовые представления о том, что такое норма в семье. Разрушилась старая система внутрисемейной иерархии, которая распространялась как на отношения мужчин и женщин, так и на отношения разных поколений, степеней родства, родителей и детей, детей разного пола и возраста.

В постсоветской семье XXI в. не только не стало явно выраженного главенства одного статуса над другими, но поменялся тип зависимости между носителями разных семейных ролей. Взятый еще в СССР курс на активное включение женщины в общественное производство привел к изменению в семье статуса мужа и отца. Как показывает история становления заводской семьи на Урале, традиционно ведущую роль домохозяйина играл мужчина, отец. Это напрямую было связано со спецификой его труда: в роли кормильца выступал, как правило, мужчина, занимающийся тяжелым физическим трудом на заводе. В современной России роль отца и институт отцовства претерпел существенные изменения в ходе социально-экономических изменений в обществе. Эти изменения ударили в первую очередь по мужчинам, главам семейств. Именно к ним стали предъявлять повышенные требования члены семей. Заводская культура советской эпохи традиционно позиционировала в сознании людей образ успешного мужчины-труженика, связанного с индустриальным производством: инженера, горнового, плавильщика и т. д. В постсоветском обществе резко упал престиж инженерных, рабочих профессий. В сознании нынешних россиян представления об успешной карьере связаны с деятельностью экономистов, менеджеров, банкиров и т. п. Но в среднем уральском городе не банк и не торгово-развлекательный комплекс являются главными «источниками жизни». Кстати, их существование напрямую зависит от налаженной, бесперебойной работы градообразующего предприятия. Восстановить престиж традиционных для уральского города профессий можно, но для этого понадобится не

только время, но и действенные меры, направленные на то, чтобы заводские профессии стали социально и материально привлекательными.

По мнению О. М. Здравомысловой-Стюниной, в российском обществе происходит движение от семьи советского типа с двойной занятостью работающей женщины-матери к семье с мужем-кормильцем [4, 152]. Данная тенденция не является закономерностью для уральской семьи заводчан, поскольку материальное благополучие семьи является результатом участия обоих супругов в производственной деятельности. Характерным признаком современной уральской семьи выступает воспроизводство традиционных отношений, типичных для семьи «двух работающих супругов», т. е. семьи советского периода. По нашему мнению, также преждевременно говорить о формировании в средних промышленных городах Урала семей двухкарьерного типа. В провинциальной семье в значительной мере сохраняется традиционное разделение ролей между мужчинами и женщинами при ведении домашнего хозяйства.

В течение последних 20 лет в промышленных городах России происходит распространение альтернативных форм брака. По данным Фонда общественного мнения, в июне 2006 г. в зарегистрированном браке состояло 52 % наших сограждан, а 16 % поддерживали незарегистрированные отношения, т. е. у части населения современная семья создается в настоящее время до юридического оформления брака [15]. Это явление не обладает абсолютной новизной, указания на распространения подобных отношений были сделаны в церковных летописях начала XX в. и приведены в данной работе [2]. Незарегистрированные браки были распространены и после Великой Отечественной войны. Этот факт объясняется высокой эмоциональной и репродуктивной мотивацией вступления в семейные отношения без их юридической регистрации. Особенность альтернативных браков начала XXI в. заключается в том, что молодые люди вступают в них открыто и с согласия родителей. Подобные взаимоотношения не осуждаются общественным мнением, что свидетельствует о либерализации половой морали в современном российском социуме.

На стыке XX и XXI вв. нормой постсоветской семьи, и уральской заводской семьи в частности, окончательно становится малодетность. У этого явления есть как позитивные так, безусловно, и негативные последствия. С одной стороны, малодетность является возможностью для самореализации (профессиональной, карьерной) индивида за пределами семьи. Малодетность сделала семейную группу мобильной в социально-профессиональном и географическом отношении, т. е. сделала возможной индивидуализацию профессиональной занятости, профессионального самоопределения и индивидуального выбора места проживания. Но, с другой стороны, малодетность, наряду с высокой смертностью в 90-е гг., оказала непосредственное влияние на демографическое состояние России и ее регионов, которое в настоящий момент многими исследователями оценивается как кризисное ввиду прогрессирующей депопуляции. До последнего времени экономика нашей страны не испытывала в полной мере последствий депопуляции, так как на рынок труда приходило достаточное количество людей, чтобы заменить выходящих на пенсию. К 2015 г., согласно прогнозам, численность россиян, вступающих в трудоспособный возраст, сокра-

тится в 2 раза и численность выходящих за пределы трудоспособного возраста будет превышать их тоже в 2 раза. В 2006 г., по статистике, впервые произошло абсолютное сокращение численности рабочей силы. При таких обстоятельствах особенно важным для государства является необходимость верной ориентации молодых людей в жизненной стратегии и в профессиональном выборе.

В начале XXI в. в России наметилась тенденция увеличения доходов населения. Стабильное наращивание темпов производства в Уральском федеральном округе, усиление материальной базы предприятий, реконструкция производства — все эти факторы привели к тому, что в период с 2003 по 2008 г. семья заводчан находилась в состоянии более благополучном, нежели в предшествующее десятилетие. Согласно данным мониторинга социально-экономического развития Российской Федерации, Свердловская область входила в группу регионов с высоким уровнем экономического развития и наиболее активной динамикой в 2007 г. по сравнению с 2005 г. Это объясняется преобладанием в данном субъекте Федерации таких отраслей промышленности, как машиностроительная, металлургическая, строительных материалов, развивающихся опережающими темпами по сравнению с другими отраслями из-за повышенного спроса на их продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынках, а также в связи с модернизацией производства [8]. Разразившийся в конце первого десятилетия XXI в. мировой финансово-экономический кризис негативно сказался на стабильности существования металлургического производства, составляющего фундамент индустриального потенциала Среднего Урала. Падение производства повлекло за собой кадровые сокращения на предприятиях, сокращение рабочего дня, как следствие — снижение заработной платы и увольнения работников, достигших пенсионного возраста. Эта применяемая горно-металлургическими корпорациями стратегия выживания предприятий, безусловно, осложнила жизнедеятельность семьи. Как известно, данный кризис в значительной степени сказался именно на черной и цветной металлургии, следовательно, на семьях заводчан, занятых в этих отраслях. Руководство Уральской горно-металлургической компании, к примеру, вынуждено было пойти на такие меры, как сокращение рабочих мест на производстве, перевод работников заводов на неполную рабочую неделю, что повлекло за собой сокращение заработной платы. Эти процессы затронули весь индустриальный Урал. Как отмечают исследователи, в результате финансово-экономического кризиса 65 % семей стали жить хуже, что свидетельствует о его значительном влиянии на спад производства и ухудшении социально-экономического положения семьи [9]. Можно констатировать, что профессиональная неудовлетворенность заводчан условиями и оплатой труда, а также семейным бытом с большим количеством обязанностей на фоне неудовлетворительного материального положения является одной из причин социальной напряженности среднего уральского провинциального города.

Одним из способов противодействия антисемейному ходу событий конца XX — начала XXI в. в провинциальных индустриальных городах может стать заводская корпоративная культура, которая должна инициировать новую просемейно ориентированную стратегию предприятия. Корпоративная культура

воздействует на работников предприятия непрямыми методами. Один из них — family care, или забота о семье, в новой форме возрождающая традиции общественного патронажа советских времен и американских социальных служб, которые внедрили эту традицию в условиях капиталистического рынка. Экономика эксплуатирует ресурсы семьи, поэтому государство и частное предпринимательство обязаны дать семье то, что необходимо для ее жизни и роста.

Уральская семья заводчан первого десятилетия XXI в. не укладывается в однозначную характеристику, поскольку на ее состоянии сказываются как внешние (изменение социума в целом), так и внутренние обстоятельства (нарастающий в отдельной личности эгоцентризм, доминирование потребностей материально-вещественного свойства, неприятие духовного напряжения и пр.). Тем не менее есть основания для констатации некоторых тенденций, касающихся семьи данного типа. Уральская семья заводчан — это сообщество индивидов с жизненными ориентациями, особое место среди которых занимают ценность труда и отношение к профессии. Завод, предприятие заинтересованы в гармонизации семейных отношений, поскольку этот процесс выступает одним из ведущих факторов формирования и развития семьи как экономического, так и профессионально-ориентированного социального института. С другой стороны, само становление, оздоровление семьи должно способствовать достижению благополучия в семейных отношениях за счет повышения материального благосостояния, семейной сплоченности, общности целей, экономического равенства и возможностей профессионального роста супругов. Исторически в традициях семьи заводчан всегда были взаимопомощь и поддержка в тяжелых жизненных ситуациях. И если семья утратила эти жизненно важные для нее качества, необходимо оказать ей всяческую помощь в их возрождении.

1. Гордон Л. А., Римашевская И. М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М., 1972.
2. Дзюбинский Л. И., Дзюбинская З. М. Свет над тайгой: Очерки по истории Metallургического завода им. А. К. Серова. Екатеринбург, 2004.
3. Заборова Е. Н. Город на грани веков. Екатеринбург, 2007.
4. Здравомыслова-Стюнина О. М. Семья и общество: тендерное измерение российской трансформации. Едиториал УРСС, 2003. С. 152.
5. Коган Л. Н., Павлов Б. С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Свердловск, 1976.
6. Крупнянская В. Ю., Полищук И. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец 19 — начало 20 века. М., 1971. С. 81.
7. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. 3-е изд. СПб., 2000.
8. Мониторинг социально-экономического развития Российской Федерации, 2007 г. // Министерство экономического развития и торговли РФ. Социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business.lbn.ru/cgi-bin/iframe/old-allbest?68977&>
9. Мустаева Ф. А. Семья как объект социальной политики на предприятии // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2009. № 1–2 (64). С. 27–35.
10. Новости России. Вторник, 16 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://txt.newsru.com/russia/16nov2010/aglomer.html>

11. УралПолит.Ru. 12 мая 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/politics/3794201/?state=90&>
12. *Осадчая Г. И.* Современная российская семья // Проблемы женщин и семьи глазами социологов / отв. ред. Е. Г. Мешкова. М., 1997.
13. Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»). К постановлению правительства Свердловской области от 27.08.2007 г. № 530-ПП [Электронный ресурс]. URL: http://old.midural.ru/minszn/Уральская%20семья_FULL/02Пр.Ур.Семья_2.htm
14. *Рыбцова Л. Л.* Российская женщина: пять лет спустя... Екатеринбург, 1998. С. 50.
15. Сайт Фонда общественного мнения. 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/cat/humdrum/home_family/family/cohabitation
16. *Солодянкина О. Ю.* Специфические черты и маргинальность индустриального российского города. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pos/elenie/phe/nom/en/18.htm>
17. *Струмилин С. Г.* Избранные произведения : в 5 т. М., 1964. Т. 3.

Рукопись поступила в редакцию 13 декабря 2010 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.2 + 330.34(470) + 330.34(479)

Р. С. Мухаметов

РОССИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ГЕОПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

В статье говорится о геополитических интересах России на Южном Кавказе. Автор рассматривает основные проблемы безопасности в Закавказье и особенно грузинскую агрессию против Южной Осетии. Показано, что попытка Тбилиси силой решить конфликт с Цхинвалом привела к многочисленным жертвам среди мирного населения и миротворцев, а также к гуманитарной катастрофе. Автор указывает основные цели создания российских военных баз в регионе. Важное место в статье занимают вопросы экономического сотрудничества как основы партнерства между Азербайджаном и Россией.

Ключевые слова: Южный Кавказ, «пятидневная война», расширение НАТО, внешняя энергетическая политика.

Основные внешнеполитические задачи большинства государств сосредоточены в том географическом регионе, где они расположены. Поэтому отношения с соседними странами всегда имеют приоритетное, ключевое значение. Для России таковыми являются отношения с государствами ближнего зарубежья, которые были, остаются и будут на обозримую историческую перспективу зоной ее жизненно важных интересов. И продиктовано это отнюдь не пресловутыми «имперскими амбициями», которые определенные силы за рубежом упорно пытаются приписать России. Для РФ постсоветское пространство не шахматная доска для разыгрывания геополитических партий. Национальные интересы страны в ближнем зарубежье имеют также отнюдь не эмоциональную и не конъюнктурную окраску. Они основываются не на сиюминутных, прикладных или ведомственных задачах, а на постоянных приоритетах. Они объективны и обуславливаются географическими, экономическими, историческими, культурными и другими факторами. Другими словами, важнейшим геополитическим направлением во внешнеполитических приоритетах России яв-

ляются страны СНГ. Все постсоветское пространство составляет сферу ее жизненно важных интересов в области национальной безопасности и экономики.

Рассматриваемый из Москвы Южный Кавказ является неотъемлемой частью ближнего зарубежья, которой соответствует концепция «ближних кругов», традиционная для внешней политики мировых держав. Согласно ей каждый субъект, претендующий на сколько-нибудь осязаемое влияние в международных процессах, должен располагать зоной приоритетного влияния, которая, как правило, охватывает либо пограничные с ним территории, либо бывшие колонии.

«Желая себе спокойствия, молись за покой окружающих», — писал средневековый буддийский монах Нитирэн. Эта максима особенно актуальна для России, которая заинтересована в урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах. Россия не может позволить себе полностью свернуть свое присутствие в Закавказье либо просто уйти оттуда, отстраниться от конфликтов и тем более от участия в их урегулировании. Сегодня, да и в обозримом будущем, Кремль будет так или иначе втягиваться в эти события, несмотря на противодействия стоящих там у власти политиков и поддерживающих их групп населения. Связано это в первую очередь с ответственностью за судьбу граждан России, которые оказались либо вовлеченными в региональные конфликты, либо попали под перекрестный огонь противостоящих сторон; во-вторых, с прямым воздействием нестабильности на обстановку в непосредственной близости от границ России. Кроме того, сопряженные с конфликтами разрушения, нарушения прав человека и насилие рожают потоки беженцев и вынужденных переселенцев, значительная часть которых направляется в Россию. Наконец, очаги напряженности ведут к вовлечению в военные действия жителей сопредельных районов РФ (добровольцев), материальным потерям для России, а также человеческим жертвам в ходе вынужденных операций по разъединению воюющих сторон. Другими словами, интересам России отвечает обеспечение стабильности в регионе. Любой сценарий дестабилизации ситуации на Южном Кавказе может иметь для России самые тяжкие последствия, особенно с учетом того обстоятельства, что конфликты на Южном и Северном Кавказе взаимосвязаны и во многом неотделимы друг от друга.

В настоящее время реальная угроза интересам национальной безопасности России на Южном Кавказе проистекает из неустойчивой ситуации, которая сложилась после вооруженной агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 г. В отсутствие полномасштабного политического урегулирования оставшийся у власти в Тбилиси режим М. Саакашвили целенаправленно продолжает курс на ремилитаризацию страны. Грузия тратит на оборону в относительном выражении самую большую на постсоветском пространстве долю от ВВП — 4,56 % [7]. Иными словами, в условиях сохранения на территории Грузии неурегулированных конфликтов поставки Тбилиси вооружений в объемах, существенно превышающих потребности его обороны и национальной безопасности, крайне опасны.

Несмотря на выпущенный 30 сентября 2009 г. доклад экспертной комиссии Евросоюза («Комиссия Тальявини») по расследованию войны в Южной Осетии в августе 2008 г., подтвердивший факт грузинской агрессии, страны — члены Североатлантического альянса продолжают сотрудничество с Тбилиси в рамках программы «Партнерство ради мира» и Индивидуального плана партнерских действий, что предполагает дальнейшее оказание гуманитарной помощи Грузии. В частности, 22 октября 2008 г. в Брюсселе под эгидой Евросоюза и Всемирного банка состоялась международная донорская конференция по Грузии, в ходе которой ряд стран и организаций заявили о готовности выделить Тбилиси в 2008–2010 гг. около 4,5 млрд долларов на постконфликтное восстановление. Наиболее существенный вклад в реконструкцию экономики Грузии пообещали внести США (около 750 млн евро), ЕС (500 млн евро) и Япония (150 млн евро) [11].

Как нам представляется, перевооружение грузинской армии, помощь в восстановлении военной инфраструктуры, в подготовке сил специального назначения со стороны некоторых стран поощряют официальный Тбилиси к продолжению воинственного курса.

В целях обеспечения долгосрочной стабильности на своих южных границах Россия заключила ряд двусторонних договоренностей по укреплению военно-политических отношений с Абхазией и Южной Осетией. Так, в апреле 2009 г. Москва, Сухуми и Цхинвал заключили соглашения, в соответствии с которыми Абхазия и Южная Осетия делегируют России полномочия по охране их государственных границ. В частности, под охрану российских пограничников было принято более 350 километров государственной границы Абхазии, из них морской — 215, сухопутной — 98, речной — 39 километров [10]. Для защиты суверенитета и безопасности республик в сентябре 2009 г. были заключены соглашения о военном сотрудничестве России с Южной Осетией и Абхазией сроком на 49 лет. В соответствии с документами Москве предоставляется возможность строительства военных баз на территориях Абхазии и Южной Осетии. В настоящее время четвертая военная база Министерства обороны РФ базируется на территории Южной Осетии в двух гарнизонах — в Цхинвале и Джаве, а в Абхазии дислоцируется седьмая военная база со штабом в Гудауте. Численный состав каждой базы — 1700 военнослужащих [2].

Национальным интересам России отвечает военное присутствие в отдельных странах ближнего зарубежья в рамках взаимных договоренностей. Такое присутствие дает возможность обеспечить сохранение региональной стабильности, пресечь вооруженный конфликт на начальной стадии его развития. Россия рассматривает свое военное присутствие в Закавказье как компонент национальной безопасности. Наличие российских военных баз в республиках Южного Кавказа (помимо двух вышеназванных, на территории Армении до 2044 г. находится 102-я российская военная база) — важный фактор стабильности и одновременно средство поддержания баланса сил в регионе. Оно служит также надежной защитой от возможных попыток силового решения этнотерриториальных конфликтов, противовесом притязания других государств на установление стратегического контроля в Закавказье. Военным базам отводится зада-

ча устрашения вероятного противника с целью предотвращения развязывания им войны, сдерживания неприятеля от всевозможных иррациональных, авантюрных решений и крайних шагов.

Таким образом, в связи с указанными выше обстоятельствам и Россия заинтересована в обеспечении стабильности в регионе, в минимизации рисков и угроз на своих границах, в снижении там уровня межнациональной напряженности.

Стремление России к особой ответственности на Южном Кавказе не нашло понимания и поддержки у международного сообщества. Напротив, усилились обвинения со стороны международных организаций и западных правительств в возрождении «имперских амбиций» во внешней политике России.

Для России неприемлемо членство закавказских стран в НАТО. Позицию Москвы можно попытаться сформулировать следующим образом. У России имеются опасения, что членство Грузии в НАТО, по мнению некоторых экспертов, укрепит создаваемый Западом по периметру ее границ санитарный кордон из недружественных и ориентированных преимущественно на США государств.

Южный Кавказ давно находился в фокусе пристального внимания стран — членов Североатлантического альянса. Такой интерес к региону обусловлен рядом факторов.

Во-первых, данный регион (Каспийский бассейн) богат углеводородными ресурсами, к разработке которых прямой доступ имеют американские и европейские энергетические корпорации (см. таблицу).

Нефтегазовые ресурсы Каспия

Страна	Нефть, млрд т	Доля в мировых запасах, %	Газ, трлн куб. м	Доля в мировых запасах, %
Азербайджан	1,0	0,5	1,31	0,7
Казахстан	5,3	3,0	1,82	1,0
Туркменистан	0,1	0,05	8,1	4,2
Узбекистан	0,1	0,05	1,68	0,9
<i>Всего</i>	6,4	3,6	12,91	6,8

Источник: BP Statistical Review of World Energy June 2010. URL: <http://www.bp.com>

Привлекательность каспийских запасов углеводородов обусловливается, во-первых, их сравнительно удачным географическим положением. Ценность Каспия как одного из центров добычи углеводородов только увеличивается в связи с перманентной нестабильностью в регионе Персидского залива. Кроме того, у каспийских стран есть еще одно серьезное преимущество по сравнению с другими нефтеносными районами. Все они обладают малым уровнем потребления углеводородов в связи с небольшой численностью населения, что позволяет говорить об их жесткой ориентации на экспорт [6, 22].

Во-вторых, через Закавказье (особенно Грузию) проходит несколько маршрутов транспортировки каспийских энергоносителей. Основным транзитным путем, созданным без участия России, является нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД). Общая протяженность нефтепровода 1768 километров, 443 из них пролегает по территории Азербайджана, 249 — по территории Грузии, 1076 — по территории Турции. Проектная пропускная мощность — 50 млн т нефти в год, или 1 млн баррелей в сутки. Начало строительству трубопровода БТД было положено 18 сентября 2002 г.; 25 мая 2005 г. был открыт азербайджанский участок нефтепровода; 12 октября 2005 г. состоялось открытие грузинского участка; 13 июля 2006 г. в Турции состоялась официальная церемония открытия нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан [5].

Еще один нефтепровод, идущий не по территории России, это Баку — Тбилиси — Супса. Данный трубопровод является частью Евразийского нефтетранспортного коридора, который предусматривает транспортировку «черного золота» из Азербайджана через Грузию по нефтепроводу Баку — Супса, затем танкерами в Одессу и далее в Польшу по трубе Одесса — Броды.

Наконец, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум, который является частью «Южного газового коридора» («Southern gas corridor»). Планируемый «коридор» состоит из трех звеньев: Транскаспийского газопровода (данный проект предусматривает доставку природного газа из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан), газопроводов Баку — Тбилиси — Эрзерум (из Азербайджана через Грузию в Турцию) и Nabucco (от турецкого Эрзерума до австрийского Баумгартена через Болгарию, Румынию и Венгрию).

В ЕС и США данные трубопроводы рассматриваются не только в качестве важного ресурса мировой экономики, но и как средство избавления от российской энергетической зависимости. Таким образом, Закавказье является транзитным регионом для развития системы трубопроводов, которые должны создать условия для диверсификации поставок энергоресурсов в Европу.

Наконец, Южный Кавказ в военно-стратегическом отношении — удобный стратегический плацдарм для сдерживания Ирана или же возможного силового давления на него.

Основной причиной сотрудничества республик Южного Кавказа с НАТО является обеспечение большей безопасности и стабильности в регионе. Наиболее активной и заинтересованной в углублении взаимоотношений с Альянсом является Грузия. Здесь просматриваются следующие три основные причины стремления стать членом Североатлантической организации. Во-первых, закавказская республика видит в НАТО гарантию своей национальной безопасности и территориальной целостности, помощника в решении внутренних проблем (например, этнотерриториальных конфликтов). Второй причиной является стремление окончательно избавиться от политического и военного влияния России. Наконец, Грузия питает надежду, что расширение альянса, спровоцировав конфронтацию с Россией, превратит ее в «прифронтовое» государство с соответствующим увеличением политической поддержки и экономической помощи [12, 100].

Основным препятствием для вступления Грузии в НАТО является нерешенность территориальных проблем. По мнению экспертов, неурегулирован-

ность конфликтов на территории южнокавказской республики помешает членству, поскольку «государства, вовлеченные в этнические споры или внешние территориальные споры, в том числе в споры, связанные с проблемой ирредентизма, а также во внутренние споры, связанные с вопросами юрисдикции, должны уладить эти споры... до того, когда станут членами» [8, 110].

Национальным интересам России отвечает недопущение использования территории Южного Кавказа как для временного пребывания, так и для размещения на постоянной основе любых групп военнослужащих внерегиональных держав. Так, в утвержденной в феврале 2010 г. президентом Д. А. Медведевым Военной доктрине РФ к внешней военной опасности относится «развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзными государствами, а также в прилегающих акваториях» [1]. Это обусловлено тем, что они могут использоваться для силового решения территориальных проблем и придания политической устойчивости недружественным России режимам. Расширение военно-политического присутствия США в Черноморско-Каспийском регионе, включая планы вхождения в Североатлантический альянс Грузии, вызывает серьезную обеспокоенность в Москве, так как Закавказье является стратегическим рубежом, призванным защитить страну с юга. В данном регионе Россия хотела бы соседствовать с дружественными или по крайней мере с нейтральными государствами. Появление же здесь страны — члена НАТО, который в Москве рассматривают в качестве несущего потенциальную угрозу для России, будет однозначно воспринято как прямой и провокационный вызов ее национальным интересам.

После геополитических интересов России на Южном Кавказе важное место занимают экономические приоритеты.

Геоэнергетическим интересам России отвечает транспортировка каспийской нефти на мировой рынок через ее территорию. Согласно утвержденной Правительством РФ в ноябре 2009 г. Энергетической стратегии России на период до 2030 г. одним из важнейших стратегических направлений внешнеэкономической активности нефтяного комплекса РФ является транзит нефти сопредельных государств через российскую территорию [13]. В настоящее время по магистральным нефтепроводам России в транзитном режиме транспортируется нефть Азербайджана. Российскими путями экспорта «черного золота» являются северные маршруты транспортировки каспийской нефти. Так, в соответствии с условиями Договора между Россией и Азербайджаном о транзите нефти через территорию Российской Федерации от 18 января 1996 г. азербайджанская сторона осуществляет транспортировку нефти по маршруту Баку — Новороссийск. В 2007 г. в связи с вводом в эксплуатацию маршрута транспортировки нефти «Баку — Тбилиси — Джейхан» и перераспределением экспортных потоков азербайджанской нефти в систему Транснефти было подано лишь 2,083 млн т нефти, хотя по существующему договору от 1996 г. должно прокачиваться не менее 5 млн т в год. За 11 месяцев 2008 г. поставлено только 1,114 млн т азербайджанской нефти [9].

Для России транспортировка азербайджанского «черного золота» на мировой рынок по так называемому «северному» маршруту является выгодной,

поскольку в этом случае тарифы за прокачку нефти будут поступать в российскую казну, а не в бюджеты сопредельных государств. Огромное значение для обеспечения не только экономических, но и геополитических интересов имеет сохранение и увеличение транзита каспийской нефти

Геознергетическим интересам России отвечает возможность полного контроля экспорта каспийского газа. Так, 14 октября 2009 г. был подписан контракт купли-продажи природного газа между ОАО «Газпром» и Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР). В соответствии с контрактом первоначальные объемы покупок газа Газпромом составят 500 млн куб м, в дальнейшем объемы закупок будут возрастать в соответствии с экспортными возможностями азербайджанской стороны. Поставки начались с января 2010 г. [4]. 3 сентября 2010 г. Газпром и ГНКАР подписали дополнение к действующему контракту купли-продажи азербайджанского природного газа, согласно которому с 2011 г. объемы закупок возросли до 2 млрд куб. м в год, с 2012 г. они составят свыше 2 млрд куб. м [3].

Понятно, почему Азербайджан отдает приоритет наращиванию объемов своего экспорта именно в Россию. Территориальная близость, отсутствие транзитных зон и наличие уже существующей газотранспортной инфраструктуры делает расширение сотрудничества по газу между закавказской республикой и Россией наиболее коммерчески выгодным вариантом для обоих партнеров.

Доступ к «голубому топливу» очень важен для России по ряду причин. Главным аргументом в пользу закупок азербайджанского газа являются политические соображения: Россия пытается перехватить голубое топливо, которое может быть направлено в газопровод Nabucco, который предусматривает поставки природного газа в Европу в обход России и напрямую конкурирует с российским «Южным потоком».

Таким образом, Россия имеет жизненно важные интересы на Южном Кавказе, которые охватывают геополитику и экономику. Декларация вышеназванных положений является попыткой к формированию целостной концепции и четкой политики России в этой части ближнего зарубежья.

---

1. Военная доктрина Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

2. Военные базы РФ за границей. Справка от 15.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gian.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

3. «Газпром» и ГНКАР подписали дополнение к контракту купли-продажи азербайджанского газа [Электронный ресурс]. URL: <http://gazprom.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

4. «Газпром» и ГНКАР подписали контракт купли-продажи азербайджанского газа [Электронный ресурс]. URL: <http://gazprom.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

5. Нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан им. Гейдара Алиева. Справка от 17.04.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gian.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

6. *Муханов В.* Состояние энергоносителей в Каспийском регионе и роль России в их транспортировке на мировой рынок // Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа: Аналитические записки. М., 2008. № 6.

7. *Мухин В.* Содружество милитаризованных государств // Независимая газета. 2010. 17 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru> (дата обращения: 12.09.2010).
8. *Пихчадзе Ш.* Грузия: путь в НАТО и конфликт в Абхазии // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Вып. 14 : Возможные последствия вступления Грузии в НАТО для Грузино-Абхазского мирного процесса. Берлин, 2007.
9. Российско-азербайджанские отношения (Справка МИД РФ от 18.02.2009) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 12.09.2010).
10. Россия и Абхазия — союзники на века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 12.09.2010).
11. Страны-доноры пообещали выделить на восстановление Грузии \$4,5 млрд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 12.09.2010).
12. *Чирибка В.* Абхазия, Грузия, Россия и НАТО // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Вып. 14 : Возможные последствия вступления Грузии в НАТО для Грузино-Абхазского мирного процесса.
13. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energystrategy.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

Рукопись поступила в редакцию 20 сентября 2010 г.

УДК 327.2 + 351.746(470) + 351.746(51)

В. В. Чиркин

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена исследованию специфики геополитического присутствия крупной оборонной структуры России в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральный военный округ, региональная безопасность, Центральная Азия.

С самого начала обретения государственной независимости республики Центральной Азии столкнулись с такой важной проблемой, как обеспечение региональной и национальной безопасности, особенно в связи с активизацией терроризма и религиозного экстремизма.

Распространение религиозного экстремизма и терроризма в государствах Центральной Азии принимает долгосрочный характер. Данный процесс обуславливается рядом причин, как внутренних, так и внешних.

К внутренним можно отнести рост бедности, безработицы и социально-бытовой неустроенности среди большей части населения, высокий уровень нарушения прав и свобод граждан со стороны органов власти, маргинализация сознания и поведения значительной части населения, большое влияние на общественное сознание ценностей исламской религии. Все это способствует развитию протестных настроений среди граждан в отношении официальной политики государства.

Внешние факторы обусловлены геополитическим положением Центрально-Азиатского региона. Страны региона оказались в окружении таких зон политической нестабильности и конфликтов, как Закавказье, Кавказ, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Афганистан, Средний и Ближний Восток.

Фактором, обуславливающим долгосрочный характер экстремизма и терроризма в регионе, является наркобизнес. Сегодня незаконный оборот наркотиков является одной из основных угроз как национальной безопасности центральноазиатских государств, так и безопасности региона в целом. Из-за соседства с Афганистаном Центральная Азия оказалась в эпицентре мирового наркотрафика. Этому в немалой степени способствовали процессы развития мирового рынка незаконной торговли наркотиками, исторический опыт их производства в регионе, глобальные геополитические изменения конца прошлого века, политическая и социально-экономическая ситуация в центральноазиатских государствах.

В этих условиях формирование эффективной системы региональной безопасности является актуальной задачей.

Рассматривая различные аспекты обеспечения региональной безопасности Центральной Азии, особое внимание необходимо уделить внешнеполитическому измерению, играющему важную роль в безопасном развитии государств с учетом современных трендов усиливающейся взаимозависимости в глобализирующемся пространстве международных отношений.

В регионе присутствуют различные международные структуры безопасности, такие, как Организация Объединенных Наций (ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Североатлантического договора (НАТО), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Наиболее актуальным на сегодня является сотрудничество стран Центральной Азии с Шанхайской организацией сотрудничества, так как именно ШОС выделяется своей активностью в центральноазиатской подсистеме международных отношений в сфере обеспечения безопасности.

В то же время некоторые страны Центральной Азии являются как государствами — членами ШОС, так и государствами — партнерами НАТО, а отсюда вытекают различные возможности как для самих центральноазиатских стран, так и для межгосударственных организаций в определении приоритетов в сотрудничестве. Данное сотрудничество создает множество благоприятных возможностей, но и выявляет ряд проблемных вопросов, особенно когда речь идет о сотрудничестве с международными структурами безопасности, имеющими различное стратегическое видение и интересы, а также методы и состав участников.

Политика безопасности ШОС в Центральной Азии строится на диалоге, обмене мнениями и сотрудничестве во всех формах с другими государствами и регионами. ШОС верно выбрала линию на поддержание региональной безопасности и стабильности, проводя борьбу с тремя угрозами — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Одним из главных достижений «шанхайского процесса» за эти годы стало ослабление напряженности вдоль границы с Кита-

ем, включая создание с обеих ее сторон зон глубиной в 100 км, где осуществляются взаимные военные инспекции. Таким образом обеспечиваются меры доверия, которые позволяют снимать многие сомнения и подозрения.

Россия как страна — член ШОС сотрудничает в рамках данной организации с государствами ШОС по различным направлениям, прежде всего в упомянутой выше сфере защиты от угроз терроризма (в том числе наркотерроризма) и экстремизма. Большую роль в этом процессе играют оборонительные структуры российского государства, в частности, Центральный военный округ Вооруженных сил Российской Федерации, чья зона ответственности — Центральная Азия.

Основными формами участия Центрального военного округа Вооруженных сил Российской Федерации в процессе обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии является осуществление военного и военно-технического сотрудничества в рамках двухсторонних планов сотрудничества с вооруженными силами государств Центральной Азии.

В зоне ответственности Центрального военного округа на территориях государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности дислоцируются соединения, воинские части и организации, подчиненные командующему войсками Центрального военного округа:

- в Республике Таджикистан — 201-я военная база;
- в Киргизской Республике — 999-я авиационная военная база;
- в Республике Казахстан — семь военных объектов.

В соответствии с межгосударственными договоренностями в формате ОДКБ сформирована и парафирована правовая база, регламентирующая весь комплекс вопросов применения сил и средств системы коллективной безопасности при отражении агрессии против любого из государств, входящих в состав ОДКБ, а также при проведении контртеррористических операций.

Для выполнения перечисленных задач Центральным военным округом выделены соединения, воинские части и подразделения в состав сил и средств системы коллективной безопасности. С учетом задач, возложенных на эти воинские контингенты Центральным военным округом, на регулярной основе проводятся совместные мероприятия по оперативной и боевой подготовке вооруженных сил государств — членов ОДКБ. Непосредственными вопросами планирования, подготовки и проведения таких совместных мероприятий занимаются соответствующие должностные лица оперативно-стратегического командования Центрального военного округа: командующий войсками военного округа, начальник штаба военного округа, заместитель начальника штаба военного округа, начальник оперативного управления штаба военного округа и др.

К основным совместным мероприятиям оперативной и боевой подготовки вооруженных сил государств Центрально-Азиатского региона с участием органов военного управления и войск Центрального военного округа относятся совместные учения под общим наименованием «Рубеж» в формате ОДКБ, «Мирная миссия» в формате ШОС, ежегодные командно-штабные и тактические учения с Коллективными силами быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР ЦАР) «Взаимодействие».

На регулярной основе с участием представителей Центрального военного округа проводятся штабные переговоры по вопросам совместного планирования применения войск (сил), а также по вопросам военного технического сотрудничества, как на двусторонней, так и многосторонней основе.

С учетом задач Центрального военного округа решением командующего войсками ответственность за взаимодействие с органами военного управления вооруженных сил государств — членов ОДКБ Центрально-Азиатского региона возложена на заместителя начальника штаба военного округа. При его непосредственном участии разработана и утверждена главами государств — членов ОДКБ нормативная правовая база, регламентирующая вопросы совместного применения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности.

На протяжении последних десяти лет с участием должностных лиц военного округа практически реализуются решения Совета Коллективной безопасности ОДКБ по обеспечению коллективной безопасности в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности.

Военное сотрудничество с Министерством обороны Казахстана

С момента обретения независимости между силовыми ведомствами России и Казахстана установились партнерские связи, характеризующиеся регулярными рабочими встречами на различных уровнях, выработкой единых подходов к ряду вопросов, представляющих взаимный интерес в сфере безопасности и военного сотрудничества. На уровне министерств и ведомств силового блока регулярно разрабатываются и вносятся дополнения и поправки к уже достигнутым соглашениям.

Знаковым событием военного взаимодействия стало подписание в январе 2004 г. соглашения между Министерством обороны России и Министерством обороны Казахстана по вопросам совместного планирования применения войск (сил) в интересах обеспечения национальной безопасности двух стран.

С целью отработки алгоритма совместных действий на регулярной основе проводятся учения с привлечением частей и подразделений российской и казахстанской армий, причем как в рамках мероприятий в формате ОДКБ и ШОС, так и на двусторонней основе.

С начала 2008 г. уже состоялось два крупных совместных мероприятия, в которых были задействованы подразделения военных ведомств России и Казахстана. В первой декаде июля в учебном центре сухопутных войск Вооруженных сил Казахстана в поселке Гвардейский близ Алма-Аты прошли российско-казахстанские учения «Взаимодействие-2008», в которых приняли участие более 2 тыс. российских и казахстанских десантников, свыше 40 единиц самолетов и вертолетов, более 240 единиц боевой техники.

В период с августа по сентябрь 2008 г. в соответствии с планом подготовки Сухопутных войск Российской Федерации проводились оперативно-стратегические учения с войсками Приволжско-Уральского военного округа «Центр-2008», на отдельных этапах которых отрабатывались совместные действия под-

разделений Вооруженных сил России и Казахстана, в том числе мероприятия по антитеррористической деятельности. В частности, тактические занятия с боевой стрельбой российских и казахстанских подразделений прошли на полигоне Чебаркуль Челябинской области.

Между военными ведомствами России и Казахстана уже достигнуто соглашение: ежегодно в период с 2009 по 2011 г. проводить совместные военные учения с участием Вооруженных сил Российской Федерации и Республики Казахстан на территории двух государств попеременно.

Военное и военно-техническое сотрудничество с Министерством обороны Киргизии

С Киргизией военное и военно-техническое сотрудничество осуществляется на прочной правовой базе и взаимовыгодных условиях.

В академиях и военных учебных заведениях Министерства обороны России обучаются офицеры и курсанты Вооруженных сил Киргизской Республики, военные объекты Российской Федерации на территории Киргизии без каких-либо ограничений выполняют свое предназначение.

29 октября 2003 г. в Киргизии на аэродроме «Кант» открыта российская авиационная база. Положением о Коллективных силах быстрого развертывания (КСБР), компонентом которых является авиабаза «Кант», предусмотрено, что она предназначена для выполнения задач по обеспечению военной безопасности государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности, а также для участия в отражении внешней агрессии и проведения совместных контртеррористических операций. Кроме того, по взаимной договоренности на российскую авиабазу возлагаются задачи по обеспечению безопасности территории и воздушного пространства Киргизии, что, в свою очередь, является гарантом стабильности и оплотом борьбы с угрозами и вызовами в регионе.

С 1 декабря 2010 г. база организационно вошла в состав Центрального военного округа.

Военно-техническое сотрудничество с Министерством обороны Республики Таджикистан

Правовой основой для осуществления Центральным военным округом военно-технического сотрудничества с Министерством обороны Республики Таджикистан является Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан (подписан 16 апреля 1999 г., Москва). Ратифицированный Федеральным собранием (Федеральный закон от 24 марта 2001 г. № 29-ФЗ), Договор вступил в силу 16 октября 2004 г.

Настоящий договор действует в течение 10 лет и автоматически продлевается на последующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не уведомит письменно не менее чем за один год до истечения очередного срока действия договора другую сторону о своем намерении разорвать его (ст. 25).

Договором определен термин «движимое имущество»: это находящееся в пользовании российской военной базы имущество, включая все виды вооружения и военной техники, а также другие материальные средства.

Согласно договору движимое и недвижимое имущество (объекты недвижимости), находившееся в местах дислокации воинских формирований до 25 мая 1993 г., является собственностью Республики Таджикистан; движимое имущество российской военной базы, приобретенное после 25 мая 1993 г., является собственностью российской стороны; порядок передачи российской стороне указанного имущества во временное пользование на безвозмездной основе в соответствии с организационно-штатной структурой российской военной базы осуществляется по отдельному соглашению.

16 октября 2004 г. в Душанбе между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан заключено Соглашение о передаче движимого имущества, находившегося в местах дислокации воинских формирований до 25 мая 1993 г., во временное пользование российской военной базе.

Функционирование российских военных баз Российской Федерации в азиатских государствах ОДКБ

Присутствие российских военных баз на территории Таджикистана и Киргизии является одним из прочных звеньев в единой системе коллективной безопасности в Центральной Азии.

201-я российская военная база в Республике Таджикистан выполняет поставленные задачи по созданию условий для нейтрализации террористических и экстремистских вылазок в регионе. Присутствие российских войск в статусе зарубежной базы в Таджикистане, с учетом общественно-политической обстановки в соседних Республиках Кыргызстан и Афганистан, является сдерживающим фактором для третьих сил, ведущих борьбу по дестабилизации обстановки в регионе. Об этом свидетельствуют как заявления лидеров этих стран на официальном уровне, так и мнения известных российских, таджикских, афганских и иранских политологов и экспертов.

Стремление афганских контрабандистов совместно с бывшими боевиками таджикской оппозиции расширить свое влияние на юге Республики Таджикистан, например в Шуробадском направлении, сдерживается присутствием там Кулябского гарнизона и проводимыми в этом районе регулярными учениями.

Совместные действия российской базы и подразделений Министерства обороны Республики Таджикистан и других силовых структур Таджикистана становятся гарантом мира и стабильности в регионе, препятствием распространению международного терроризма и исламского фундаментализма в Центрально-Азиатском регионе. Это стало приобретать еще более значимую роль на фоне вытеснения Коалиционными силами НАТО части боевиков на север страны, к южным рубежам Таджикистана.

Нам известно отношение основной части интеллигенции и политических кругов Таджикистана, а также местных жителей к российским военнослужащим и присутствию самой базы в Республике Таджикистан. В их памяти свежи собы-

тия недавней гражданской войны, когда в период с 1992 по 1997 г. 201-я российская дивизия, выполняя миротворческие функции в условиях внутринационального конфликта, обеспечивала охрану важнейших военных и государственных объектов, участвовала в сохранении общественного порядка, пресекала переходы государственной границы бандформированиями. В 1997–2002 гг. дивизия осуществляла эшелонированное прикрытие таджикско-афганской границы.

Взаимодействие с местными властями, готовность военнослужащих базы прийти в любое время на помощь дружественному народу осуществляется и сегодня. Известны активное участие военных Кулябского гарнизона в спасении людей во время разгула стихии в мае 2010 г., а также действия команды противопожарной защиты и спасательных работ данного военного соединения, которая за последние 10 лет более 150 раз участвовала в тушении различных пожаров и более 200 раз — в аварийно-спасательных работах.

Присутствие российской базы в Таджикистане обусловлено и экономическими выгодами для бюджета республики.

Во-первых, играет роль высокая покупательская способность самой базы и ее военнослужащих: 201-я база приобретает электроэнергию, GSM, коммунальные услуги и проч., почти полностью приобретаются на таджикском рынке продовольствие для военнослужащих и промтовары. Оплачивается аренда земли, производятся другие отчисления, предусмотренные межгосударственными соглашениями.

Во-вторых, работающие на базе 1200 человек гражданского персонала получают в среднем зарплату 13 500 рублей (2070 сомони) при средней заработной плате в Республике Таджикистан 345 сомони, причем в Хатлоне, где находятся два гарнизона, — 226 сомони. Согласно соглашению, подписанному между командованием базы и местными налоговыми органами, соединение отчисляет все виды предусмотренных законодательствами Российской Федерации и Республики Таджикистан налогов в местный бюджет.

Присутствие российской базы в Республике Таджикистан приобретает еще большее значение на фоне заявления российского руководства о готовности участвовать в реализации энергетического проекта САЗА-1000 и готовности вложить в этот проект 500 млн долларов. По завершении проекта Таджикистан сможет экспортировать электроэнергию в Афганистан, Пакистан и Иран. Участие России в модернизации ГЭС «Наглу» и в создании объектов малой энергетики в горных районах Исламской Республики Афганистан позволит привлечь в качестве специалистов-переводчиков и квалифицированной рабочей силы граждан Таджикистана.

В данном случае российская база становится гарантом стабильной работы граждан этих стран и поступления инвестиций России и Таджикистана в экономику Афганистана.

Таким образом, Центральный военный округ Вооруженных сил Российской Федерации вносит значительный вклад в обеспечение не только собственно военной, но также экономической и политической безопасности стран Центральной Азии, закрепляя тем самым геополитическое присутствие России в этом стратегически важном регионе.

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2011 г.

УДК 327 + 329(510) + 329(47 + 57)

К. Г. Муратшина

РОССИЯ – КИТАЙ: СТРОИТЕЛЬСТВО МЕЖПАРТИЙНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Переход от исключительно межгосударственных отношений к межгосударственно-межпартийным является одной из ключевых особенностей стратегического партнерства РФ и КНР на современном этапе. Автор делает попытку анализа истоков, динамики и перспектив сотрудничества «Единой России» и Компартии Китая.

Ключевые слова: РФ, КНР, стратегическое партнерство, межпартийное сотрудничество.

Десять лет контактов между «Единой Россией» (ЕР) и Компартией Китая позволяют говорить о развитии межпартийного сотрудничества. Об этом заявил в ходе межпартийного диалога в марте 2010 г. председатель Высшего совета ЕР Борис Грызлов. Однако начало регулярных и результативных контактов следует отнести скорее к 2003 г., когда российская партия готовилась к выборам в Госдуму и международные связи важны были для ее имиджа. В январе 2003 г. делегация ЕР провела в Пекине важные переговоры о сотрудничестве с КПК. Упор был сделан на скорейшее развитие взаимодействия парторганизаций приграничных областей и провинций.

В 2004 г. состоялся ответный визит в Россию делегации КПК во главе с членом политбюро Ван Лэцюанем. Гости посетили Москву, Санкт-Петербург и Новосибирск. Глава делегации оценил ЕР: «Целевая установка вашей партии — за процветание государства и благосостояние народа — цель, на мой взгляд, вполне доступная...» [2]. В ходе встреч был подписан протокол о сотрудничестве партий на ближайшие три года, который предусматривал регулярные обмены на уровне руководства двух стран и региональных партийных организаций, а также контакты по линии предпринимательских, женских и молодежных объединений, ассоциированных с партиями.

В октябре 2008 г. «Единая Россия» передала КПК проект Соглашения о сотрудничестве между партиями, а также проект нового протокола на 2009–2011 гг. Говоря о четырех годах, прошедших со времени принятия первого протокола, заместитель секретаря Президиума Генсовета ЕР, глава комитета Госдумы по международным делам К. Косачев отметил «резкую интенсификацию межпартийного сотрудничества» и то обстоятельство, что «КПК, несмотря на ее название и идеологический профиль, определила “Единую Россию” в качестве своего стратегического партнера в РФ, хотя она поддерживает контакты и с другими российскими партиями» [7] (имеется в виду, что КПК сотрудничает также с КПРФ и «Справедливой Россией»).

В июне 2009 г. в Пекине было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве партии «Единая Россия» с Компартией Китая, провозгласившее главные задачи: способствовать увеличению количества встреч на высшем уровне, расширять контакты на различных уровнях, обмениваться делегациями,

активизировать связи между молодежными организациями и, главное с точки зрения сторон, налаживать связи между парторганизациями приграничных регионов двух стран. Еще одно направление — взаимодействие между партийными исследовательскими центрами (Центр социально-консервативной политики «Единой России» и «Современный мир» КПК). Все это должно, по мысли руководителей ЕР, укреплять «материальную основу добрососедства между нашими странами и оказывать непосредственное влияние на формирование атмосферы дружбы, равноправного и доверительного партнерства России и Китая» [7].

Главными механизмами взаимодействия были названы постоянно действующий Форум политических партий России и Китая, а также стратегический Диалог по основным международным и двусторонним проблемам, обмену опытом в области кадровой работы, партийного строительства и контроля.

Весь 2010 г. прошел под знаком укрепления отношений двух партий, состоялись встречи на разных уровнях, в том числе в региональных партийных организациях, заседание Диалога «Роль правящих партий России и Китая в посткризисный период», поездка молодых функционеров ЕР в КНР. Перспективы сотрудничества были обсуждены и одобрены в ходе встречи лидера ЕР В. Путина и заместителя председателя ЦК КПК, предполагаемого преемника Ху Цзиньтао, Си Цзиньпина. Все это позволяет выделить наметившиеся тенденции сотрудничества. Рассмотрим их.

Важнейшее направление, по мнению сторон, — сотрудничество парторганизаций приграничных регионов. Пока такие контакты состоялись в Амурской области и Забайкальском крае. Еще в 2003 г., сразу после переговоров ЕР и КПК в Пекине, региональная организация ЕР Амурской области принимала в Благовещенске делегацию влиятельных специалистов Академии общественных наук КНР провинции Хэйлунцзян. Китайские ученые, члены КПК, подробно ознакомились со всеми аспектами деятельности региональной организации ЕР, особенно с целями и программой партии, задачами региональной организации, поскольку, как было отмечено, «в сферу интересов АОН входят социальные и экономические проблемы Сибири» [1]. Подчеркнем это обстоятельство: территория, на которой разворачивает свою работу ЕР, создав отделения партии уже в 26 городах и районах области, оказывается, «входит в сферу интересов» китайских ученых.

В октябре 2009 г. на открытии в Суйфэньхэ Второго форума политических партий было принято решение «проводить последовательную разъяснительную работу в отношении значимости Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)», подписанной главами РФ и КНР в сентябре 2009 г. в Нью-Йорке. Следует сказать, что Программа у многих в России вызвала негативную реакцию. Перечень проектов, которые будут осуществлены на территориях двух стран, не оставляет сомнений, что это, по сути, программа возрождения Северо-Востока Китая с помощью ресурсов приграничных российских регионов. В 11 областях и краях РФ будет вестись разработка месторождений ресурсов — от меди и титана, полиметаллов до драгметаллов и нефрита, организуются предприятия по

добыче байкальской воды. Львиная доля добытого будет вывозиться затем на перерабатывающие производства, расположенные на китайской территории. Также в китайских приграничных провинциях строятся машиностроительные и другие предприятия, которые будут выпускать продукцию на экспорт, в том числе и для России. На российской территории запланировано строительство нескольких кирпичных заводов и предприятий по обработке древесины, три инновационных парка (на территории КНР — пять), но в целом области входят в зону хозяйствования КНР.

Известный российский экономист М. Делягин видит в Программе «аналог доктрины интернационализации природных ресурсов Сибири, но уже с китайской, а не с американской точки зрения...» [4, 248]. Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А. Ларин считает, что Дальний Восток уже находится в экономической зависимости от КНР. Не исключено, что в будущем он превратится в ее «сырьевой придаток» [20]. Известный индийский политолог Параг Ханна прямо заявляет: «...Россия сама предвосхищает переход Сибири и Дальнего Востока под контроль Китая, по сути, делаясь суверенитетом со своим более населенным соседом» [21, 72]. Ю. М. Галенович считает «единственно верным для нас путем — опираться на развитие собственной экономики, прежде всего за счет проведения продуманной экономической политики внутри страны, в том числе на российском Дальнем Востоке, и использования творческих способностей наших сограждан. Именно в этом состоят сильные стороны России, а вовсе не в том, чтобы жить за счет продажи сырья и энергии Китаю» [3, 77]. Нужна лишь политическая воля и желание сохранить земли, которые столетиями собирали русские цари.

По итогам форума в Суйфэньхэ ЕР направила в Правительство РФ перечень тем, которым предлагается партийная поддержка: инвестиционные проекты в сфере энергетики, добычи и переработки природных ресурсов, инфраструктуры и др. [11]. Сейчас партии готовят третий межпартийный форум, который пройдет весной 2011 г. в Благовещенске. Б. Грызлов назвал вопрос взаимодействия между российскими регионами и китайскими провинциями одним из основных и подчеркнул, что чрезвычайно важными направлениями сотрудничества являются энергетика, поставки газа, преодоление кризисных явлений в экономике, наращивание товарооборота [8].

Как видим, в сотрудничестве ЕР и КПК на первый план уже вышли вопросы экономических связей, и решаются они в прежнем ключе: Китаю нужно в основном российское сырье, а нам — китайские инвестиции. Напомним особенность китайского инвестирования — создание предприятий с китайским капиталом, китайским менеджментом и рабочей силой.

Опыту борьбы с международным экономическим кризисом и путям выхода из него была посвящена дискуссия в рамках межпартийного диалога в июне 2009 г. Правда, к этому времени было общеизвестно, что КНР уже вышла из кризиса. Пакет мер, принятый осенью 2008 г. и содержавший 10 главных направлений поддержки национальной экономики, уже дал результаты: КНР достигла значительных успехов в развитии внутреннего рынка. Вэнь Цзябао на Трехдневной встрече новых лидеров в рамках Всемирного

экономического форума в Тяньцзине в сентябре 2010 г. сказал, что «внутренний спрос играет все более мощную роль в развитии китайской экономики последние два года. Рост розничных продаж вырос в 2009 г. по сравнению с 2008 г. на 16,9 %» [15].

Принятый пакет государственных научно-технических программ, которые должны вывести посткризисную экономику страны на новый уровень, также дал результаты: в высокотехнологичных отраслях добавленная стоимость выросла в сравнении с прошлым годом на 17,7 %. В России же до сих пор почти ежемесячно проходят пышные форумы и дискуссии о необходимости «схода экономики с сырьевой иглы» и выработки новой инновационной стратегии. И если по итогам 2009 г. темпы роста экономики КНР достигли 8,7 %, в следующем, 2010-м, по объему ВВП страна обошла Японию и вышла на второе место в мире, а приток иностранных инвестиций за 7 месяцев 2010 г. составил 58,35 млрд долларов [13], то в России спад ВВП в 2009 г. составил, по данным Росстата, 7,9 % [19]. Зато выросло состояние российских олигархов, а за рубеж в 2009 г. было вывезено 56,9 млрд долларов [18].

Из многочисленных интервью функционеров ЕР следует, что им чрезвычайно важен опыт КПК по борьбе с коррупцией. Для Китая коррупция такая же большая проблема, как и для России. «China Daily» пишет, что с 2003 г. количество случаев взяточничества среди госслужащих выросло на 13 % [14]. По данным аудиторской службы Китая, проверившей только 55 правительственных департаментов и несколько сотен компаний, за 2009 г. у государства украли 234,7 млрд юаней, что составляет 34,4 млрд долларов [10]. Более 18 тыс. особо серьезных дел, связанных с коррупцией официальных лиц, были рассмотрены в органах правосудия в 2009 г. Из 41 000 чиновников-взяточников часть вернули государству более 7 млрд юаней, в отношении большинства будут применены различные меры наказания, из которых самое мягкое — конфискация имущества и тюремный срок [12]. «Посадки», по выражению российского премьера, есть и у нас, но не в таком количестве. ЕР — партия парламентского большинства, и мы помним, что Госдума приняла не самый эффективный пакет мер по борьбе с коррупцией.

В КНР в июле 2010 г. опубликован закон, в котором говорится об обязательном предоставлении властям сведений о личных доходах чиновников, имуществе, об изменении семейного положения, семейных инвестициях, местонахождении супруги и детей в случае их выезда за рубеж, загранпаспортах, визах, иностранном гражданстве членов семей, включая паспорта Гонконга, Макао и Тайваня [17]. Эти же требования распространяются на беспартийных бизнесменов и работников государственных компаний. Тех, кто не будет подавать отчеты, ждет наказание и увольнение. Уголовные дела возбуждаются против взяточников независимо от того, какой пост они занимают. Можно привести в пример судебные процессы над мэром Шэньчжэня, президентом корпорации Синорес (сумма взяток — 196 млн юаней (29 млн долларов)), бывшим вице-мэром Пекина (7 млн юаней). В конце 2010 г. завершился суд над секретарем комиссии по проверке дисциплины в провинциях Чжэцзян и Гуандун. Все они получили высшую меру наказания с отсроченным исполнением, т. е. если их не

казнят, то посадят пожизненно [14]. Хочется надеяться, опыт КНР в борьбе с коррупцией пригодится и России.

По инициативе ЕР с 2009 г. в повестку встреч включен обмен опытом в области кадровой работы. Данное направление представляется для ЕР важным, поскольку собственный ее опыт небольшой. В советское время важнейшими принципами подбора руководящих кадров КПСС были обязательное профильное образование, учет достижений кандидата на предыдущих местах работы, прохождение им всех ступеней служебной лестницы. Существовали учебные заведения подготовки и переподготовки кадров. Сегодня в России иной подход: стремление омолодить кадры (не всегда, кстати, оправданное); диплом управленца, менеджера дает право работать на руководящих постах в любой отрасли.

На XVII съезде КПК анализ системы подготовки партией кадров был заявлен среди важнейших вопросов для обсуждения; предлагались изменения, диктуемые временем и ходом реформ. В отчетном докладе съезду Ху Цзиньтао заявил о том, что при выдвижении на руководящие посты надо исходить «из принципа сочетания моральных и деловых качеств, серьезно относиться к оценке реальных достижений человека, учитывать степень признания человека общественным мнением... поощряя молодых кадровых работников на то, чтобы они шли в низовые парторганизации, районы, переживающие трудности, дабы закалиться и возмужать именно там» [5].

Лидер КПК потребовал активного выдвижения «лучших кадровых работников низового уровня и первой линии производства» (не перестановок с места на место одного и того же чиновника, как в России), женщин, представителей нацменьшинств. Он предложил гласно выдвигать на одно место несколько кандидатур, учитывая при этом как понимание кандидатами неотложных задач и перспектив развития, так и их приверженность «далеким и высоким идеалам коммунизма и общим идеалам самобытного китайского социализма», опыт практиков, «умеющих работать с людьми, имеющих социалистический взгляд на славу и почет, на позор и бесчестье». После тайного голосования должно следовать коллективное решение о назначении. Подчеркивается и необходимость дальнейшего коллективного контроля деятельности избранного таким образом руководителя [6, 280, 290].

КПК уделяет особое внимание воспитанию молодых кадров, поскольку именно им предстоит решать сложнейшие проблемы предстоящей политической модернизации страны, демократизации жизни общества, о чем в августе 2010 г. при посещении Шэньчжэня говорил Вэнь Цзябао, подчеркивая, что без политических преобразований невозможны устойчивый экономический рост и модернизация [16]. В то же время обращает внимание заинтересованность КПК в контактах с молодыми кадрами ЕР. Это пример дальновидной политики КПК, исподволь готовящей себе лояльных партнеров, с которыми в будущем Китае, возможно, придется иметь дело.

Проблематично, на наш взгляд, стремление ЕР использовать опыт руководства КПК модернизацией страны. КПК и ЕР — партии разные не только по идеологии, но и по масштабам, накопленному историческому опыту как побед,

так и ошибок. В последние годы КПК показала себя партией, держащей руку на пульсе общества. Она не просто обозначила и изучила проблемы, с которыми китайцы столкнулись в ходе реформ, издержки быстрого развития и новые вызовы, но и пытается находить и предлагать народу решения, новые идеи. При этом корректировка хода реформ идет быстро, без форумов и политической трескотни, все просчитывается и программируется. И еще одно обстоятельство. КПК в целом пользуется авторитетом и доверием народа, позиционирует себя как партию всего народа, ответственную как за сегодняшнее его благосостояние, так и за жизнь будущих поколений. О ЕР, к сожалению, мы этого сказать не можем. КПК имеет планы развития страны до 2050 г. с разбивкой на периоды. Сегодня она сосредоточена на достижении страной уровня малого и среднего благосостояния «сяокан» в 2020 г. Причем «сяокан» предстает в планах тысячами показателей, которых предстоит достичь. Десятки институтов в Китае сводят свои разработки в комплексный план. И это дает право утверждать, что развитие КНР базируется на научной основе. В России, отбросившей планирование как «совковый метод» хозяйствования, только начинают возвращаться к составлению прогнозных планов.

Итак, сделаем некоторые выводы. Сотрудничество «Единой России» и КПК отвечает интересам обеих сторон. КПК больше всего привлекает то, что «Единая Россия» — «партия, имеющая большинство своих членов во власти» [10]. Это расширяет возможности влияния на выработку решений, в которых заинтересована китайская сторона. Выше отмечалось, что одна из главных проблем и КПК, и китайского государства — обеспечение экономики природными ресурсами. И мы убедились, что партийные контакты служат решению этой проблемы. Перед обеими партиями в своих странах стоят разной степени остроты проблемы, и каждой стороне представляется, что межпартийные связи укрепляют ее власть в собственной стране, дают имиджевые и другие выгоды от двусторонних отношений. КПК заинтересована в получении большего объема информации о нашей стране. В Китае в десятках институтов давно изучают историю России, СССР, причины его краха, современный потенциал РФ, ход реформ, а особенно пристально — состояние дел в приграничных регионах. В рамках международного сотрудничества также предусмотрен обмен информацией и исследовательскими данными партийных исследовательских центров. По мнению профессора ИДВ РАН Ю. М. Галеновича, межгосударственное межпартийное сотрудничество — это часть стратегии КНР в отношении России, это активная политика, направленная на то, чтобы оказывать воздействие на все политически значимые силы в нашей стране.

Время покажет, будет ли «Единая Россия», лишь недавно провозгласившая своей идеологией «российский консерватизм», пользоваться авторитетом у большинства населения России; сможет ли повлиять на уже сложившееся неравноценное экономическое партнерство между двумя государствами. Представляется, что партийное сотрудничество может стать успешным, если оно будет находиться в русле перспективной государственной политики в отношении Китая. Такая комплексная политика необходима, поскольку Китай на долгие годы наш важнейший партнер на международной арене и сосед, который очень

быстро развивается. В русле этой политики должны разрабатываться, проходить экспертизу и приниматься все документы и проекты, особенно касающиеся сотрудничества регионов. Это условие требует привлечения китаеведов, а также создания в России новых институтов для подготовки специалистов по Китаю, изучения китайского языка, культуры, что, как представляется, отвечает и намерениям обеих партий.

1. Благовещенск посетила делегация АОН китайской провинции Хэйлунцзян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?2/1116> (дата обращения: 20.09.2010).
2. Встреча с делегацией компартии Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?1/5758> (дата обращения: 20.09.2010).
3. Галенович Ю. М. Россия — Китай: старт двух «танDEMов» // Свободная мысль. 2009. № 2. С. 73–82.
4. Делягин М. Г. Выживет ли Россия в нерусской смуте? М., 2010.
5. Доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6283847.html>
6. Доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК / пер. Ю. М. Галеновича // Галенович Ю. М. Новое лицо Китая. XVII съезд КПК. Кн. 3. Программа Ху Цзиньтао. М., 2008.
7. ЕР и КПК подпишут Соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?8/1602> (дата обращения: 20.09.2010).
8. ЕР и КПК расширят межпартийный диалог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?14/1521> (дата обращения: 20.09.2010).
9. Жуков: «КПК и ЕР накопили большой опыт взаимодействия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?10/1962> (дата обращения 20.09.2010).
10. Итоги аудиторских проверок // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2009. 30 дек.
11. К. Косачев об аспектах диалога ЕР и КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edinros.ru/er/text.shtml?12/9146> (дата обращения: 20.09.2010).
12. Меры по борьбе с коррупцией // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2010. 12 марта.
13. Новости экономики // Там же. 17 авг.
14. О коррупции // Там же. 13 сент.
15. О «летнем Давосе» в Тяньцзине // Там же. 2009. 15 сент.
16. О развитии Шэньчжэня // Там же. 2010. 7 сент.
17. Опубликованы новые антикоррупционные правила // Там же. 13 июля.
18. Отток капитала из России преодолеть не удастся [Электронный ресурс]. URL: http://www.infox.ru/business/finances/2010/04/05/Ottok_kapitala_iz_Ro.phtml (дата обращения: 5.04.2010).
19. Спад ВВП России в 2009 году составил 7,9 % [Электронный ресурс]. URL: www.utro.ru/news/2010/02/01/869356.shtml (дата обращения: 1.02.2010).
20. Эксперт РАН: не исключено, что Дальний Восток превратится в сырьевой придаток Китая [Электронный ресурс]. URL: http://news.vl.ru/biznes/2010/06/18/syrjevoj_pridatok/
21. Parag Khanna. The Second World. N. Y., 2009.

Рукопись поступила в редакцию 6 декабря 2010 г.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 339.3(470.5) + 338.1(470.5)

**А. В. Елисеев
И. М. Темкина**

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена изучению института социального партнерства в России в период перехода к инновационной экономике. Последовательно рассматриваются правовая основа социального партнерства, его содержание и значение. Изучение трехсторонних соглашений ведется на всех уровнях: федеральном, региональном и отраслевом. Особое внимание уделено изучению трехстороннего соглашения Свердловской области на 2011–2012 гг. и соглашения о социальном партнерстве по горно-металлургическому комплексу Свердловской области.

Ключевые слова: модернизация, социальное партнерство, трехсторонние соглашения на всех уровнях, интеграция социальных партнеров и государственной политики.

В условиях модернизации всех сторон жизни общества, формирования в России инновационной экономики одной из приоритетных задач становится совершенствование всей системы действующих институтов.

Одним из наиболее динамично развивающихся институтов в Российской Федерации в современный период является социальное партнерство. Его успешное развитие в первую очередь зависит от создания надежной правовой базы в сфере трудовых отношений.

Правовую основу социального партнерства в России прежде всего определяет Конституция Российской Федерации. В ст. 7 Российская Федерация характеризуется как «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» и в соответствии с которыми в совместном ведении Российской

Федерации и субъектов Российской Федерации находятся защита прав и свобод человека и гражданина; социальная защита, включая социальное обеспечение; трудовое законодательство [4].

Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ) [10] вслед за Конституцией предусматривает разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Статья 23 Трудового кодекса Российской Федерации определяет социальное партнерство «как систему взаимоотношений между работниками (представителями работников) и работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленную на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений» [Там же].

Правомочность принятых субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов в сфере труда определяется тем, в какой степени они соответствуют Конституции Российской Федерации, Трудовому кодексу Российской Федерации, закону «О принципах организации органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и другим нормативным актам.

В ряде случаев наличие недоработок и пробелов в федеральном законодательстве о трудовых отношениях позволяет субъектам Российской Федерации осуществлять опережающее правовое регулирование в сфере труда.

Органы государственной власти и местного самоуправления могут быть сторонами социального партнерства в том случае, если они сами выступают в качестве работодателей, а также в ситуациях, предусмотренных трудовым законодательством.

Во всех других случаях органы государственной власти в системе социального партнерства играют особую роль. Их задача состоит в том, чтобы учитывать интересы общества в целом и с этой целью координировать развитие коллективно-договорного регулирования трудовых отношений на различных уровнях (макро, мезо и микро), согласовывать государственные и договорные интересы. Они могут участвовать в работе постоянно действующих органов социального партнерства, подготовке проектов и заключении соглашений различного уровня, однако они не принимают на себя никаких обязательств, играют роль посредника и не признаются сторонами социального партнерства.

Развитие социального партнерства в Российской Федерации осуществляется на разных уровнях, при этом используется сочетание, а также ранжирование территориальных и отраслевых подходов.

Ст. 45 ТК РФ предусматривает следующие соглашения:

- генеральное соглашение, устанавливающее общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на федеральном уровне;
- региональное соглашение, устанавливающее общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на уровне субъектов РФ;

— отраслевое соглашение, устанавливающее общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли;

— иные соглашения, регулирующие социально-трудовые отношения [2, 158].

Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации было заключено на 2008–2010 гг. [1] и определило обязанности трех сторон, которые частично были скорректированы в связи с наступлением в 2008–2009 гг. мирового финансового кризиса.

Второй уровень социального партнерства в современной России представляют региональные соглашения, задача которых наряду с основными направлениями, определенными Генеральным соглашением, учесть местные особенности.

В настоящее время более 40 субъектов РФ приняли закон о социальном партнерстве. В них наряду с общими положениями, обусловленными федеральным законодательством, встречаются различные определения категории «работник» [11, 28].

Наиболее спорным является вопрос о роли государственных органов в трехстороннем соглашении. В целом ряде областей (Ивановская, Томская, Костромская, Пермский край, Кабардино-Балкарская Республика и др.) при определении сторон социального партнерства органы государственной власти не указаны [Там же, 30].

В Свердловской области подписано соглашение между Федерацией профсоюзов Свердловской области, региональным объединением работодателей «Свердловский союз промышленников и предпринимателей» и правительством Свердловской области на 2011–2012 гг. [9]. Соглашение вступило в силу 1 января 2011 г. и действует до заключения нового соглашения, но не более трех лет.

Сторонами трехстороннего соглашения являются высшие органы власти Свердловской области (правительство), федерация профсоюзов Свердловской области (ФПСО) от лица отраслевых областных и территориальных объединений профсоюзов, представляющих интересы работников области (профсоюзы), региональное объединение работодателей «Свердловский союз промышленников и предпринимателей» (РОР СОСПП) от лица отраслевых и территориальных объединений работодателей и органов государственной власти по вопросам регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений [Там же].

Стороны соглашения считают, что на предстоящий период главной целью социальной политики в области должно стать создание условий, обеспечивающих повышение доходов и качество жизни населения и работников, снижение уровня социального неравенства на основе развития экономики области.

Все стороны соглашения должны содействовать экономическому росту и повышению конкурентоспособности продукции, принимать меры для роста производительности труда в Свердловской области в соответствии с параметрами, установленными стратегией развития области до 2020 г.

Кроме общих задач для каждой из трех сторон соглашения устанавливаются специфические задачи в области экономики в целом, реализации приоритетных

национальных проектов, в сфере регулирования оплаты труда, занятости населения и развития рынка труда, охраны труда и обеспечения экономической безопасности, социальной защиты работников и населения, а также в сфере развития социального партнерства и координации действий сторон.

Третий уровень социального партнерства составляют отраслевые соглашения, призванные учесть специфику отрасли. Рассмотрим в качестве примера соглашение по социальному партнерству по горно-металлургическому комплексу Свердловской области.

В данном случае сторонами социального партнерства выступают:

— Свердловская областная организация горно-металлургического профсоюза России («Профсоюз»), представляющая интересы работников горно-металлургического комплекса Свердловской области;

— Союз предприятий металлургического комплекса Свердловской области («Союз работодателей»), представляющий интересы работодателей горно-металлургического комплекса Свердловской области;

— Министерство промышленности и науки Свердловской области («Министерство») в лице первого заместителя председателя правительства, министра промышленности и науки Свердловской области.

В соглашении отмечается сложность проблем, связанных с последствиями мирового финансово-экономического кризиса, и предлагается в целях минимизации его отрицательных социальных последствий обеспечить максимальное сохранение рабочих мест, поддержание конкурентоспособности предприятий отрасли на основе социально-экономической стабильности в горно-металлургическом комплексе Свердловской области.

Соглашение заключено на весь кризисный период и действует до момента стабилизации экономических процессов, но не более трех лет.

При изучении соглашения обращает на себя внимание тот факт, что в условиях кризиса и преодоления его последствий наибольшие обязанности возлагаются на работодателей. Для них приоритетной задачей признается своевременная выплата заработной платы, сохранение объема социальных программ, льгот и гарантий, рабочих мест в максимальном объеме и др. [8, 2].

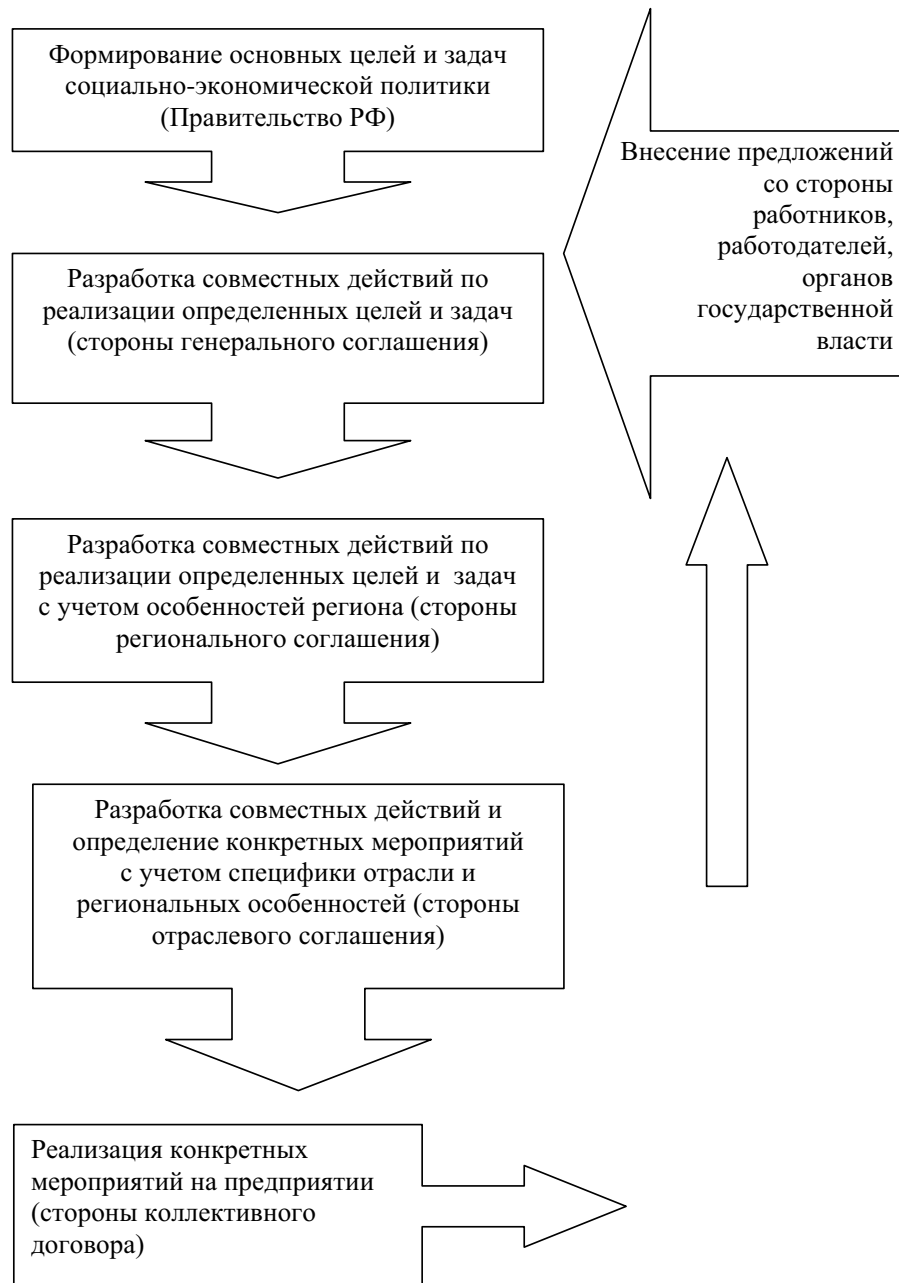
Механизм распределения функций на различных уровнях социального партнерства показан на рисунке.

Генеральное соглашение на федеральном уровне, региональное и отраслевое обнаруживают следующую картину: при переходе от первого к третьему уровню сохраняются рамки действия соглашения, что вполне естественно, одновременно наблюдается переход от общих положений к конкретным мероприятиям и в то же время сужается круг обязанностей всех трех сторон.

По ТК РФ отраслевые соглашения устанавливают лишь общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли, все эти положения отражают суть и содержание социального партнерства, но, на наш взгляд, этого недостаточно, так как решение всех этих приоритетных социальных проблем невозможно без активного развития производства, его модернизации.

И окончательный эффект от социального партнерства мы получим лишь в том случае, если доведем его до первичного звена — предприятия, а решение

Анализ механизма взаимодействия сторон социального партнерства на всех уровнях

социальных задач поставим в прямую зависимость от эффективности производственной деятельности предприятия, его конкурентоспособности.

На уровне предприятия социальное партнерство проявляется прежде всего в форме коллективных договоров. Право на ведение коллективных переговоров —

одно из основополагающих в сфере труда. Право работников и работодателей на ведение коллективных переговоров закреплено в Европейской социальной хартии, пересмотренной в 1996 г.

В одном из главных документов международного трудового права — Филадельфийской декларации МОТ 1944 г. — закреплено «обязательство Международной организации труда способствовать принятию странами мира программ, имеющих целью действительное признание права на коллективные переговоры» [3].

Все эти нормы международного права нашли отражение в нашем национальном законодательстве, о чем говорилось выше.

В ст. 41 ТК РФ «Содержание и структура коллективного договора» говорится о том, что в договор включаются взаимные обязательства работников и работодателей; фактически это обязательства дирекции, т. е. законного представителя юридического лица и профсоюзного органа первичной профсоюзной организации.

В современной России актуальными остаются вопросы совершенствования содержания коллективных договоров, порядка их заключения, сферы их действия и контроля за их исполнением. Они заслуживают самостоятельного исследования, прежде всего — юристов.

Цементирует социальное партнерство на всех уровнях система интересов.

Интересы работников защищают профсоюзы. В настоящее время в РФ профсоюзы представляют более 50 % наемных работников. СРНП насчитывает более 28 млн наемных работников — членов профсоюза, что составляет свыше 95 % членов профсоюзного движения [7, 46].

Права профсоюзов в Российской Федерации закреплены в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (в послед. ред. от 28 декабря 2010 г.) [6]. Закон разделил представительные полномочия профсоюзов в зависимости от того, какие интересы они представляют: индивидуальные или коллективные.

Интересы второй стороны — работодателя — представляют:

- руководитель организации,
- руководитель — индивидуальный предприниматель,
- уполномоченные им лица.

Представительство работодателей распространяется:

- на проведение коллективных переговоров;
- заключение и изменение коллективного договора;
- рассмотрение и разрешение коллективных трудовых споров работников с работодателем.

Интересы работодателей могут представлять их объединения, права которых закреплены в Федеральном законе от 2002 г. «Об объединениях работодателей» Вопрос о взаимодействии работодателей и органов государственной власти в системе социального партнерства — одна из сторон глобальной проблемы взаимодействия бизнеса и власти на всех уровнях социально-экономического развития, что является важнейшим фактором обеспечения устойчивого положения страны.

Рассматривая участников трехстороннего социального партнерства с экономической точки зрения, следует отметить, что в рамках социального партнерства задействованы и тесно взаимосвязаны три основных фактора, определяющих социально-экономическое развитие: 1) человеческий капитал, который реализует свои творческие возможности в сфере трудовых отношений, где работник является создателем всех материальных и духовных благ; 2) бизнес, который является важнейшей движущей силой развития в процессе формирования инновационной экономики и выполняет инновационную, экономическую, социальную и политическую функции; 3) государство, являющееся регулирующим и координирующим органом, определяющее стратегические ориентиры социально-экономического развития, разрабатывающее проекты национального масштаба. Его задача — создать необходимые базовые условия для бизнеса и обеспечить защиту прав труженика, реальные возможности для повышения жизненного уровня населения страны.

Роль органов государственной власти в социальном партнерстве в современной России можно представить в виде следующей таблицы.

Роль органов государственной власти в социально-трудовом партнерстве

Роль органов власти	Механизм реализации
Генератор идей	Определение направлений социально-экономической политики; постановка задач, необходимых для успешной работы в рамках социального партнерства
Регулирующая сила	Участие в коллективных переговорах и определение принципов, которыми стороны руководствуются при выполнении поставленных задач
Стимулирующая сила	Создание таких условий, при которых у сторон социального партнерства появится желание выполнять поставленные задачи
Контролирующая сила	Контроль основных параметров, фиксирующих достижение поставленных целей
Получатель выгоды, наряду с другими субъектами социального партнерства	Получение социально-экономических и политических выгод при реализации поставленных целей

Из приведенной таблицы следует, что органы государственной власти в лице Правительства Российской Федерации выступают в роли генераторов идей посредством определения направлений социально-экономической политики и постановки задач для достижения поставленной цели. Направления социально-экономической политики и цели сотрудничества определяются прежде всего в рамках концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г.

Регулирующую, стимулирующую и контролирующую роль органы государственной власти выполняют в лице правительства (федерального и областного), Государственной думы ФС РФ, а также министерств и федеральных служб.

Роль органов государственной власти как получателя выгод наряду с другими участниками соглашения подразумевает получение положительных социальных, экономических и политических результатов, достигнутых путем реализации поставленных целей.

Изучение процесса развития социального партнерства в современной России обнаруживает ряд интересных тенденций.

Государство целенаправленно вовлекает участников социального партнерства — работодателей и профсоюзные организации — не просто в систему взаимного сотрудничества, но и в процесс формирования и реализации социально-экономической политики на всех уровнях.

Статья 35.1 ТК РФ, включенная Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (в послед. ред. от 17 июля 2009 г.) [5], принципиально изменила роль трехсторонней комиссии и социальных партнеров. Отмеченная тенденция наиболее наглядно проявляется на примере региональных трехсторонних соглашений, которые направлены не только на регулирование социально-трудовых отношений, но и на решение региональных проблем экономического развития.

В соглашениях выделяются такие разделы, как экономическая политика, содействие занятости и развитие кадрового потенциала, молодежная политика, экономическая безопасность. Все это свидетельствует о том, что социальное партнерство выходит за рамки собственно трудовых отношений.

Наглядным примером этого процесса является Трехстороннее соглашение Свердловской области на 2011–2012 гг. Его второй раздел носит название «Развитие экономики» и содержит следующие положения. Стороны совместно «содействуют экономическому росту и повышению конкурентоспособности продукции, в том числе путем:

- выработки и реализации мер по обеспечению государственной поддержки приоритетных направлений развития экономики области, роста эффективности производства и занятости населения, формирования системы кадрового восполнения хозяйственного комплекса;
- обеспечения равных конкурентных условий для хозяйствующих субъектов всех форм собственности, в том числе в сфере малого и среднего предпринимательства;
- создания условий и стимулов для модернизации и диверсификации производства товаров и услуг;
- внедрения эффективных механизмов стимулирования инвестиций и инноваций;
- проведения структурных реформ и содействия модернизации отраслей экономики» [9].

Приведенные положения наглядно подтверждают оценку региональных соглашений как совместно выработанного плана, направленного не только на

обеспечение трудовых отношений, но и на экономическое и социальное развитие региона.

Следовательно, социальное партнерство в России в современный период перешагнуло порог трудовых отношений, налицо участие субъектов трехстороннего соглашения в управлении экономикой и социальной сферой региона, одобрение государственной политики социальным партнерством и усиление интеграции социальных партнеров и государственной политики.

Особый теоретический и практический интерес к этому процессу проявляют не только отечественные, но и зарубежные ученые.

По мнению западных ученых, в период кризиса, как правило, усиливается государственный элемент управления и снижается уровень социального партнерства, разваливаются региональные и отраслевые соглашения и все переходит на заключение коллективных договоров [7, 44].

Еще одна тенденция в развитии социального партнерства, которая наблюдается во многих странах Запада и, к сожалению, почти полностью отсутствует в России, связана с глобальной интеграцией, которая в современных условиях настоятельно требует вывести социальное партнерство на новый уровень — уровень крупных региональных союзов (Европа, Азия).

Успех в решении этих проблем требует совместных усилий, серьезного взаимодействия прежде всего экономистов и юристов, которые часто говорят на разных языках и занимают противоположные позиции.

Оценивая возможности и перспективы развития социального партнерства в России XXI в., необходимо выделить два основных направления этого процесса: внутри страны и за ее пределами.

В Российской Федерации необходим прежде всего количественный рост института социального партнерства на всех уровнях. Изучение рынка труда современной России обнаруживает следующую картину. Всего в стране занято 68–69 млн человек, в том числе на крупных предприятиях работает 36–37 млн человек, на других (средних и мелких) — около 10 млн. Социальное партнерство касается в первую очередь первой группы и с некоторой натяжкой — второй. К 23 млн занятых, т. е. 1/3 активно работающих, ТК РФ и социальное партнерство практически не имеют никакого отношения [Там же]. Следовательно, возможности института социального партнерства в России использованы далеко не полностью, даже в том случае если подходить к проблеме с чисто количественной стороны.

Качественное совершенствование социального партнерства охватывает практически все его составляющие. На наш взгляд, наибольший интерес представляет усиление интеграции социальных партнеров и государственной политики, участие организаций работодателей в управлении экономикой и социальной сферой региона.

Особого внимания заслуживает внешний аспект развития социального партнерства за пределами национальной экономики, напрямую связанный с глобальной интеграцией мирового развития, практически не описанный в отечественной литературе.

Подводя общий итог проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

В XXI в. в условиях перехода к инновационной политике в Российской Федерации возрастает роль социального партнерства на всех уровнях.

Особое значение приобретают трехсторонние региональные соглашения, которые в ряде регионов, в том числе в Свердловской области, выходят за пределы трудовых соглашений и направлены не только на оптимизацию отношений в сфере труда, но и на экономическое и социальное развитие региона, что свидетельствует об усилении процесса интеграции социальных партнеров и государственной политики.

---

1. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2005–2007 годы (г. Москва, 29 декабря 2004 г.) // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2005. № 3.

2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (5-е изд., испр., перераб. и доп.) / под ред. Ю. П. Орловского. М., 2009.

3. Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956 гг. Т. 1 : Женева: Международное бюро труда, 1991 г. // Основы стратегической политики МОТ на 2010–2015 гг. Женева, 2009.

4. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (в послед. ред. от 30 декабря 2008 г.) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; 2008. 31 дек.

5. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ (в послед. ред. от 17 июля 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 27. Ст. 2878; 2009. № 29. Ст. 3604.

6. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (в послед. ред. от 28 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 148; 2011. № 1. Ст. 16.

7. *Петров А. Я.* Кадровая политика и система социального партнерства в условиях глобального социально-экономического кризиса // Трудовое право. 2009. № 8. С. 43–46.

8. Соглашение между Свердловской областной организацией Горно-металлургического профсоюза России, Союзом предприятий металлургического комплекса Свердловской области, Министерством промышленности и науки Свердловской области от 25 ноября 2008 г. Верхняя Пышма, 2008.

9. Соглашение между Федерацией профсоюзов Свердловской области, Региональным отделением работодателей «Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей» и правительством Свердловской области на 2011–2012 годы [Электронный ресурс] // URL: http://www.sospp.ru/komitet_4/novosti_komiteta/document5425/

10. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в послед. ред. от 30 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

11. *Фильчакова С.* Представители социального партнерства // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2010. № 5. С. 28–31.

Рукопись поступила в редакцию 17 января 2011 г.

УДК 378.4(470) + 378.046

**Н. Н. Колотова
И. М. Темкина****ФЕДЕРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье обосновывается необходимость модернизации высшего образования: во-первых, путем модернизации на макроуровне в масштабах Российской Федерации всей действующей системы высшего образования; во-вторых, путем совершенствования образования на уровне первичного звена в каждом отдельном вузе. В качестве ключевых звеньев модернизации системы в целом рассматриваются федеральные университеты и национально-исследовательские университеты. Детальное изучение новой формы высшего образования на примере Уральского федерального университета осуществляется на основе программы его развития на 2010–2020 гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модернизация, федеральный университет, национально-исследовательский университет, концепция развития новых организационно-правовых форм образования.

Переход к инновационной экономике требует серьезной модернизации всех ступеней процесса образования. С чем связано также самым тесным, если не сказать решающим, образом и воспитание будущих поколений [1]. Важнейшая составляющая этого процесса — модернизация высшего образования. В XXI в. начало модернизации образования в Российской Федерации было положено приоритетным национальным проектом «Образование».

Совершенствование высшего образования с самого начала шло по двум направлениям:

— модернизация всей системы высшего образования на макроуровне в масштабах всей страны, включая в первую очередь институциональные изменения в структуре образовательных учреждений, и интеграция науки, образования и производства. В этом аспекте особое значение имеет формирование сети крупных научных и образовательных центров, объединяющей федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, а также крупнейшие университеты страны;

— модернизация на микроуровне деятельности каждого первичного звена системы — отдельного вуза. Эта задача еще более сложная и по масштабам, и по существу, но именно от ее успешного решения зависит эффективность деятельности высшего образования Российской Федерации в целом.

В качестве первичного звена модернизации системы высшего образования в стране была предложена идея создания федеральных университетов.

В этой идее есть свои плюсы и определенные минусы. В условиях общего дефицита средств, ассигнуемых на образование, а известно, что доля ресурсов, направляемых на эти цели в России по отношению к объему ВВП, в два раза ниже, чем в странах Западной Европы, и в 3,5 раза ниже, чем в США,

целесообразно выбирать крупные, приоритетные точки развития. Однако дополнительные ассигнования на развитие приоритетных точек системы образования ограничивают возможности финансирования всех остальных многочисленных вузов страны.

В 2006 г. приказами Рособразования от 28 ноября [7] и 4 декабря [8] были учреждены Сибирский и Южный федеральные университеты. Идея их создания в целом себя оправдала: она позволила консолидировать ресурсы, накопить опыт внедрения инновационных технологий, интеграции образования и реального сектора экономики.

7 мая 2008 г., в первый день пребывания на посту президента Российской Федерации, Д. А. Медведев подписал Указ «О федеральных университетах» [3]. В Указе отмечалось: «Считать необходимым формирование сети федеральных университетов — высших учебных заведений, обеспечивающих высокий уровень образовательного процесса, исследовательских и технологических разработок» [15].

В качестве цели этого процесса было выделено «...содействие системной модернизации высшего профессионального образования на основе интеграции науки, образования и производства, подготовки квалифицированных кадров для обеспечения долгосрочных потребностей инновационной экономики» [Там же].

Ранее перспективы развития сети федеральных университетов рассматривались на заседании межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» на Совете при Президенте Российской Федерации. Обсуждалась концепция развития трех новых федеральных университетов:

- Тихоокеанского — на базе Дальневосточного госуниверситета;
- Ядерного — на базе Московского инженерно-физического института;
- Технологического — на базе Московского института стали и сплавов.

Первоначально в пилотном порядке в России были реализованы два проекта развития федеральных университетов — в Красноярске и Ростове-на-Дону. Они рассматривались как прообразы формирования будущих федеральных университетов. Закон о федеральных университетах тогда еще только разрабатывался для внесения его в Государственную думу в июле 2008 г.

При первичном обсуждении законопроекта значение первых федеральных университетов ректорами вузов было определено следующим образом.

Тихоокеанский федеральный университет — единственный, о котором упоминается уже в Указе Президента (2007), — был ориентирован на решение геополитических задач, в первую очередь на развитие Дальнего Востока. Основные направления его деятельности — подготовка специалистов для комплексного изучения, освоения и эффективного использования ресурсов Мирового океана, реализация разработок в области био- и нанотехнологий, укрепление позиций русского языка на Дальнем Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также создание Международной школы бизнеса в Дальневосточном округе.

Концепция Московского инженерно-физического института — будущего Федерального ядерного университета — разрабатывалась по инициативе атом-

ной отрасли, испытывающей нехватку кадров. Предполагалось, что университет будет представлять собой сетевую образовательно-научную структуру, — в нее войдут 6 вузов и 18 учреждений начального и среднего профессионального образования, расположенных в разных субъектах Федерации при объектах атомной промышленности. Институту предстоит стать центром образовательной системы для подготовки кадров по приоритетным направлениям для нужд ядерно-энергетического, ядерно-оружейного, научно-технологических комплексов, а также ядерно-радиационной безопасности страны.

Концепция превращения в федеральный университет Московского института стали и сплавов предусматривала развитие здесь приоритетно-образовательных направлений: нанотехнологии, технологии новых материалов и живых систем, информационных и телекоммуникационных технологий. МИСиС — первый вуз, удостоенный Правительством России премии качества. И как победитель конкурса инновационных проектов он совершил настоящий прорыв в области нанотехнологий.

Рассматривались и другие варианты объединения университетов. Так, например, в Томске было признано целесообразным создать два федеральных университета: ядром одного послужит Томский госуниверситет — первый вуз Сибири, а основой второго — Томский политехнический университет. Эти вузы выиграли конкурс инновационных образовательных программ и имеют статус особо ценных объектов образования Российской Федерации.

Была поставлена основная задача: не просто поднять рейтинг наших вузов, а усилить позиции российской высшей школы в мире. Были выделены основные критерии при определении рейтинга вузов:

- 1) высокий уровень импакт-факторов, т. е. цитирования;
- 2) число иностранных студентов, которые обучаются в вузах, их удельный вес;
- 3) количество иностранных преподавателей, которые приезжают читать лекции;
- 4) интерес работодателей к специалистам — выпускникам вуза;
- 5) финансовые вложения, количество средств, которые направляются на обучение студентов;
- 6) информационная открытость [13].

Ключевым звеном при модернизации всех составляющих системы высшего образования в Российской Федерации являются инновации. В них должны сходиться нити от всей сети учреждений науки, образования, новой техники и технологий. Новые идеи должны продвигаться в экономику и социальную сферу, во все области жизни общества. Конечная цель — подготовка кадров нового типа, создание новых научных технических школ, развитие новейших технологий, необходимых для преобразования всех сторон жизни общества в XXI в.

14 января 2009 г. Госдума в третьем (окончательном) чтении приняла Закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов [2]. Было подчеркнуто, что федеральные университеты будут создаваться в форме государственных автономных учреждений, что обеспечит им широкую хозяйственную

самостоятельность, позволит привлекать инвестиции и кредиты, создавать хозяйствующие организации с участием в их капитале. Федеральные университеты будут учреждаться решениями Правительства России. Ректоры в них будут не избираться, а назначаться. В них обязательно будут создаваться попечительские советы.

Законопроект определил также порядок создания и статус национальных исследовательских университетов, который будет присваиваться на основе конкурса сроком на десять лет.

Министерство образования и науки РФ утверждает, что за 5–6 лет федеральные университеты войдут в первую десятку ведущих вузов Российской Федерации, а к 2020 г. — в число 100 лучших университетов мира. На их развитие в ближайшие годы будут направлены крупные бюджетные ассигнования.

Законопроект вызвал резкую критику ряда депутатов («за» — 350 депутатов, «против» — 90, «воздержалось» — 2). Отмечалось, что не ясно, на какой основе и на какие средства федеральные университеты будут создаваться и как при этом будут защищены другие вузы. По словам заместителя председателя Комитета Государственной думы по образованию О. Н. Смолина, на местах к этой идее относятся с осторожностью, так как «...выстраивается пирамида системы образования, под воздействием которой основные финансовые ресурсы будут направляться в федеральные университеты, а провинциальное образование перейдет на голодный паек». Сейчас финансирование образования составляет 40–50 % от потребности. В проекте на 2008–2010 гг. предусматривалось его увеличение всего на 20 %. Значит, деньги просто перераспределяются и отнимаются у бедных вузов [10].

В соответствии с Федеральным законом от 14 января 2009 г. было принято решение о создании пяти федеральных университетов:

- Арктического университета в Архангельске;
- Уральского университета в Екатеринбурге;
- Казанского университета;
- Северо-Восточного университета им. М. К. Аммосова в Якутске;
- Дальневосточного университета во Владивостоке.

Указом Президента РФ «О создании Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта» от 13 октября 2010 г. № 1255 Правительству Российской Федерации предписано создать Балтийский федеральный университет в Северо-Западном федеральном округе [5].

Было подписано распоряжение о новой организационно-правовой форме этих университетов в виде автономных учреждений, что позволит расширить их финансово-хозяйственную и научную самостоятельность. Определено дополнительное финансирование. Так, уже в 2010 г. каждому федеральному университету будет выделено не менее 400 млн рублей, такая же сумма будет выделяться ежегодно в течение последующих 3 лет на их ускоренное развитие.

Выступая 8 апреля 2009 г. в Новосибирском госуниверситете, В. В. Путин озвучил ряд новых решений Правительства РФ в сфере поддержки высшей школы:

1) учреждаются специальные гранты в размере 150 млн рублей каждый для финансирования научных исследований в наших вузах. Это гранты не учреждениям, не вузам, а конкретным исследователям, ученым на создание лабораторной базы, коллектива ученых. Проекты будет отбирать Совет из числа ведущих российских ученых. Общий объем этой программы составит 12 млрд рублей;

2) решено, что 8 млрд рублей пойдут на развитие инновационной инфраструктуры вузов, из них 3 млрд рублей будут выделены уже в 2010 г. Эти средства предназначены для создания новых инжиниринговых структур, центров коллективного доступа к научному оборудованию, бизнес-центров, программ подготовки управленческих кадров;

3) поставлена задача обеспечить разработку технологий, востребованных реальным сектором экономики, стимулировать кооперацию бизнеса и вузов. При субсидировании НИОКР, которые вузы ведут по заказам предприятий, 50 % расходов государство возьмет на себя. Объем субсидий составит 19 млрд рублей.

Общая стоимость предложенного пакета мер составит не менее 38 млрд рублей до 2012 г. [14].

Таким образом, система высшего образования в Российской Федерации становится трехуровневой:

— на вершине ее находятся федеральные университеты (их пока 8). Они имеют официальный статус и включаются в видовую классификацию вузов;

— особая категория вузов (их 10) — это национальные исследовательские университеты. Это не отдельный вид вуза, а лишь определенная статусная категория, которая может присваиваться на определенный срок;

— на нижней ступени располагаются все остальные вузы Российской Федерации. Их более тысячи.

В целом развитие высшего образования в современной России характеризуется табл. 1.

В соответствии с п. 1.1 ст. 9 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» *федеральный университет* — это высшее учебное заведение:

— реализующее инновационные образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования, интегрированные в мировое образовательное пространство;

— обеспечивающее системную модернизацию высшего и послевузовского профессионального образования;

— осуществляющее подготовку, переподготовку и (или) повышение квалификации кадров на основе применения современных образовательных технологий для комплексного социально-экономического развития региона;

— выполняющее фундаментальные и прикладные научные исследования по широкому спектру наук, обеспечивающее интеграцию науки, образования и производства, в том числе путем доведения результатов интеллектуальной деятельности до практического применения.

Наряду с федеральными университетами вводится особая категория вузов — *национальный исследовательский университет*. Это определенная статусная категория, которая присваивается образовательным учреждениям на опре-

Таблица 1

Высшие учебные заведения (на начало учебного года)*

Наименование показателя	1993/ 94	1995/ 96	2000/ 01	2003/ 04	2004/ 05	2005/ 06	2006/ 07	2007/ 08	2008/ 09	2009/ 10
Число вузов, всего	626	762	965	1044	1071	1068	1090	1108	1134	1114
В том числе:										
государственные и муниципальные	548	569	607	652	662	655	660	658	660	662
негосударственные	78	193	358	392	409	413	430	450	474	452
Численность студентов всего, тыс. человек	2613	2791	4741	6456	6884	7064	7310	7461	7513	7419
В том числе:										
государственные и муниципальные вузы	2543	2655	4271	5596	5860	5985	6133	6208	6215	6136
Из них обучалось на отделениях:										
очных	1625	1700	2442	3010	3144	3195	3251	3241	3153	3017
очно-заочных (вечерних)	170	161	259	302	300	300	291	280	269	253
заочных	748	795	1519	2165	2279	2348	2443	2532	2637	2710
экстернат	—	0,1	51	120	137	142	147	155	156	155
негосударственные вузы	70	136	471	860	1024	1079	1177	1253	1298	1283
Из них обучалось на отделениях:										
очных	37	53	183	267	290	313	331	331	304	263
очно-заочных (вечерних)	5	14	44	50	61	71	81	72	74	71
заочных	22	61	243	539	663	684	753	835	904	929
экстернат	6	7	1	4	10	11	12	14	16	21
На 10 000 населения приходилось студентов вузов, чел.	176	188	324	448	480	495	514	525	529	523
В том числе:										
государственных и муниципальных	171	179	292	388	408	419	431	437	438	432
женщин, тыс. чел.	1347	1517	2686	3745	4001	4114	4256	4345	4344	4352
Численность профессорско-преподавательского персонала в вузах, тыс. чел.:										
государственные и муниципальные ¹	239,8	240,2	265,2	304,0	313,6	322,1	334,0	340,4	341,1	343,2
негосударственные ²	3,8	13,0	42,2	50,1	50,7	65,2	75,0	78,8	63,4	65,7

¹ Штатный персонал.² Общая численность преподавателей, включая работавших на условиях штатного совместительства.* Источник: Россия в цифрах-2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/education/#>

деленный срок. Основное требование для присвоения вузу такого статуса — выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований по широкому спектру наук. Категория устанавливается Правительством РФ на 10 лет по результатам конкурсного отбора программ развития университетов, направленных на кадровое обеспечение приоритетных направлений развития науки, технологий, техники, отраслей экономики, социальной сферы; на развитие и внедрение в производство высоких технологий. Присвоение статуса связано с дополнительным финансированием.

Разработка системы показателей, критериев и периодичности оценки эффективности реализации таких программ производится Министерством образования и науки РФ.

4 сентября 2009 г. состоялось первое заседание конкурсной комиссии, призванной определить высшие учебные заведения, которым будет предоставлен статус национальных исследовательских университетов. Победителям конкурса будет выделено на реализацию программ развития до 2018 г. 18 млрд рублей. На конкурс поступило 137 заявок вузов, реальными участниками конкурса на статус национального университета стали 110 вузов, в том числе 30 классических, 56 технических, 10 аграрных, 3 медицинских университета, 5 вузов путей сообщения, 5 социально-экономических. После тщательного детального анализа будут определены 10 победителей [11].

Законодательно определяются основные параметры деятельности федеральных университетов. Эта деятельность строится на основе программ развития, которые предусматривают:

- создание условий осуществления и разработку критериев оценки эффективности образовательного процесса;
- интеграцию образовательной и научно-исследовательской деятельности;
- модернизацию и совершенствование материально-технической базы социально-культурной инфраструктуры;
- интеграцию в мировое образовательное пространство.

Создание федеральных университетов определяется потребностями социально-экономического развития регионов, их размещение привязывается к укрупненным экономическим районам и направлено на кадровое и научное обеспечение территорий.

Каждый из федеральных университетов имеет общую организационно-правовую основу, систему критериев и показателей его деятельности, обусловленную системой действующих правовых актов, и одновременно региональную и отраслевую специфику.

Рассмотрим более подробно становление и развитие Уральского федерального университета.

21 октября 2009 г. вступил в силу Указ Президента РФ «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» [4]. Разработана и начала действовать Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на 2010–2020 гг.

Уральский федеральный университет (далее – УрФУ) был создан путем изменения типа Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный технический университет – УПИ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». К нему планируется присоединить Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (далее – УрГУ, Уральский государственный университет). Также предусматривается интеграция деятельности Уральского федерального университета и Уральского отделения Российской академии наук в разных формах, в том числе за счет создания базовых кафедр и лабораторий, центров коллективного пользования, малых инновационных предприятий и реализации совместных проектов и программ.

В дальнейшем к Уральскому федеральному университету планируется присоединить образовательные и научные учреждения в соответствии с Указом Президента РФ от 21 октября 2009 г. № 1172.

Структура УрФУ представлена на рисунке [12].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 514-р [6] ректором Уральского федерального университета сроком на 5 лет назначен Виктор Анатольевич Кокшаров, бывший председатель правительства Свердловской области.

УрФУ явится крупнейшим образовательным учреждением высшего профессионального образования Уральского федерального округа, в котором будут обучаться более 60 тыс. человек, здесь будут реализовываться 250 образовательных программ по 22 укрупненным группам специальностей на базе 48 территориальных структурных подразделений на территории Уральского федерального округа, Пермского края, в ближнем зарубежье с объемом финансирования более 4 млрд рублей, из которых 65 % составят внебюджетные средства [16].

При разработке программы УрФУ были учтены тенденции мирового развития, социально-экономическое и политическое положение в Российской Федерации и особенности Уральского федерального округа. Остановимся более подробно на региональном аспекте: он во многом определяет лицо УрФУ, его задачи и основной тренд развития.

Прежде всего, следует отметить особое геополитическое положение Большого Урала на границе Европы и Азии. Отсюда вытекают возможность и направления установления международных контактов.

Особое значение имеет отраслевая структура экономики региона. Высокий уровень промышленного развития и одновременно перекося в сторону отраслей оборонного комплекса, недостаточный уровень развития сферы услуг вызывают необходимость технического и технологического обновления большинства предприятий.

К этому следует добавить, что в структуре образования Уральского федерального округа наблюдается ряд серьезных диспропорций. К наиболее серьезным диспропорциям в системе образования Уральского округа в первую очередь следует отнести:

— низкий удельный вес лиц, имеющих высшее образование, — менее 10 % (в целом среди населения округа высшее образование имеют 9,1 %, среднее профессиональное — 21,3 %, начальное профессиональное — 22,3 %, среднее полное — 28,9 %, не имеют образования — 17,5 %);

— диспропорцию между числом образовательных учреждений и числом обучающихся в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования. В Уральском округе более 5 тыс. общеобразовательных учреждений, около 600 учреждений начального и среднего профессионального образования и 75 вузов (в том числе 19 негосударственных). В школах обучаются более 1,5 млн школьников, а число студентов вузов составляет 500 тыс. человек;

— территориальную диспропорцию, которая связана с серьезными различиями в уровне образования населения в субъектах Федерации, входящих в Уральский округ.

Доля незанятого населения в зависимости от уровня образования в субъектах Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, показана в табл. 2 [9].

Из таблицы видно, что наиболее высокий уровень образовательных услуг в Челябинской области, наименьший показатель — в Ямало-Ненецком автономном округе.

Таблица 2

Доля незанятого населения в зависимости от уровня образования в УрФО

Субъект РФ	Всего незанятого населения, чел.	Количество незанятого населения в зависимости от уровня образования									
		Высшее образование		Среднее профессиональное образование		Начальное профессиональное образование		Среднее полное образование		Не имеющие образования	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Курганская область	9226	904	9,8	2173	23,6	1732	18,8	2645	28,7	1772	19,2
Свердловская область	35 830	3204	8,9	7432	20,7	9451	26,4	8987	25,1	6756	18,9
Тюменская область	11 360	1072	9,4	2685	23,6	2510	22,1	2927	25,8	2166	19,1
Челябинская область	24 358	2738	11,2	5897	24,2	5758	23,6	7072	29	2893	11,9
ХМАО	20 886	1426	6,8	3569	17,1	3737	17,9	8340	40	3790	18,2
ЯНАО	6382	527	8,3	1234	19,3	896	14	2225	34,9	1500	23,5

В УрФО отмечаются отраслевые диспропорции в подготовке кадров: ежегодно в округе готовят более 100 тыс. специалистов, из них $\frac{3}{4}$ для материального производства и лишь $\frac{1}{4}$ для непромышленной сферы. Наблюдается перепроизводство специалистов промышленности, строительства, сельского хозяйства. А выпуск специалистов сферы услуг лишь наполовину покрывает потребность (табл. 3) [9]; деятельность учреждений профессионального образования, и в том числе вузовского, не учитывает изменений отраслевой структуры занятого населения, профессиональной и квалификационной структуры спроса на рабочую силу.

Таблица 3

Соответствие структуры подготовки кадров в УрФО структуре занятости в основных отраслях экономики, %

Сфера занятости	Подготовлено	Занято
Промышленность	37	31
Сельское хозяйство	13	4
Транспорт/связь	8	12
Строительство	18	6
Сфера услуг	24	47

Несмотря на высокий научно-образовательный потенциал в целом, тем не менее система высшего профессионального образования региона не соответствует современным потребностям развивающейся экономики и социальной сферы.

К наиболее острым проблемам относятся:

- качество подготовки специалистов, их готовность производить новые технологии и внедрять инновации, востребованность на внутреннем и внешнем рынках;
- эффективность научно-исследовательской и инновационной деятельности, неконкурентоспособность ее результатов;
- уровень предпринимательской подготовки специалистов для сферы производства в условиях инновационной экономики;
- недостаток эффективных связей с академической и отраслевой наукой, мировой системой образования.

Перед УрФУ поставлена цель стать одним из системообразующих лидеров высшего профессионального образования, обеспечивающих расширенное воспроизводство кадрового и интеллектуального капитала в условиях развития инновационной экономики России и Уральского региона.

В Программе развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на 2010–2020 гг. отмечается, что «стратегической целью создания университета является формирование в Уральском федеральном округе научно-образовательного и инновационного центра, ядром которого станет университет. Это обеспечит лидерство университета в области естественных, гуманитарных и технических наук, его вхождение в число ведущих мировых образовательных и интеллектуальных центров» [16].

Определены задачи для достижения поставленной цели и конкретные мероприятия для их реализации, их ресурсное обеспечение. Предпринята попытка дать прогноз ожидаемых результатов.

Наибольший интерес вызывает решение глобальной, необычайно сложной задачи — формирования новой генерации специалистов в области технических, естественных и гуманитарных наук, способных с использованием новых технологий создавать и развивать новые направления постиндустриальной экономики, формировать привлекательную социальную среду и новое качество жизни.

Более реально и прозаически звучат намеченные количественные показатели. Они в основном ориентируются на эффект масштаба. К 2020 г. будет выпущено 100 тыс. бакалавров, более 15 тыс. магистров, защищено не менее 5 тыс. кандидатских диссертаций. Объем научных исследований, выполняемых университетом в 2020 г., превысит 2 млрд рублей, а количество публикаций в ведущих научных журналах составит 1,5 статьи в год на каждого преподавателя. Доля иностранных студентов и аспирантов достигнет 20 %, а количество иностранных преподавателей превысит 800 человек. Предполагается, что 75 % преподавателей будут заниматься активной научно-исследовательской работой, которая обеспечит получение более 100 патентов ежегодно.

На базе университета будет создана современная инновационная система, включающая не менее 150 малых и средних предприятий с годовым оборотом не менее 2 млрд рублей, а также мощная инфраструктура поддержки инновационной

Таблица 4

**Перечень мероприятий программы развития
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на 2010–2020 гг.**

№ п/п	Мероприятие	Срок реализации, год
I этап (2010–2012)		
1	Создание системы управления, организационной структуры, локальной нормативной документации университета, присоединение учреждений образования и науки в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2009 г. № 1172, открытие расчетного счета, переоформление лицензий и иных разрешительных документов	2010
2	Разработка и реализация программ социальной адаптации и профессиональной переподготовки сотрудников	2010–2012
3	Разработка структуры образовательных программ многоуровневого образования и необходимой инфраструктуры для их реализации	2010–2012
4	Формирование направлений научно-инновационной деятельности и системы научно-образовательных центров совместно с Уральским отделением Российской академии наук	2010–2012
5	Начало формирования фонда целевого капитала	2011
6	Формирование системы поиска и поддержки одаренных детей и талантливой молодежи, совершенствование системы довузовской подготовки	2010–2012
7	Корректировка программы	2012
II этап (2013–2016)		
8	Создание новых научно-образовательных центров по приоритетным направлениям науки и техники	2013–2016
9	Продолжение модернизации	2013–2016
10	Завершение формирования базового комплекса образовательных программ основного, дополнительного и послевузовского образования	2013–2016
11	Аккредитация университета	2013
III этап (2017–2020)		
12	Реализация инвестиционных проектов программы	2017–2020
13	Достижение значений целевых показателей эффективности деятельности университета	2020
14	Аккредитация университета	2018

деятельности регионального уровня на базе бизнес-инкубатора и технопарка высоких технологий «Университетский». В реализацию инновационных проектов на постоянной основе будет привлечено не менее ¼ профессорско-преподавательского состава и студентов. Для финансирования инновационных проектов будет создан венчурный фонд не менее 500 млн рублей. Количество выпускников университета превысит 2,5 тыс. человек. Программу предполагается осуществить в 2010–2020 гг. в три этапа (табл. 4) [16].

С весны 2010 г. идет непрерывная организаторская работа по созданию УрФУ. С 1 февраля 2011 г. Уральский федеральный университет приобретает новое лицо. Вместо 15 факультетов Уральского государственного университета и 19 подразделений Уральского государственного технического университета-УПИ организуется 10 институтов, к которым 1 сентября 2011 г. присоединятся еще 2 на базе существующих естественно-научных факультетов УрГУ и химико-технологического факультета УрФУ. Организационная работа, защита проектов новых институтов продолжится до конца 2011 г.

Нам представляется, что в детально разработанной программе Уральского федерального университета по его модернизации наиболее слабым местом являются проблема финансирования всех намеченных гигантских мероприятий, вопросы повышения квалификации и материального обеспечения профессорско-преподавательского состава, студентов, аспирантов и других категорий обучающихся и работников.

---

1. Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. // Рос. газета. 2010. 1 дек.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов: Федеральный закон от 10 февраля 2009 г. № 18-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 786.

3. О федеральных университетах: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2008 г. № 716 // Там же. 2008. № 19. Ст. 2118.

4. О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах: Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2009 г. № 1172 // Там же. 2009. № 43. Ст. 5048.

5. О создании Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта: Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2010 г. № 1255 // Там же. 2010. № 42. Ст. 5351.

6. О ректоре федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09 апреля 2010 г. № 514-р // Там же. № 16. Ст. 1941.

7. О федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет»: Приказ Рособразования от 28 ноября 2006 г. № 1417 (в послед. ред. от 13 декабря 2006 г.) // Бюл. Минобрнауки РФ. 2007. № 1.

8. О федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»: Приказ Рособразования от 04 декабря 2006 г. № 1447 (в послед. ред. от 15 декабря 2006 г.) // Там же. № 1.

9. *Басаргин В., Хридина Н.* Рынок образовательных услуг Уральского федерального округа // Высшее образование. 2004. № 11.

10. Госдума приняла закон о федеральных университетах в третьем чтении // Там же. 2009. № 2.

11. Идея создания национальных университетов проводится в жизнь // Там же. № 9.

12. *Кокшаров В. А.* Первоочередные задачи создания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2010.

13. *Путин В. В.* Мы должны сформировать целую систему стимулов для закрепления молодежи в сфере науки, образования, высоких технологий // Высшее образование. 2008. № 7.

14. *Путин В. В.* Государство намерено поддержать в первую очередь тех, кто готов действовать инициативно, доказывать свою самостоятельность и конкурентоспособность // Там же. 2010. № 5.

15. Первые три указа Президента Д. А. Медведева // Там же. 2008. № 7.

16. Программа развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на 2010–2020 годы. Екатеринбург, 2010.

Рукопись поступила в редакцию 17 января 2011 г.

ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 75.01 + 7.072 + 7.038.6

Е. П. Неменко

«НЕСВОБОДНОЕ» ТВОРЧЕСТВО: ХУДОЖНИК В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье предпринята попытка проанализировать проблему социальной ответственности художника в условиях тоталитарного и либерального проектов модернизации. Два центральных опыта модернизации XX в. — советский и европейский — глубоко связаны друг с другом. Если конститутивным элементом европейского модерна является автономный субъект, то советский проект объявляет своей целью разрушение субъекта. На примере деятелей искусства и культуры раскрывается, как в советском обществе конструировался субъект и в чем его отличие от «классического» западного автономного субъекта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: автономный субъект, авторские стратегии, агент, модернизация, практики субъективации, свобода творчества, социальная ответственность, экзистенциальная преданность.

Представление о художественном творчестве как о проявлении свободы духа, результате индивидуальных творческих усилий художника, отражении его внутреннего мира и мировоззрения, иными словами, как о предельной концентрации *субъективности автора* претерпело существенные изменения в XX в. В различных художественных направлениях разрабатывались подходы к творчеству как к коллективному, принципиально надсубъектному процессу. В условиях развивающейся модернизации художник оказался вписанным в исторический процесс и вынужден с ним считаться. Однако разные проекты модернизации задавали неодинаковые координаты осмысления художником своего места внутри проекта. Можно сказать, что в обоих центральных опытах модернизации XX в. — тоталитарном и либеральном — художнику не удалось избежать проблемы «вовлеченности в современность». Обнаружение различия форм и способов вовлеченности художника в социальный процесс, безусловно, может

дать интересный материал для размышления о природе самих этих опытов и связи между ними.

Остановимся на тех формах и способах включенности художника в социальный процесс, которые характерны для тоталитарного общества. Рассмотрим, в какие коллизии попадает субъективность автора в этом контексте. Автономная личность в классическом дискурсе о субъекте наделена свободой выбора и неизбежно связанной с ней ответственностью. Проблема социальной ответственности художника в тоталитарном обществе есть проблема его морального выбора в ситуации, когда этот выбор не предполагается системой, поскольку он за него, по сути, уже сделан. Тем не менее художник должен пережить сделанный за него выбор так, как если бы сделал его сам. Эта коллизия долг/совесть/вина/ответственность в условиях тоталитарного государства не сводится к простому конформизму, а имеет, на наш взгляд, более любопытную природу.

«Революционная мораль» предъявляет новые требования к художнику, который, если он хочет быть институциализирован в культуре, должен принять правила игры. Эти требования сводятся к служению делу революции и партии всеми необходимыми средствами, при этом совесть, как регулятор нравственного поведения, должна подвергнуться последовательной деформации, чтобы расчистить дорогу немедленному действию во имя высшей цели. Действие, не опосредованное работой самосознания и не отягощенное муками совести, — вот что нужно от советского художника.

Традиционные моральные ценности подвергаются инверсии. Нравственным считается *любой* поступок, который помог делу социализма. Партия, руководящая «строительством социализма», присваивает себе право принимать решение, осуществлять выбор. Это превращает художника в исполнителя, дело которого, однако, заключается не в принятии решений и ответственности за них, но в *подвиге исполнения*, непосредственного участия в строительстве социализма. Художник превращается в госслужащего советского государства с тарифной платой, правом на продвижение по службе, пенсией, государственной сертификацией своего таланта и компетентности.

Но как можно представить себе художника, «критически мыслящую личность», чья работа носит принципиально индивидуальный характер, который отказывается от ценности свободного творчества и самовыражения? Вероятно, речь идет о такой ситуации, при которой перед художником *проблема свободы творчества просто бы не стояла*. Если предположить, что нет не только самой свободы, но и проблемы свободы, то становится понятным, почему связанное с ней понятие социальной ответственности, которое широко обсуждалось в левом интеллектуальном дискурсе на Западе, вовсе не было проблематичным для советского художника.

Свобода творчества как важнейшая ценность предшествующей эпохи была поставлена под вопрос. «Центральным пунктом основных теорий творчества революционной эпохи является стремление лишить творчество индивидуальной свободы или помыслить творчество вне или без свободы. Иными словами, на первый план выдвигается не проблема “политического контроля”, но проблема изнутри идущего отказа от индивидуального творчества» [3, 175].

Если фундаментальным качеством культуры, которое вырабатывала западная модернизация, была «кристаллизация субъективности» [2, 122], то советская модернизация была ориентирована, напротив, на «разрушение субъективности» и в этом смысле представляла собой *антимодернизацию*. Лишив художника опоры в собственной субъективности, власть присваивает ее себе, превращаясь в сверхсубъекта, принимающего решения. Казалось бы, мы имеем дело с типичной версией инструментальной модернизации традиционных обществ, не знавших развитых форм внутреннего мира и ответственности, основанной на свободе воли. В таких обществах всегда существует внешний сверхсубъект в лице религии, идеологии, общины, государства, который берет на себя тяготы принятия решений и ответственности за них, т. е. некоторая внешняя точка опоры, «разгружающая» субъективность. Для обществ такого типа характерна этатистская модернизация, инициированная государством и направленная на решение ограниченного числа задач, необходимых для выживания страны в современных условиях (например, приведение армии и промышленности в соответствие с международным уровнем) [4, 23]. Этатистская модернизация не задевает основ традиционного общества, потому что, как правило, не ставит себе целью сформировать автономный субъект развития, который придает ту самую имманентную силу движению модернизационных процессов на Западе.

Советская модернизация, как уже было сказано, по формальным признакам соответствует типу инструментальной «недомодернизации», при которой государство провело индустриализацию и урбанизацию, повысило уровень образования населения, но скрепило новые явления в культуре немодерными системами отношений, духом и формами организации, присущими скорее традиционным коллективам. В этом смысле советская версия модернизации мало отличалась бы от модернизации, скажем, в Японии или Китае. Но любопытным представляется то, что в ходе советской модернизации не просто элементы культуры модерн примирались с традиционной матрицей социальных отношений с целью «подогнать» их под современность, но был выдвинут *альтернативный проект современности*. Он вовсе не уклонялся от *практик субъективации*, необходимых составляющих культуры модерн, а на самой поверхности своего дискурса объявлял о необходимости их разрушить. Поэтому субъективность — это не то, чего нет у советского художника, но то, что *должно быть преодолено*, разрушено, через что необходимо переступить. Как показал в своей работе О. Хархордин, внутри советского проекта модернизации осуществлялись особые практики субъективации, которые и позволили сформировать антропологический тип «нового человека».

В результате автономный индивид, антропологическая основа западной модернизации, принимающий за точку опоры в меняющемся, нестабильном мире собственную субъективность, стал главной мишенью для атаки в тоталитарной культуре. По И. Канту, у европейского интеллектуала, носителя культуры «модерности», полагающегося только на себя самого, нет Другого, на которого можно было бы переложить груз ответственности в ситуации свободного выбора. Эта ситуация способствует вырабатыванию «этики ответственности» — сознанию личной ответственности за последствия своих идей, действий,

слов, так как никакой другой ориентации в мире у интеллектуала нет [2, 121]. «Другой» в культуре модерн является границей автономии субъекта; и условием их успешного сосуществования выступает целая система барьеров, закрепляющих эту автономию. Именно по вопросу о границах свободы творчества, права художественной личности на критическую оценку настоящего, форм, в которых репрезентируется социальная ответственность, западная и советская интеллектуальная среда существенно расходятся.

Рассмотрим, что в либеральном типе модернизации воспроизводит автономного субъекта. На наш взгляд, важно понимать, что модернизация прежде всего накопительный процесс. Вся история европейской модернизации — это история накопления в широком смысле и разработки различных механизмов накопления, закрепления, воспроизводства различных видов капитала и его циркуляции [4, 38]. Автономный субъект, наделенный способностью к *рефлексии*, осмысляет мир и себя в процессе рационализации. Рефлексия направлена на то, что уже есть в сознании, и в этом смысле — на прошлый опыт. Поэтому движение вперед обеспечивается благодаря предыдущему накоплению опыта. Это своего рода почва, или ступенька, на которую надо встать, чтобы пойти дальше. Таким образом, происходит поступательное развитие системы, ее воспроизводство и закрепление в истории.

Итак, рационализируя настоящее, подвергая *критическому анализу* любые основания, не имея никакой внешней точки опоры, европейский интеллектуал в конце концов подходит к *проблематизации собственной субъективности*. По сути, под вопросом оказывается «основа основ» европейской культуры модерн — автономный субъект. Казалось бы, в этой точке модерн достигает пика своего развития и с этого момента должен перейти в свою противоположность или переродиться в новое состояние культуры, основой которого будет являться не «одиноким мыслящим тростник», а что-то другое.

Однако этого не происходит. Логика современной культуры такова, что самые, казалось бы, революционные идеи, подрывающие основы модерна, попадают в ловушку (замкнутый круг): система настолько витальна, что она не отторгает, а интегрирует в себя любые, даже антисистемные, «подрывные» элементы и «снимает» их революционный потенциал в дискурсах толерантности и плюрализма. Такой результат стал возможен лишь благодаря созданию системы барьеров против экспансии одной сферы социальной жизни в другие. В политике это разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; в искусстве и литературе — понимание самодостаточности и автономности области эстетического; в праве — неотчуждаемость прав личности и ее собственности и т. д. [2, 123].

С этой проблемой — проблемой «всеядности» современного дискурса — и столкнулся европейский интеллектуал в XX в. На наш взгляд, именно в этом ракурсе следует рассматривать феномен *левого ангажированного интеллектуала*, который рождается в Европе на волне Октябрьской революции 1917 г. Этот совершенно особый исторический тип, к которому принадлежали выдающиеся представители интеллектуальной европейской элиты XX в., переживая периоды подъема и спада, просуществовал на протяжении 70 лет советской истории

как некий сопутствующий ей элемент. Поразительно в этой ситуации то, что самая рафинированная прослойка европейского общества, профессионально занимающаяся рационализацией прошлого и настоящего, проделывает колоссальную работу по *мифологизации* советского строя. В европейской интеллектуальной традиции появляется особый род текстов, «мифов о Советском Союзе», — «возвращения из СССР». В них крупнейшие интеллектуалы своего времени, такие, как Андре Жид, Вальтер Биньямин, Бертольд Брехт, Жан Поль Сартр и многие другие, в чьей интеллектуальной чистоплотности не приходится сомневаться, повествуют о своих путешествиях в сказочную страну реального социализма.

Этот корпус текстов действительно выпадает из общей обоймы европейских интеллектуальных поисков XX в. и представляет собой своеобразное «слепое пятно», место, в котором светлое европейское *ratio* ничего не видит и оказывается не способным выполнить свою функцию по проблематизации и рационализации некоторых форм настоящего. Так, например, не проблематизируется тема террора, хотя есть совершенно точные свидетельства о том, что интеллектуалы знали о процессах и репрессиях в Советском Союзе; при этом ряды европейских отделений компартии продолжали устойчиво пополняться вплоть до XX съезда КПСС в 1956 г. [6, 233]. Не случайно Франсуа Фюре назвал свою главную работу, посвященную истории мифологизации советского строя в левом интеллектуальном дискурсе, «Прошлое одной иллюзии». Социализм, как главная «иллюзия» XX в., захватил умы лучших интеллектуалов своего времени, но не с тем, чтобы быть рационализированным, а с тем, чтобы оформиться в качестве мифа.

Эта странная ситуация «неопознавания» советского опыта европейскими интеллектуалами порождает целое проблемное поле, в котором фигура автора как автономного субъекта и модификации субъективности автора могут дать ключ к пониманию специфики советского проекта и его связи с западной модернизацией.

Чтобы хотя бы начать отвечать на поставленные вопросы, необходимо выбрать координаты анализа. Очевидно, что методы традиционного исторического или культурологического исследования, принятые в современной российской гуманитарной науке, не отвечают нашим задачам. Интересующий нас период отечественной и мировой истории вместо серьезной аналитической проработки зачастую подвергается не критическим эмоциональным суждениям и моральным оценкам, которые выносятся, исходя из знания исследователем итогов исторического процесса. Это тем более легко в отношении сферы художественной культуры, поскольку она представляется персонифицированной, а художник — наиболее сознательным, а потому и ответственным, участником исторического процесса.

На наш взгляд, нужно предпринять попытку «развернуть» исследование «по горизонтали», т. е. вместо поиска «скрытых сущностей» и «истоков» тоталитаризма, ответственных (и даже виновных) субъектов истории, разместить анализ на поверхности тоталитарного дискурса и практик. Исходной установкой анализа должна стать *проблематизация*, предполагающая, буквально,

усмотрение проблемы там, где ее нет. Этот тезис не должен вызывать удивления, поскольку любая культура изнутри выглядит непроблематичной, «нормальной». Важно анализировать *условия возможности* выступающих в качестве реальности феноменов, а не «саму реальность» (в этом и заключается основное методологическое отличие). Нас будут интересовать не загадки, якобы явленные в этой культуре, но исследование *условий* самой непроблематичности, «здорового смысла» явлений, возникающих внутри системы. Чтобы добиться этого, мы должны «отстранить, сделать странными и проблематичными для себя наиболее общие и расхожие для данной культуры способы обращаться со словами» [7, 52].

Интересующие нас не явные, но в то же время и не скрытые механизмы функционирования «здорового смысла» в культуре условно можно обозначить понятием «фон», или «фоновые практики». Идея фона пришла из гештальт-психологии, в которой фон и фигура составляют целостную структуру, лежащую в основе любого осмысленного зрительного восприятия. Все, что воспринимается осмысленно, воспринимается как фигура на фоне. Фон не является чем-то скрытым, но в то же время он, по условию, не замечается, поскольку функционирует как *условие*, придающее смысловую определенность фигуре.

В социальных науках существует большое количество попыток определить фоновые практики [8]. Рабочим для нас будет определение, данное Мишелем Фуко: «Практика — это совокупность правил, которые определили условия осуществления функции высказывания» [5, 214]. Следует добавить, что этот набор правил, определяющий способы поведения и говорения внутри культуры, наделяет возможностью увидеть определенное действие или высказывание как осмысленное и легитимное.

Вслед за О. Хархординим и В. Волковым мы выделим два типа фоновых практик — *дискурсивные* и *недискурсивные*. Первые являются правилами производства дискурса в данной культуре в данный период времени и выступают условиями возможности осмысленных высказываний в этой культуре. Этот уровень анализа можно назвать «археологическим». Археология, как она описана в «Археологии знания» М. Фуко, это метод выявления фоновых практик, которые обуславливают производство серьезных (легитимных) высказываний (речевых актов). Вместо того чтобы анализировать то, что тексты сообщают нам как «*документы*», будем анализировать их как «*монументы*», как памятники, воплотившие в себе определенные практики производства знания. Согласно Фуко набор дискурсивных правил, конституирующих фон определенного дискурса, задает четыре основные характеристики этого дискурса: 1) какой тип феноменов может стать объектом данного дискурса; 2) кто может занять позицию говорящего субъекта; 3) какие виды понятий могут быть приемлемы в данном дискурсе; 4) какие теории можно помыслить и сформулировать в данном дискурсе [Там же, 323]. В этом ракурсе могут быть проанализированы дискурсы социальной ответственности, левой идеи, революции в советской и европейской культурах в XX в.

Практики второго типа — *недискурсивные* — определяют способы поведения внутри различных общностей и наделяют их неререфлексируемыми симво-

лическими структурами, позволяющими увидеть определенное действие как осмысленное. В этом месте исследование переходит на уровень социологического анализа и предполагает применение методов социологии.

Согласно М. Хайдеггеру в повседневности «ведет себя» не кантовский автономный субъект, а «другие», «люди вообще». Обнаруженное им *коллективно-безличное* начало и есть действующее прежде всего в повседневной жизни [8, 55]. На наш взгляд, понимание поведения художника как члена сообщества можно объяснить не столько исходя из его личных мотивов и сознательных побуждений, сколько из логики и правил тех общностей, в которые он вписан. Эти правила, не всегда проговариваемые, и задают общую схему поведения индивида, наделяя его действия осмысленностью, придавая им естественный характер.

Недискурсивные фоновые практики можно изучать по-разному. Нас будут интересовать прежде всего два подхода. Во-первых, к художнику и сфере художественной культуры в целом, как убедительно показал Михаил Берг в работе «Литературократия», эффективно приложима теория полей Пьера Бурдьё. Социальное пространство у Бурдьё представлено как ансамбль полей, внутри каждого из которых действуют собственные правила. Основными свойствами поля, по Бурдьё, являются: 1) автономизация; 2) собственные правила (которые не действуют в других полях); 3) собственные «ставки» борьбы; 4) борьба за установление внутреннего деления поля на классы позиций (доминирующие и доминируемые); 5) социальные представления о легитимности именно этого деления [9, 18]. Внутри поля, по Бурдьё, действует не субъект или индивид, а *агент*, обладающий активностью и способностью действовать, быть носителем практик определенного сорта и осуществлять стратегии, направленные на изменение или сохранение своей позиции в поле. Действия агента подчинены логике поля и направляются ею, но при этом он способен вырабатывать собственные стратегии борьбы, которые хоть и зависят от правил игры в поле, но, в свою очередь, сами задают его структуру.

Социальное пространство — это совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в поле агентам и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же их непосредственным взаимодействиям. В борьбе за распределение различных видов капитала и за «производство здравого смысла» [1, 67] агенты осуществляют стратегии — своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. Вместо того чтобы объяснить практики агентов посредством какой-то теоретической концепции, Бурдьё предлагает описывать саму логику практики через такие ее феномены, как практическое чувство, *габитус*, стратегии поведения. *Габитус* — это система диспозиций агента, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. Можно определить *габитус* как коллективное неproblemатическое порождение стратегии успешного действия [8, 138].

Использование подхода Бурдьё применительно к художнику и сфере художественного производства представляется плодотворным, поскольку позволит

увидеть художника не как свободную и независимую творческую личность, но и не как безропотного конформиста, винтик в тоталитарной системе, а скорее как *агента*, осуществляющего культурные практики внутри данного поля и вырабатывающего *авторские стратегии* в соответствии с логикой поля. А это, в свою очередь, поможет выявить фон многих модернизационных процессов в советском обществе.

Второй аспект изучения недискурсивных практик можно было бы назвать этическим. Говоря о фоновых практиках и социальной обусловленности поведения агентов в общностях различного типа, мы сталкиваемся с проблемой *следования правилу*. Следование правилу изначально предполагает сообщество, устанавливающее внешний («публичный») критерий правильности или неправильности применения того или иного правила. Этот тезис еще раз напоминает о коллективно-бессознательной природе практик. Важно то, что художник, как и любой другой агент, включенный в сообщество, сознательно и бессознательно принимает правила этого сообщества, которые и регулируют его поведение. Разные типы художественных личностей, даже те, кто декларирует полную свободу творчества, автономию от любых социальных зависимостей, крайний индивидуализм, на самом деле вынуждены решать проблему следования правилу. Однако необходимо понимать, что следование правилу не всегда осознается изнутри как проблема и часто воспринимается агентами как «нормальное» положение вещей.

Любые институты, составляющие социальное пространство, в том числе подпространство искусства, предполагают *экзистенциальную преданность* (commitment) правилам. Экзистенциальная преданность (или самоотдача) — это преданность образу действий или форме жизни, а не каким-то отдельным правилам. «Социальный институт предполагает экзистенциальную самоотдачу как безусловное принятие реальности всего того, что составляет тот или иной институт, и подчинение правилам, по которым эта реальность конституируется» [8, 101]. Без экзистенциальной самоотдачи невозможен ни один социальный институт. Изменяющийся внутренний этический компонент практики художника, институционализированного в тоталитарную культуру и включенного в общности разных типов, было бы интересно проанализировать. Именно там, где техническое следование правилам игры переходит в экзистенциальную преданность, игра превращается в реальность, а ее ставки становятся общезначимыми для всех агентов в данном поле. Рассмотрение проблемы социальной ответственности художника в этическом ракурсе, но в общих рамках описанного нами социологического подхода позволит приблизиться к пониманию того, как художник нового типа появился в искусстве XX в. и какова его роль в проектах тоталитарной и либеральной модернизации.

-
1. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
  2. Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. СПб., 2009.
  3. Круглова Т. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005.

4. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М. ; СПб., 2004. Кн. 1.
5. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
6. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
7. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб. ; М., 2002.
8. Хархордин О., Волков В. Теория практик. СПб., 2008.
9. Шматко Н. Введение в социальный анализ Пьера Бурдьё. М., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 24 января 2011 г.

УДК 159.99 + 159.954 + 159.956 + 159.964 +
+ 7.01 + 7(450) + 7.036

О. Б. Сергеева

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА И ТВОРЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ В ЭСТЕТИКЕ АНТОНИО МЕНЕГЕТТИ

Статья посвящена проблеме образа и воображения в эстетике Антонио Менегетти, современного итальянского психолога, ученого, художника и общественного деятеля. Дается сравнительный анализ трактовки образа в эстетике и психологии с применением понятия бессознательного. Анализируется трактовка образа и воображения у А. Менегетти в отличие от трактовок Фрейда, Юнга, Башляра. Образ рассматривается как онейрический феномен, а воображение — как сон наяву. Изучаются закономерности формирования образа во взаимосвязи с экзистенциальной зрелостью художника. Вводятся понятия позитивного и негативного образа, патологического и здорового удовольствия, «открытой» и «вынужденной» фантазии.

Ключевые слова: художественный образ, воображение, фантазия, бессознательное, эстетическое наслаждение, удовольствие, априорный образ, матричный образ, интуиция, фрустрация, компенсация, аутентичность, терапевтическое искусство, арт-терапия, психология искусства.

«Несмотря на огромную популярность искусства, оказалось, что психологические закономерности его исследованы совершенно недостаточно», — писал Б. Г. Ананьев в своей статье «Задачи психологии искусства» [1, 236]. Книгу «Психология искусства» Л. С. Выготского Ананьев называет «единственной отечественной работой в этой области». И хотя это высказывание прозвучало в 70-е гг. XX в., нельзя сказать, что ситуация в отечественной психологии искусства сильно изменилась. Одна из причин такого положения — трудность изучения бессознательных процессов, которые играют большую роль как в художественном творчестве, так и в процессе эстетического восприятия.

При всех расхождениях большинство ученых признают ведущую роль образа и его источников — фантазии и воображения — в природе художественного творчества. Категория «образ» играет важную роль и в эстетике Антонио Менегетти, современного итальянского ученого, психолога, художника, автора оригинальной эстетической теории. Это роднит его подход с отечественной и

зарубежной эстетикой, рассматривающей художественный образ как основную семантическую единицу произведения искусства. Менегетти вносит новые акценты в анализ художественного воображения, опираясь на свой опыт психолога и художника.

Если в психологии образ рассматривается преимущественно гносеологически, как форма отражения мира, то в эстетике он выступает в качестве художественной конструкции, образованной на материале воображения и отражения с помощью технических средств того или иного вида искусства. М. С. Каган рассматривает художественный образ как средство освоения мира и выделяет несколько его функций — познавательную, ценностно-ориентационную, обобщающую и преобразовательную [6]. Образ во всей его полноте — это сложный процесс художественного освоения мира, сплав объективной или субъективной реальности, давший толчок процессу художественного воображения. В художественном образе объект и субъект представлены в ценностной взаимосвязи. Можно выделить художественные направления и стили, где доминирует объектно-репрезентативная функция образа: реализм, классическое искусство, гиперреализм, поп-арт. Но есть и такие, где доминирует выразительно-онейрическая функция — абстракционизм, сюрреализм, кубизм. Для решения художественной задачи в той или иной пропорции необходимо и отражение реальности, и самовыражение автора. Целостный акт отражения «...всегда в той или иной мере включает единство... знания и отношения, интеллектуального и аффективного, из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» [16, 264].

Для Менегетти, психолога и художника, образ не столько отражение внешнего мира, сколько выражение внутреннего мира творца, чаще всего бессознательное. Юнг называл образ языком, на котором разговаривает бессознательное [19, 115]. Менегетти также рассматривает образ прежде всего в его онейрически-субъективной, а не репрезентативно-объективной ипостаси. Фрейд считал, что искусство — сон наяву [3, 94]. Менегетти придерживается близкой в этой части к Фрейду позиции, рассматривая искусство как производство образов, источниками которого выступают сновидение и воображение. Творчество, по Менегетти, в большой степени построено на интуитивных процессах, но при этом в нем присутствует и целерациональная деятельность, это сфера технического мастерства, постановки художественных задач. Подход А. Менегетти сконцентрирован в первую очередь на глубинных психологических процессах, происходящих в области фантазии, воображения и интуиции. Этот подход исследует, из какого «психического материала» и по каким законам формируется художественный образ. Первостепенное значение при этом приобретает личность самого художника.

Согласно Менегетти образ — это «как» действия или модус, посредством которого ум действует внутри психики. Образ есть геометрическая проекция претворяющегося действия, формальная структура энергетического кванта [14, 131]. Суммируя, Менегетти называет образ «алфавитом энергии» или «формулой действующей энергии» [15, 56]. Отличие и новизна трактовки образа у Менегетти состоит в неразрывной связи образа с энергией. Энергия индивида

находит свое выражение и существует только посредством образа. Спонтанно возникающий или сознательно конструируемый образ транспортирует, формализует, предоставляет канал для энергии индивида [15, 59]. При этом под образом понимается не только визуальная проекция, но также и мысли, музыкальные или аудиальные образы. Любой внутренний импульс индивида в поисках выражения воплощается в образах как осознаваемых, так и неосознаваемых. Поэтому, анализируя возникающие образы, выводя их к осознанию, проецируя их в рисунок или звук, находя им соответствие вовне (например, отдавая предпочтение одним образам перед другими), можно выявить направленность энергетической динамики субъекта, понять его состояние, потребности, интенциональность.

Вопреки распространенному мнению онейрический процесс как производство образов происходит непрерывно, что обусловлено необходимостью постоянно восстанавливать динамическое равновесие между индивидом и средой. Фантазия и воображение в этом смысле выступают как дневное сновидение. Любая психическая реальность с неизбежностью обнаруживает себя в образах. Это касается не только фигуративных, но и абстрактных изображений, которые также связаны с ассоциативной деятельностью, т. е. конфигурируются в образы. Каждый образ несет в себе определенную энергию, динамику, семантику. Согласно Менегетти по произведению художника можно прочесть динамику его бессознательного, а произведение выступает как «психосоматика автора» [12, 82]. В данном случае термином «психосоматика» подчеркивается выражение вовне, как патологическое, так и здоровое. С этим обстоятельством связаны два аспекта. Во-первых, образ является свидетельством об авторе, его материальной проекцией. Во-вторых, образ оказывает воздействие на воспринимающего, заражая («семантизируя») его, т. е. сообщая ему свою динамику, вызывая определенную эмоцию, внося изменения в психический баланс. В этой связи возникает проблема гигиены восприятия, поскольку образы могут сообщать как позитивную, так и негативную динамику или информацию [11, 367].

С точки зрения позитивности и негативности все образы, по Менегетти, имеют два основных психических источника: а) матричный и б) априорный. Матричный образ или, другими словами, «первичная сцена», констеллирует вокруг себя наиболее сильные эмоции индивида в раннем детстве, на основе чего формируется его комплексная структура, которая затем служит фильтром, искажающим восприятие под воздействием «тематического отбора» [14, 218]. Матричный образ становится доминантным, и в дальнейшем ему подчиняется психика индивида. Он выступает, с одной стороны, как первоначальный штамп, согласно которому «вылепливается» восприятие, с другой — как постоянный искажающий код, принуждающий к повторению себя в любом психическом материале. Матричный образ вносит в психическую динамику три основные эмоции — страх, сомнение и чувство вины. Напротив, «априорный образ» продуцируется другой психической инстанцией, которую Менегетти называет «in-se», или душой, уходя, однако, от религиозного толкования этого понятия. In-se (в-себе) — это базовый проект природы, образующий человеческое существо [Там же, 137]. Априорный образ можно метафорически

назвать «посланием души», проникающим в сознание. Априорный образ является непосредственным, глубинно-интуитивным, не подвергшимся искажению и рационализации. Он выражает ситуативное волеизъявление души (*in-se*) [14, 284]. Априорный образ активизирует жизнедеятельность индивида, приносит ощущение расширения, уверенности, уравновешенности [15, 62]. В этой связи интуицию можно определить как способность сознания перехватывать априорный, т. е. чистый, неискаженный, образ. Однако «по внешним проявлениям достаточно сложно определить, с чем мы имеем дело — со следом комплекса, с патологией или с импульсом *in-se*» [11, 321]. В искусстве мы можем иметь дело как с матричным образом, имеющим комплексное происхождение, так и с априорным образом, имеющим природу откровения. Поэтому психологический анализ искусства является сложной профессиональной задачей.

Интерпретация всех типов образов — образов сновидений, фантазии, искусства — предполагает, по Менегетти, анализ следующих структурных элементов: 1) функциональность символа по отношению к человеку. На основании клинической практики Менегетти установил, что существуют функциональные и нефункциональные образы, которые, проявляясь в сновидениях и воображении, несут в себе определенные значения; 2) причинную действенность символа. Речь идет о том, позитивно или негативно рассматриваемый образ влияет на субъекта, к которому относится; 3) семантическое поле. Имеется в виду общий эмоциональный фон, в рамках которого разворачивается действие; 4) действие в изменении. Речь идет о динамике, сюжетике, ведущей к позитивному либо негативному для индивида исходу [10, 44]. Проанализировав эти элементы в произведении искусства, мы можем, согласно Менегетти, получить исчерпывающее представление о его психической динамике, оценить, позитивно или негативно оно будет воздействовать на воспринимающего, выявить, в каком состоянии (экзистенциального роста либо регресса) находился автор. Если к этому добавить биографический анализ личности художника, можно также понять источники тех результатов, которые представлены в артефакте. Многочисленные примеры подобного анализа нашли отражение в книгах Менегетти, посвященных исследованию кинематографа [9].

Способность посредством интуиции «считывать» априорный образ является, по Менегетти, залогом не только художественной самореализации, но и выхода художника на высший уровень творчества. Априорные образы синергичны универсальному духу человека, будучи продуктом глобального онтического, а не социально-исторического кода. Априорный образ, если он был схвачен в акте интуиции, на следующем этапе должен найти материальное воплощение в произведении. Для этого должно подключиться сознательное рациональное «Я» художника. На этом этапе — при переходе от интуиции к реализации вовне — необходимо техническое мастерство, иначе открывшееся видение не сможет получить адекватного выражения.

Проблема априорного сознания разрабатывается в философии начиная с Платона. Эйдос предмета у Платона постигается сверхчувственным способом, ибо материальная сторона вещей не содержит в себе эйдоса. Следовательно, субъект

должен обладать способностью «проникать», выходить за границы материальной оболочки, чтобы соприкоснуться с красотой. Как показал А. Ф. Лосев, у Платона эйдос и выводимый из него «идеал» носят не эмпирический, а априорный характер. Речь идет о «чистом созерцании, усмотрении объективного образа мира, равносильном активному созданию этого образа в сознании» [8, 343].

Априорное сознание исследуется в книге польского философа В. Татаркевича «История шести понятий» [17]. В главе «Форма: история одного выражения и пяти понятий» он предлагает анализ развития априористики в эстетике. В эпоху Средневековья свою интерпретацию априоризма дает Николай Кузанский. Задумываясь над природой форм в искусстве, он пишет: «Формы возникают единственно благодаря человеческому искусству... Художник не воспроизводит ни одной конфигурации естественных вещей, он лишь делает материю способной принять искусственную форму». И далее: «Всякая видимая форма будет подобием и образом настоящей и невидимой формы, существующей в разуме». Кант в «Критике чистого разума» открывает априорные формы познания: пространство и время, субстанцию и причинность. Однако в эстетическом сознании Кант не усмотрел априорных, постоянных и необходимых форм, в которых возможно эстетическое переживание. Он считал, что прекрасное определяют не постоянные формы сознания, но исключительные, единичные дарования творцов, так как прекрасное творят гении.

Однако в конце XIX в. эстетик К. Фидлер выступил с тезисом, что искусство подвержено постоянным формам и что источник этих форм находится в субъекте. Согласно Фидлеру не только разум, но и наше видение обладает своей всеобщей формой. Однако обычный человек может потерять надлежащую форму видения, в отличие от художника, который ее сохраняет и применяет в своем творчестве. Поэтому художественное творчество не является полностью свободной игрой воображения, как считал Кант, но управляется законами видения [Там же]. «Априорное Я» Менегетти обнаруживает близость к «чистому Я» Гуссерля. Вводя понятие «эпохе», Гуссерль обращается к проблеме чистого сознания. «Эпохе» можно рассматривать как тип метаноии, или очищения сознания [4, 101].

Менегетти вводит идею «априорного Я» вслед за многими предшественниками. Отличие его подхода состоит в том, что здесь не только постулируется необходимость чистого сознания, но и предпринимается попытка описать психологические закономерности, практически ведущие к контакту с «априорным Я». Эстетика Менегетти носит практический и во многом этический характер, концентрируясь на экзистенциальном самостановлении, необходимом для достижения аутентичности. Этот путь, по мнению автора, позволяет прийти к интуитивному контакту с собственным «априорным Я». Если эстетика ставит вопрос о необходимости чистого сознания, то психология должна ответить на вопрос, как эта чистота реально может быть достигнута в жизненной практике субъекта творчества. Согласно Менегетти этот путь совершается с помощью интуиции, под руководством души, в процессе самореализации. «Следует достичь нулевой точки умственной деятельности, потому что именно в ней заключена точка силы художника. К этому можно прийти не путем медитации или

ей подобных практик, но только благодаря рождению “Я”, то есть путем последовательного ряда выборов и точных действий. Рождение “Я” происходит постоянно, при совершении выбора, соответствующего велению души в каждый момент» [13, 147].

Классическая психология искусства активно исследовала творческое воображение, однако не находила в нем места для априорного сознания. Согласно психоанализу цель фантазирования, как и самого искусства, — удовлетворение вытесненных желаний. Фрейд исходил из естественно-научного материалистического понимания человека, и в его теории не было места для души или ей подобной инстанции. Мотивация фантазирования, по Фрейду, состоит в иллюзорной реализации фрустрированной потребности. Искусство занимает среднее место между сновидением и неврозом. В основе художественного образа лежит конфликт между Я и Оно (сознанием и бессознательным), который уже «перезрел для сновидения, но еще не сделался патогенным» [3, 93]. При анализе художественного творчества Фрейд отталкивается от «Эдипова комплекса», в котором, по его мнению, исторически совпадает начало религии, нравственности и искусства. Истоки искусства усматриваются им в фантазии, при помощи которой бессознательные влечения облачаются в эстетичную форму, благодаря которой они перестают выглядеть асоциальными и становятся средством воображаемого самоудовлетворения как самого художника, так и реципиентов [Там же, 95].

Эстетическая теория Менегетти ориентирована в том числе и на те области художественной практики, которыми занимался психоанализ. Однако Менегетти исходит из другого представления о сущности человека. Для него человек — это существо, устремленное к Бытию. Менегетти выделяет «терапевтическое искусство», которое возникает как самовыражение незрелой личности, как потребность разрядить, «выплеснуть» подсознательный импульс или внутренний конфликт, дабы восстановить психическое равновесие. Основная функция терапевтического искусства — самовыражение в узком смысле слова, когда художник остается в рамках собственной негативной проекции, не достигая универсальных ценностей бытия. Терапевтическое искусство идентифицирует давящее присутствие Сверх-Я, взывающее к инфантильному бунту, а также выявляет навязчивые образы коллективного бессознательного. По Менегетти, оно представляет интерес не в эстетическом, а скорее в научном, психологическом, социальном плане. Благодаря ему можно изучить основные болезни эпохи, которые разделяются большими группами людей [12, 35]. Психология давно признала за искусством терапевтическую функцию. Арт-терапия, как направление в психологии, основана на том факте, что искусство позволяет индивиду выразить вовне свои чувства, травмы, разного рода напряжения. В этой связи об искусстве говорится как о средстве отыгрывания, изживания подавленных импульсов в образно-символической форме [7, 24].

Искусство рассматривается Фрейдом как способ примирения оппозиционных принципов «реальности» и «удовольствия» (Эго и Ид). В работе «Два принципа психического функционирования» Фрейд писал: «Этому акту фантазирования, который берет свое начало в детской игре, а позднее переходит в мечтание, чужда забота о связи с реальным миром» [18, 98]. Фантазии отве-

дена роль посредующего звена между Ид и Эго, из чего следует необходимость четкого различения чувства реальности и деятельности воображения. Уже в раннем возрасте в психических процессах выделяются два направления: вектор рационализации, подчиненной принципу реальности, и спонтанная активность воображения, ориентирующегося только на принцип удовольствия, но утрачивающего при этом контакт с действительностью.

Менегетти также считает, что воображение руководствуется принципом удовольствия. Однако в то же время Менегетти полностью противоположен Фрейдю в понимании сущности удовольствия и в том, что удовольствие якобы противостоит принципу реальности. Если, согласно Фрейдю, деятельность воображения и порождаемое ею удовольствие носят компенсаторный характер, то, согласно Менегетти, эстетическое удовольствие имеет сложную природу и может носить как компенсаторный, так и развивающий и духовный характер. Менегетти разрабатывает концепцию позитивного и негативного удовольствия. Находясь в оппозиции к «культуре несчастья» и к «патологической эстетике», он ставит задачу описать аутентичное эстетическое сознание и пути его достижения и рассматривает искусство как педагогику высшего удовольствия. Менегетти рассуждает на острие оппозиции «патологическое удовольствие — истинное удовольствие». Главным источником последнего он считает выход к метафизическим горизонтам, возобновление контакта с целым Бытия. Благодаря такому контакту искусство способно возобновлять действие *in-se* (души) в индивидуе. Результатом этого является особое психическое состояние, позволяющее ощутить себя целостным, универсальным существом.

Такое воссоединение и обогащение при контакте с искусством вознаграждает субъекта и восстанавливает метафизическую структуру психики. Однако возможность переживать такое удовольствие зависит не только от произведения, но и от самого субъекта. Без здоровой чувствительности невозможны ни художественное творчество, ни эстетический вкус. Способность к проживанию эстетического удовольствия проявляется не по воле случая, а как следствие исполненного порядка. Если индивид научается действовать в соответствии с импульсами своей души, в нем устанавливается точная пропорция всех частей, согласованных ради единого результата. Достигнутый психический порядок вызывает удовольствие и побуждает к созерцанию. «Удовольствие — это необходимость, высшая форма жизненного порядка. Оно не возникает по капризу: субъект сначала понимает точную пропорцию порядка и удовольствия, а затем становится ею», — считает автор [12, 169]. Таким образом, экзистенциальная этика обучает субъекта контакту с Бытием, что и позволяет ему освоить логику и практику эстетического наслаждения.

Удовольствие как практика созерцания становится доступным лишь при исполнении законов экзистенциальной этики, по Менегетти. Удовольствие не прихоть, а мудрый закон жизни. Главным условием для достижения удовольствия является постоянный рост продуктивности индивида [Там же, 228]. Для художника путь к аутентичному творчеству лежит через чистоту ума, ментальную гигиену. Первичная красота — внутренняя, это красота духа, который созерцает самое себя и в дальнейшем проявляется вовне. Чтобы войти в мир

эстетического удовольствия, считает Менегетти, необходимо преодолеть психологические проблемы. Комплексы и стереотипы служат искажающим фильтром, не позволяющим видеть и создавать красоту. Прогуливаться «в саду райской эстетики» субъект может после того, как решит этические задачи — справится с основными вызовами жизни, достигнет биологического, социального и психического порядка [12, 82]. Менегетти вводит в свою эстетику этические детерминанты в виде практической самореализации, а также аутентификации, или самопознания. Экзистенциальная зрелость выступает у него главным условием креативности.

Большое место в размышлениях Менегетти об искусстве занимает проблема фантазии, что включает его взгляды в диалог с позициями его известных предшественников. В частности, К. Г. Юнг проводил различие между образами фантазии и образами восприятия. Образ фантазии лишь косвенно связан с восприятием внешнего объекта, — он покоится скорее на бессознательной деятельности воображения и, будучи ее плодом, является сознанию более или менее внезапно, вроде видения или галлюцинации, однако без их патологического характера [5]. Юнг подчеркивал, что образы фантазии значат для психики не меньше, а возможно, и больше, чем внешние образы восприятия. Хотя образ не имеет значения реального явления, ему может быть присуща огромная психологическая ценность, слагающая «внутреннюю» действительность, которая, при известных условиях, перевешивает значение «внешней» действительности. Юнг ввел в психологию понятие устойчивого образа-архетипа, который всегда коллективен, является осадком памяти, или энграммой, образовавшейся путем уплотнения сходных процессов [20]. Менегетти, рассматривая понятие архетипа, указывает на то, что архетип предполагает запрограммированность воображения художника, что может говорить лишь о стереотипии, но не об истинной креативности [12, 36]. Таким образом, если для Юнга архетипы являются основой воображения, то для Менегетти они свидетельствуют о подчиненности индивида безличным формам коллективного бессознательного.

В этом отношении Менегетти скорее близок к Башлярю, также разграничивающему область архетипического и область активного воображения. Архетипическое принадлежит прошлому и бессознательному, подобно сну. Отличие творческого воображения или мечты состоит в том, что в мечте присутствует элемент воли и сознания. Башляр пишет: «...вот в чем заключается коренное отличие между ночным сном и мечтанием: если тот, кому снится сон, есть тень, которая потеряла свое “я”, то мечтание есть онейрическая деятельность, в которой продолжает существовать проблеск сознания» [2, 31]. Согласно Менегетти зрелый индивид способен управлять образным миром своего воображения.

Анализируя деятельность воображения, Менегетти приходит к новому научному выводу о природе фантазирования. Он говорит о необходимости различать «вынужденную» и «открытую» фантазию. На первый взгляд может показаться, что фантазирование — это свободный, ничем не обусловленный процесс. Однако на практике свободная, предоставленная самой себе фантазия почти не встречается, так же как не свободны и сновидения. На деле работа воображения представляет собой навязчивый позыв к повторению некоторых

образов. Чаще всего фантазия — это связка фиксированных «картинок» или кратчайший путь к определенным ассоциациям, ведущим свое происхождение от первой детской диады. Вынужденная фантазия имеет место, когда воображение работает под давлением бессознательного, выполняя некую программу. Это приводит к созданию повторяющихся негативных образов. Создавая произведение, художник, если он не аутентичен, выражает наиболее активную зону вытесненного материала. Чтобы создавать здоровое искусство, прежде всего необходимо осознать вытесненное, а значит, те бессознательные части, которые активируются, как только субъект предается фантазированию [13]. Как результат «вынужденного воображения» возникает «терапевтическое» произведение, которое позволяет «выплеснуть» наружу внутреннее напряжение, используя механизм компенсации. В этом случае художник не может претендовать на новизну и творчество, поскольку его фантазия предопределена и ведет к навязчивости и фиксации. На деле субъект не «придумывает», а подчиняется образу, резонирующему с его бессознательным. «Искусство должно быть искренним. Но если человек болен, он выражает стереотипию наиболее активизированного комплекса» [21, 23].

Для того чтобы выйти из замкнутого цикла вынужденной фантазии к истинной креативности, по Менегетти, необходимо встать на путь самосозидания и самопознания. «Открытая фантазия», или свободное воображение, открывается при условии исполненной этики существования, которая состоит в долге каждого существа реализовать свой природный проект. В этом случае искусство получает власть быть бесконечной креативной фантазией в том смысле, что художник может обозначать свободно, произвольно, поскольку он создает реальное при любом обозначении. Став аутентичной личностью, художник может применять собственную фантазию как власть над бытием. Но бессмысленно претендовать на бытие в фантазии, считает автор, предварительно не став ответом на специфическую норму бытия в существовании [12, 84]. Таким образом, Менегетти акцентирует тот факт, что понятие «свобода воображения» применительно к искусству часто ошибочно. Свобода воображения находится в зависимости от экзистенциальной зрелости художника.

В своем эстетическом дискурсе Менегетти объединяет трансцендентальный принцип априористики, ведущий свое происхождение из классической философии, и практическую этику самосозидания, берущую свое начало в гуманистической психологии середины XX в. Таким способом автор стремится достичь синтеза и наметить пути реализации «чистого сознания» в конкретной экзистенциальной практике, высшим проявлением которой он считает художественное творчество.

-
1. *Ананьев Б. Г.* Задачи психологии искусства // Художественное творчество. Л., 1982.
  2. *Башляр Г.* Психоанализ огня. М., 1993.
  3. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1986.
  4. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб., 2001.
  5. *Зеленский В.* Толковый словарь по аналитической психологии: Образ. СПб., 2000.

6. *Каган М. С.* Эстетика как философская наука. СПб., 1997.
7. *Копытин А. И.* Многообразие форм арт-терапевтической работы // Практикум по арт-терапии / под ред. А. И. Копытина. СПб., 2000.
8. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974.
9. *Менегетти А.* Кино, театр, бессознательное : в 2 т. М., 2001.
10. *Менегетти А.* Мир образов. М., 2008.
11. *Менегетти А.* Образ и бессознательное. М., 2000.
12. *Менегетти А.* ОнтоАрт. Ин-се искусства. М., 2010.
13. *Менегетти А.* ОнтоАрт. Ин-се искусства. М., 2004.
14. *Менегетти А.* Тезаурус. М., 2007.
15. *Менегетти А.* Учебник по онтопсихологии. М., 2007.
16. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
17. *Татаркевич В.* История шести понятий. М., 2007.
18. *Фрейд З.* Положение о двух принципах психической деятельности // Основные психологические теории в психоанализе: Очерк истории психоанализа. СПб., 1998.
19. *Юнг К. Г.* Психология и поэтическое творчество // Юнг К. Г. Соч. М., 1992. Т. 15.
20. *Юнг К. Г.* Психологические типы. М., 1992.
21. *Meneghetti A.* OntoArte. Roma, 1988.

Рукопись поступила в редакцию 14 февраля 2011 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.82 + 124.43 + 159.955

Э. Г. Классен

ЧТО ЖЕ ПИСАЛ МАРКС ОБ ИДЕАЛЬНОМ

Нет единства в понимании природы и сущности идеального. Его установлению мешают ошибочный перевод данной Марксом дефиниции идеального и предвзятая трактовка его философской позиции. Статья обосновывает другой перевод и выводит решение некоторых философских вопросов из тупика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: материальное, идеальное, положенное, представленное, признанное, сознание, редукция, рефлексия.

Прошло пятьдесят лет с того времени, когда в философской среде СССР начались споры по проблеме идеального. Велись они, как многие еще должны помнить, широко, жестко и излишне политизированно. Произошедшие в стране перемены изменили и отношение к философским темам. Споры об идеальном утратили идеологический аспект, актуальность темы угасла, между бывшими противниками установился своего рода статус-кво. Плюрализм мнений дает право на существование как марксистских традиционных воззрений, так и сторонникам Э. В. Ильенкова. Но осталась истина, жаждущая открытия и признания. Без установления истины идеального нам не создать обновленного мировоззрения. Только ради истины, не для возбуждения новой волны разногласий, не для торжества над былыми оппонентами, обращаюсь я к старому спору.

Исключительным вниманием диспутантов все годы пользовалась известная дефиниция Маркса из послесловия ко второму изданию I тома «Капитала». Поскольку сама статья посвящена анализу двух фраз этого документа, приведу их: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличается от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи

в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [3, 16–17]. Возникновение этих фраз имеет свою историю и теоретическое основание. После выхода в свет первого тома «Капитала» в 1867 г. Марксу приходилось читать не только хвалебные отзывы, но и упреки в чрезмерной сложности и в увлечении Гегелем. Маркс был достаточно горд, и на реакции «посредственных эпигонов», слабо знавших Гегеля, отвечать не торопился. Только в 1873 г. в связи с подготовкой второго издания он пишет послесловие, в котором разъясняет отличие своего метода от гегелевского. Заметим, что анализируемые фразы появляются не в тексте, посвященном выявлению природы идеального, а в тексте о методе изложения результатов исследования и как ответ на критику незадачливых «эпигонов». Это, так сказать, историческая подоплека. Есть и научная. В XIX в., когда великие мыслители еще создавали системы, важным был вопрос о тождестве бытия и мышления. Он заявлял о себе не столько в процессе исследования, сколько в процессе изложения его результатов. Само бытие не хочет знать никакой логики и никакого закона тождества. Оно живет себе как хочет, вкривь и вкось. Его следует познать, обобщить, редуцировать, логически выстроить. Исторический материал в процессе его изучения превращается в мысленную конструкцию исследователя. В последовательности событий он может с объективными этапами жизни не совпадать. По мнению Маркса, результат исследования целесообразно излагать не в исторической, а в его идеальной, логической последовательности. Здесь-то и возникают глубинные философские проблемы, в числе которых Маркс, сопоставляя свой метод изложения материала с гегелевским, называет проблему соотношения материального и идеального. Но для корифея философской мысли это была не банальная, в силу своей общеизвестности, проблема соотношения материального предмета с его образом в индивидуальной голове личности. Для принципиального различения своих и гегелевских взглядов Маркс не стал бы повторять известные всем идеи Локка. Нет, для него это была проблема отношения систематизированных знаний к знакомому бытию.

К сожалению, диспутанты по проблеме идеального, даже те, кто с симпатией относились к идеям Ильенкова, позволили увлечь себя спором о том, как внешний предмет — камень, дерево, Луна — становится идеальным образом сознания индивида. Нет ни необходимости, ни возможности изложить какое-то обозрение точек зрения по данному вопросу¹. Приведу лишь один пример с Тодором Павловым. Он достаточно показателен, ибо его фундаментальный труд издавался двумя академиями — Болгарии и СССР — и редактировался девятью докторами наук. Сославшись на Маркса, академик Павлов пишет: «Со-

---

¹ Еще в 1988 г. в докторской диссертации я сделал обширный обзор известных тогда точек зрения по проблеме идеального. Частично этот обзор вошел в [2].

временная наука позволяет конкретизировать наше понимание процесса своеобразной “пересадки”, превращения материального в идеальное. ...Можно выделить следующие три этапа “превращения” материального в идеальное. Первый — снятие “копии” с объекта... субъект как бы движется по объекту... он тем самым захватывает определенные стороны объективного мира. ...Форма предмета как бы превращается в форму деятельности. ...Второй этап связан с превращением внешне-предметных действий во внутренние. ...Система действий... начинает свертываться, из внешней превращается во внутреннюю. Рождается интеллектуальная деятельность, которая представляет собой оперирование уже не реальными объективными предметами, а их идеальными образами... Третий этап характерен для идеального уровня. ...Сформировавшиеся у человека образы служат исходным материалом для создания новых образов, идеальных конструкций» [4, 169–171].

Может быть, эти «как бы превращения» и содержат элементы истины, не будем спорить, но к Марксу они не имеют никакого отношения, ибо элементарно противоречат его философской культуре. Как мыслитель Маркс был воспитан классиками немецкой философии. А они все — и Кант, и Шеллинг, и, разумеется, Гегель — признавали объективное природное бытие в качестве необходимой предпосылки всякой деятельности. Оно пребывает за пределами знания, является предметом веры, побудителем гносеологической и практической экспансии человека. Реальность, уже охваченную деятельностью человека, немцы называли действительностью, Маркс предпочитал называть ее «общественно-исторической практикой», а мы сегодня все чаще называем «знаемым миром». Так вот, этот знаемый мир, согласно определению, весь идеально размещен в совокупной человеческой голове. И никакого «пересаживания» материального в эту голову не требуется.

Разумеется, в индивидуальной голове знаний всегда недостаточно, и люди заимствуют представления и понятия из общечеловеческого разума, переиначивая и переосмысливая их. Или они берут их из практики отношений, природа которых — отношения могут быть выражены только идеями — определяет и природу образов в голове. Когда Маркс писал, что имеет дело с «действительными индивидами», то имел в виду не африканскую праматерь человечества и не Робинзона мыслителей эпохи Просвещения, а людей эпохи промышленного переворота, охвативших своими отношениями все предметы известной им реальности, создавших современную им историческую практику и самих этой практикой обусловленных. И когда индивиды выстраивают свои познавательные отношения с действительностью, то находят в ней только себя или только то, что сами туда положили [2, 19–20].

И тут обнаруживается странный парадокс: система знаний оказывается богаче, содержательнее и ближе к истине, чем сама действительность, ибо действительность, как представлялось изначально, не содержит в себе ни понятий, ни законов, ни логики. Это все создают люди в процессе познания. Только потом результаты познания обнаруживаются в исследуемом материале. Не было до Евклида на плоскости песка никакой геометрии, а после него появилась; и не было до Маркса в истории буржуазного общества никакой

логики движения от абстрактного к конкретному, а после него обнаружилась².

Так проявляется сложная проблема соотношения материальной реальности с ее идеальным выражением в познании. Эта проблема не сводится только к вопросу о первичности материального или идеального, она о вечно изменяющейся взаимообусловленности сторон действительности. В пятидесятилетней дискуссии об идеальном эта проблема была упрощена и сведена к одному — к вопросу о том, как объективный предмет в индивидуальной голове приобретает свой субъективный образ. А как же это «...материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»? Да никак. Маркс такого просто не писал. Чтобы убедиться в истинности данного, возможно для кого-то парадоксального, утверждения, необходим немецкий текст.

Вторая фраза анализируемого текста в немецком варианте выглядит так: «Bei mir ist umgekehrt das Ideelle nichts andres als das im Menschenkopf umgesetzte und übersetzte Materielle» [7, 28]. Основной смысл фразе придает слово «umgesetzte». Переводчики со всей очевидностью приняли его как форму Partizip II от глагола «setzen» — «сажать». По правилам грамматики немецкого языка Partizip II основного глагола со стоящей под ударением приставкой *um-* образуется с помощью частицы *-ge-*. Это в отличие от стоящего в том же предложении слова «übersetzte», в котором ударение не падает на приставку *über-* и частица *-ge-* не требуется. Так что переводчики имели грамматическое основание перевести слово «umgesetzte» как «пересаженное». Так оно переводится и до настоящего времени даже в авторитетных изданиях. Но слова «посаженное» и «пересаженное» в их садово-огородном смысле не являются категориями философии. Маркс в таком смысле их и не употреблял. Зато это делали переводчики да незадачливые борцы за истинное понимание идеального. Слово «gesetzt», использованное Марксом, является лишь морфемой другого слова — «gesetzte» и происходит от существительного «das Gesetz». Переводить «gesetzte» следует словом «узаконенное» или более благозвучным русским словом «положенное». В переводах «Науки логики» везде так и дается — «положенное».

² Процесс здесь такой. Человек, чем менее он связан с обществом, тем более, сталкиваясь с новым для него предметом, принимает его в свое сознание в качестве вопроса: «Что это?». Затем, следуя любопытству и насущной необходимости, действуя руками и зубами, он выносит ему гипотетическое, предположительное определение. В результате предмет получает название, обобщенное содержание и бытие в человеческом мышлении. В таком качестве человек соотносит предмет с классом аналогичных предметов и придает ему статус действительности. Приобретенные от человека черты предмета настолько срастаются с естественными чертами, что становятся от них неотличимыми. Обыденное сознание и наука, не испытывая ни малейшего неудобства, их и не различают. Но расплачиваются за это рассудочным, механистическим восприятием реальности. Только философия различает в действительном предмете его изначально-естественную природу и приобретенное от социума содержание и выводит из этого различия основные свои проблемы. В их числе и проблему сути, и место бытия идеального. Последнее в спорах об идеальном разделило мыслителей на два лагеря. Одни, выступавшие от имени науки, признавали идеальное исключительно как «субъективную реальность», как нематериальное содержание результатов психической и логической деятельности; другие, выступавшие от имени философии, объективировали идеальное и находили его в социальном содержании материального. Теперь мы можем утверждать, что положенное в действительном, как и положенное в социальном, идеально и объективно, поскольку сознанием признано.

В европейской культуре XVIII–XIX вв. слово «положенное» было на слуху. Оно обозначало некоторое свойство предмета, присущее ему не по природе, а привнесенное ему извне. Это «вне-себя-бытие» какой-то другой самости. Так, юристы, кажется со времени Монтескье, различали естественное право и положенное, т. е. государством узаконенное. Гегель широко и в разных вариантах пользовался понятием «Gesetztsein». Приведу, поскольку дело касается существенно повлиявшего на Маркса Гегеля, две фразы из «Науки логики». Гегель пишет: «Что касается сущности, то в ней определенности *нет*: определенность только *положена* самой сущностью...»; «Отрицательная сущность есть *рефлексия*, и определения суть *рефлектированные* определения, положенные самой сущностью...» [1, 9–10]. В немецком варианте: «Am Wesen hingegen ist die Bestimmtheit nicht; sie ist nur durch das Wesen selbst gesetzt...»; «Die Negativität des Wesens ist die Reflexion, und die Bestimmungen [sind] reflektierte, durch das Wesen selbsetzete ...» [5, 15–17].

Подобных примеров из Гегеля можно привести великое множество. Достаточно посмотреть во втором томе «Науки логики» параграф «Полагающая рефлексия». Оно и понятно, ибо согласно его концепции всемирный дух познает себя тем, что полагает себя в формах действительности. Но мог ли Маркс подобно своему великому предшественнику в философии использовать понятие «положенность»? Утвердительный ответ мы найдем в текстах Маркса.

Следующие доводы должны извинить слишком обширную для небольшой статьи цитату. Во-первых, это оригинальный, не переведенный и не адаптированный под чье-то национальное или классовое понимание текст. Во-вторых, в русском тексте «Капитала» он приведен лишь частично и с недостатками перевода. В-третьих, Маркс в нем дважды использует понятие «положенное». И наконец, в нем говорится о деятельности мозга по преобразованию материального продукта в абстрактное понятие. Вот эта цитата из «Капитала», изданного издательством «MEGA»: «Um ihre Produkte auf einander als Waaren zu beziehen, sind die Menschen gezwungen, ihre verschiedenen Arbeiten abstrakt menschlich Arbeit gleichzusetzen. Sie wissen das nicht, aber sie *thun* es, indem sie das materielle Ding auf die Abstraktion *Werth* reducieren. Es ist dies eine naturwuchsig und daher bewusstlos instinctive Operation ihres Hirns, die aus der besondern Weise ihrer materiellen Produktion und den Verhältnissen, wohin diese Produktion sie versetzt nothwendig herauswächst. Erst ist ihr Verhältniss praktisch da. Zweitens aber, weil sie Menschen sind, ist *ihr Verhältniss als Verhältniss für sie da*. Die Art, wie es für sie da ist, oder sich in ihrem Hirn reflektiert, entspringt aus der Natur des Verhältnisses selbst» [8, 46]. Переведу этот отрывок так: «Чтобы свои продукты как товары сопоставить, люди вынуждены свои различные работы абстрактному труду равноположить³. Они этого не знают, но они это делают тем, что материальную вещь редуцируют в абстракцию стоимость.

³ В русском переводе дано слово «приравнивают». Мне кажется оно недостаточно полно выражает содержание слова «gleichzusetzen». «Равноположить» хотя и непривычно для русского языка, зато по содержанию значительно ближе к Марксу. Было бы полезно сравнить данный мною перевод с текстами «Капитала» [3, 72–73; 8, 46].

Это естественно происходящая и оттого бессознательная инстинктивная операция их мозгов. Она особым образом вырастает из их материальных продуктов и отношений, в которых она эти продукты располагает. Во-первых, их отношение есть практически всегда. Во-вторых, поскольку они люди, их отношение есть для них всегда как отношение. Способ, каков он для них есть или как себя в их мозге рефлектирует, следует из самой природы отношений».

Слово «положенное» в сочетании с различными приставками встречается во многих местах «Капитала» и других сочинений Маркса [6, 79]. Для него это традиционная в европейской философии и работающая категория. Можно решительно утверждать, что в «Послесловии ко второму изданию “Капитала”» слово «umgesetzte» следует читать не как «пересаженное», а как «переположенное». Именно как «перезаконенное» или «переположенное», ибо человек в историческом аспекте сначала полагает материальный предмет в качестве природного объекта, а затем перепологает его в качестве социального объекта.

А как же, повторю вопрос, выражение «материальное, пересаженное в человеческую голову»? И в нем мысль Маркса упрощена и огрублена. У Маркса сказано: «...im Menschenkopf umgesetzte... Materielle», т. е. «в человеческой голове... переположенное материальное». Речь, таким образом, идет не о каком-то физическом перемещении предмета или его образа из окружающего пространства в мозг человека, а об умственном переосмыслении содержания предмета, о переводе его из сферы природных связей в область социальных отношений. Маркс не пишет ни о каком-то конкретном предмете, ни о какой-то индивидуальной голове. Он исследует общественно-историческую практику, в которой общечеловеческая голова уже содержит в себе предметный мир действительности. Никому поэтому не приходится шарить по предмету, чтобы образ предмета превратить в образ деятельности и идеальный образ головы.

Проблема превращения материального предмета — дерева, камня, Луны — в образ индивидуальной головы относится к сфере психологии, и Маркс ею не занимается. Его интересуют материальные общественные отношения: отношения людей к материальным предметам и друг к другу по поводу предметов, опосредующих их отношения. Именно эти отношения, во всяком случае, в тех произведениях, на которые в данной статье даются ссылки, называются материальными. Чтобы такие отношения могли сложиться и функционировать, необходимо, с одной стороны, предметы — предметы собственности и деятельности — свести к единому абстрактному основанию, а с другой — общественные отношения, т. е. суть человека, овеществить, опредметить, представить и признать как социальные качества естественных предметов.

Такие действия, не обязательно сопровождаемые их рассудком, производятся человеческой головой интуитивно, инстинктивно. Работа человеческой головы интенциональна. Она мысленно вне себя преобразует конкретные качества вещей: редуцирует значение их индивидуальных и природных особенностей, сводит все их содержание к единой общественной субстанции. Вещь, таким образом, приобретает новую суть и полагается как отношение. С другой стороны, отношения людей должны как-то материально выразиться, и вещи, опосредующие эти отношения, становятся их символами. В итоге вещи соотнесены, а

отношения овеществлены. Или, иначе, люди, ибо они суть ансамбль общественных отношений, положены как вещи, а вещи положены как люди. И все это во внешней человеку реальности, хотя и не без участия человеческой головы. Материальное, которое, по Марксу, трансформируясь, превращается в идеальное содержание головы, это не вещи и не тела, а овеществленные и вещественно выраженные отношения. Способ, каким эти отношения из внешнего бытия возвращаются в головы, следует, по Марксу, «из самой природы отношений». А природа отношений идеальна. У них нет собственного телесного бытия, и существуют они только в качестве положенного, в качестве социального содержания действительного, представляя в нем в овеществленной форме суть и ум человечества. Выразить отношения можно только идеями. Человек в форме идей возвращает себе овеществленное сознание.

Гегель и Маркс для выражения этого возвращения используют одно и то же понятие — «рефлексия». У Гегеля весь процесс представлен как двойное отрицание. Сознание сначала отрицает себя, полагаясь во внешнюю предметность, затем вторичным отрицанием, рефлексией, возвращается в «самое себя». [1, 27–28]. Маркс, как уже отмечалось выше, тоже использует понятие «рефлексия», но не в анализируемых фразах «Послесловия». Здесь он для «весьма посредственных эпигонов» использует слово «übersetzte», которое переводчики не перевели, а заменили словом «преобразованное». На самом деле у Маркса речи о преобразовании нет. Речь у него именно о переведенном. Но не в филологическом смысле, не в смысле перевода с языка на язык, а в гносеологическом — в смысле перевода понятия из внешней предметности во внутреннюю, психологическую сферу. Сознание сначала отчуждается во внешнюю реальность, где инстинктивно или осознанно перепологает предмет из природной среды в социальную, затем, обогатившись содержанием предметных отношений, в идейной форме возвращается, рефлектирует, переводится обратно в духовную среду.

Процесс, по Марксу, прост. Актуально действующий индивид имеет перед собой уже раздвоенные практикой предметности. Он поэтому и сам берет их мысленно как двойственные. Как сознательный индивид, он вынужден их брать таковыми. Но именно этим он и дальше обеспечивает им двойственное существование. Процесс может быть представлен и в иной, более обобщенной, форме. Сознание устремляется на внешние предметы, уже ранее положенные в качестве частиц действительности. Их естественные или воспринятые в качестве таковых свойства мысленно редуцируются, обобщаются и переводятся в сферу социальных отношений. Так они перепологаются из сферы природной реальности в сферу социальной реальности и превращаются в носителей и выразителей общественных идей. Так вещи становятся отношениями, идеями и начинают вести себя как люди, обладающие овеществленным сознанием. Практическому человеку несложно усвоить овеществленное сознание, ибо он сам отпустил его от себя в предметную реальность. Овеществленному сознанию нетрудно возвратиться к живому сознанию, ибо для своего бытия оно нуждается в признании. Отношения между вещами в форме идей возвращаются в общечеловеческую голову, идеально представляя в ней материальную действительность.

Фразу Маркса после приведенных размышлений можно прочитать так: «У меня, наоборот, идеальное не что иное, как в человеческой голове переполненное и переведенное материальное». Такое прочтение, во-первых, ближе к мировоззрению Маркса и к философской культуре классической немецкой школы мышления. Во-вторых, оно позволяет преодолеть противоречия, разделявшие на протяжении полувека отечественных мыслителей. И в-третьих, оно позволит создать полноценную концепцию идеального, которая повлечет за собой переосмысление ряда онтологических и гносеологических проблем. Но это уже предмет других статей⁴.

-
1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М., 1971. Т. 2.
  2. Класен Э. Г. Становление и развитие идеального: концепция Карла Маркса : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск, 1988.
  3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : в 9 т. М., 1985. Т. 2.
  4. Павлов Т. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики : в 2 т. София, 1981. Т. 1.
  5. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik. Band 2. Frankfurt a/M, 1979.
  6. Marx K. Okonomische Manuskripte 1857/58 // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe. B., 1979.
  7. Marx K. Das Kapital. Bd. 1 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 23. B., 1968.
  8. Marx K. Das Kapital. Erster Band // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe. B., 1983.

Рукопись поступила в редакцию 26 октября 2010 г.

---

⁴ Я думаю, что выяснение того, как Маркс понимал идеальное, важно и в историко-философском плане, все-таки речь идет о Марксе, и в гносеологическом отношении, во имя философской истины. Оно важно и для преодоления раскола русскоязычных философов и чести их. Но главное состоит в том, что восстановление и усвоение марксистского стиля мышления позволит воссоздать утраченную полноценную философскую систему со всеми ее гносеологическими и социальными функциями.

УДК 101.3 + 130.2:2 + 2-1

В. А. Соскин

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИОГЕНЕЗ

Наша эпоха по многим параметрам напоминает эллинистическую, это эпоха глобального кризиса культуры. Возможное возрождение культуры и философии связано с рождением новой религии, которая, как некогда христианство, откроет возможность человеку на следующие тысячелетия осмысленно и с достоинством прожить свою жизнь. Данная статья — размышление о том, какая религия это будет или может быть и какова роль философии в процессе подготовки и осуществления соответствующего религиогенеза.

Ключевые слова: перспективы философии, новая религия, антропотеизм, гуманизм, экологизм, космополитизм, философское религиоведение.

Рассуждения о кризисе культуры в наши дни стали настолько обычным явлением, что из отвращения к конформизму кажется почти неприличным вновь о нем даже упоминать; считается хорошим тоном отметить, что «...я тоже никогда не был в Париже»: все поддались обаянию общеизвестного «были», моя же «оригинальность» в том, что «не был»...

В западном обществе сегодня активно реализуется сценарий, описанный П. Валле в книге «Гибель 31-го отдела»: историки, филологи, философы стали людьми «орхидейных профессий», общество их не слушает, они больше не нужны. В обществах бывшего СССР им почти ничего не платят, в Западной Европе, в США, там, где за труд принято платить деньги, их просто сокращают.

По многим параметрам наша эпоха для западного общества напоминает эпоху эллинистическую. Почти на каждом европейском вокзале наблюдаю пару чудаков, современных киников. В мыслящей части человечества активно идет «разборка» скептиков, стоиков и эпикурейцев. Многие мыслители проникновенно описывают происходящее, не в силах ничего изменить и ничего не предлагая. Мир «непримиримой толерантности», оставленный подлинностью, мир «после смерти вещей» рисует нам, например, Михаил Блюменкранц [1]. «Некрологи» западной культуре пишет Карен Свасьян [10]. Игорь Смирнов и вовсе провозглашает «коллапс истории», по меньшей мере застой в области грандиозных культурных инициатив [12, 13]. Как и в эллинистическую и позднеримскую эпохи, умами владеет «мозаичная философия», разноликая и разномастная поведенность «Востоком». Ситуация слома классических мировоззренческих систем, исполненных духа сдержанного оптимизма (в Древней Греции это были учения Платона и Аристотеля, в Европе — И. Канта и Г. Гегеля), сменилась нынешней ситуацией осколочного мировоззрения, активного духовного брожения и убежденного отчаяния.

Мы сегодня живем в эпоху, когда «вечно трагическое» положение философа в обществе на глазах сменяется отсутствием всякого положения. «Вечный трагизм» философа состоял в том, что, изначально являясь членом общины

своего верующего народа, философ в жажде универсализации преступал границы ее веры и оказывался служителем «чистых истин», выходящих за пределы понимания и потребностей его современников, иными словами «никому не нужных». Но сегодня классическая Культура — все более и более у нас на глазах исчезающие островки в волнах разнузданного потребительства. В мире товарно-денежных отношений, угнетающих все другие отношения людей, в мире, в котором нет веры, в мире торжествующей буржуазии больше нет и служения — свое место оно уступает наживе; значит, нет места и философии, как нет его Науке, Искусству. Выходишь на улицу, проходишь по рынку и кажешься себе последним прибежищем «Мирового Духа», избранным им лишь затем, чтобы покончить самоубийством. Узнали себя?..

Жажду универсализации можно понимать как непрерывное самовысвобождение человека, поэтому «вечный трагизм» бытия философа на самом важном, экзистенциальном, уровне есть трагизм свободы. Философ — это свободный человек; в постоянном творческом превозмогании (трансцендировании) застывших жизненных форм философ оказывается вечным протестантом и против наличной социальной действительности, и в целом против своего пространственно-временного пребывания. Не будет преувеличением сказать, что любой свободный человек на мировоззренческом уровне до некоторой степени философ.

Известно устойчивое стремление относить философию к сфере чисто интеллектуальной деятельности. Интеллектократизм, дробящий целостного человека, есть знаменательная черта предкатастрофического состояния культуры. В этом отношении характерна концепция еще одного современного мыслителя, Владимира Красикова, разделяющего путь мышления, как «интеллектуальную историю человечества», и путь веры [4, 5]. Но если философия — «концептуальная рефлексия», то откуда она берется, какую природу имеет ее энергетика? Мышление лишь функция целостного верующего и верящего человека как рода; и собственно мыслители с неизбежностью есть горстка людей, предельно развивающая эту функцию, временами даже, как луняне Герберта Уэллса, карикатурно. Тем самым философы, если можно так выразиться, «естественным порядком» противопоставляют себя большинству человечества, оказываясь изгоями. В менее радикальном варианте противостояния «обычных людей» и людей, делающих смыслом своей жизни мысль, последние просто одиночки...

Из религиозного устремления, из культа — откуда исходит и вся культура — также суггестивный потенциал мыслительной деятельности. Из религиозного служения, которое есть в изначальном, «субстанциализированном» виде работа духа, применительно к исторической религии всегда партикулярного, и «вылупляется», остывая, деятельность мышления, представляющего собой, повторимся, служение «чистому духу», или истине.

Настоящими духовными двигателями человечества, маяками в эволюции духа были и будут поэтому не философы, но пророки. Сократу вменяли «изобретение новых богов» и (как следствие) «развращение юношества». Потому и Маркс оказался столь значим и популярен: он не столько собственно мысли-

тель, сколько пророк. Знаменитое суждение, что «философы различным образом объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменить его» и разграничивает дело философии и пророчество как высший праксис, и означает отказ от «философии», иллюстрирует уход доктора философии Маркса от собственного дела философии — осмысляющего раздумья.

На сравнительно позднем этапе развития, дифференциации культуры мышление отпочковалось от веры как самостоятельная деятельность, как место в обществе, как порыв, как призвание. И философия отправилась странствовать в поисках своей институционализации. Однажды она нашла себе приют в возникшем в Средние века университете, это привело к грандиозному взлету, ранее невиданной профессионализации мышления. Конечно, у большинства народов философия как самостоятельное духовное образование, как национальная философская традиция вовсе не образуется. Величайшие философские традиции знали прежде всего в древности — греки и в недавнем прошлом — немцы. Сегодня мы живем в эпоху смерти университета: университет как система выращивания высокоразвитой гармоничной личности (гуманистический идеал) становится фабрикой по производству затребованных рынком специалистов. Рынок, по замыслу гуманистов, лишь служебный инструмент социальных отношений, и он редуцирует человека главным образом к двум его функциям — до продавца и покупателя, но он сегодня активно втягивает в свою орбиту все взаимоотношения людей. Наша гуманистическая культура сегодня агонизирует под натиском денег.

Одновременно поднял голову, а кое-где в российском обществе уже и господствует, агрессивный традиционализм; мировоззренческие системы, опирающиеся на вековой уклад жизни наших предков, и разные вероучители пытаются, каждый на свой лад, навеять человечеству очередной якобы утраченный «сон золотой». Все эти системы также «философичны», когда допускают аллегорическую интерпретацию своих основоположений. Но ничего однажды свершившееся повторить невозможно. Поэтому все они — стремление в том или ином «заквасе» загнать человечество в оруэлловский «1984-й». Многочисленные свидетельства побывавших в медресе, буддистских монастырях, иешивах... раскрывают различные, тысячелетиями оттачивавшиеся системы подавления, социального угнетения, облванивания человека в рамках каждого «единственно верного» мировоззрения. Эта оруэлловщина пока, к счастью, многоголовая, где одни головы пожирают другие. В данном ряду находятся все известные мне разновидности «Примордиальной Традиции», «вечной философии» и т. п., нередко также и академическое ретроградство, отстаиваемое в наши дни, например Сергеем Хоружим, в рамках концепции которого идеалом человека выступает, в сущности, средневековый рыцарь-монах [20]. Между тем исторически очевидно, что идея православия, вместе с самодержавием, как системообразующая идея для России, обанкротилась еще в 1917 г.

Традиционализм как мировоззренческая установка не является и не может являться сколько-нибудь конструктивным фактором возрождения Культуры. Возникшие тысячелетия назад мировые религии, как и в значительной степени выросшие из них великие философские учения, не в состоянии дать пытливному

современному человеку ответы на интересующие его вопросы. Что могло быть написано в Коране относительно правил пользования Интернетом? Как вести себя в космосе? На какое мыслительное сальто-мортале должны мы пойти, сколько-нибудь всерьез воспринимая суждения римского папы или далай-ламы относительно геной инженерии?.. Кроме того, созданные гением наших предков и подтвердившие некоторую свою эффективность все ныне существующие мировоззренческие системы в той или иной степени частичны, в них нет универсализма. Ведь все они возникли тогда, когда «человечества» еще не было, соответственно и единого интегрированного сознания человечества быть не могло. Единого человечества и сейчас еще нет, оно только лишь, но на наших глазах, и активно, формируется.

Системным духовным основанием, способным интегрировать сознание современного общества, вообще не может быть ни что-то взятое из прошлого и модернизированное, ни что-то наспех изобретенное на потребу дня, ни нечто заимствованное из иной социальной или историко-культурной среды. Нынешний этап российской истории характеризуется успешно состоявшимся переходом от социализма к капитализму, когда религиозно-коммунистическая базовая модель служения уступила, кажется, гораздо более для человека естественному «волчьему обществу». В таком обществе, конечно, уже не станут сжигать очередных Джордано Бруно, их просто не заметят и не замечают, а если волею случая все же заметят и выслушают, то от души рассмеются.

Ни одна из великих религий прошлого и настоящего так и не научилась найти в жизни достойное, не заковывающее человека место земным радостям. Все они являют собой служение «вечным ценностям» за счет в той или иной степени умаления земного бытия. Конечно, вырвать человека из гедонистического самолюбования, разрушительного, иногда извергающегося вулкана инстинктов куда как непросто. Свобода — это, однако, не только «свобода сознания», вопреки вновь и вновь воспроизводимому суждению о ней идеалистов. «Свобода» — это социальная категория, выражающая широту спектра возможных действий человека в рамках отпущенных нам природных закономерностей; любое «учение» между тем номотетично, стремится сжать и без того ограниченное внеприродное пространство человека, регламентируя его. Вопрос в том, как именно обрести максимум возможностей созидательной активности человека, преобразуя деструктивный характер индивидуального, группового и общечеловеческого я. Осмысление этого вопроса в значительной мере остается задачей философии будущего.

Физическая эволюция человека, т. е. человека как тела, в значительной степени завершена. Идет эволюция духа. Многие исследователи отмечают, что «поначалу религиозное развитие двигалось вперед главным образом биологическими факторами, в дальнейшем культурными» [23, 40]. Во всяком случае, можно согласиться с положением, что скорость органической эволюции куда меньше, чем культурной. При этом важнейшим «мотором», а также тем, в чем, собственно, и происходит эволюция духа, эволюция культуры, является религиозное творчество, обретение новой по характеру веры и нового предмета веры. И «стадии» в культурном развитии человека есть смена религиозных систем.

В юности я думал, что религией, выражающей более высокую стадию эволюции человеческого духа, должна стать философия, эта «религия творческого думающего человечества», которая вдобавок еще и «царица наук»; что новая религия, новая вера, спланивающая человечество, будет философией. Но надежда, что уровень сознания человечества настолько серьезно поднимется, утратилась вместе с обретенным жизненным и духовным опытом. Возникнув два с половиной тысячелетия назад в Греции, вероятно также в существенно отличных формах, в Китае и Индии философия так и не смогла и не может вытеснить религию, будучи явлением элитарным, по-существу своему индивидуалистическим.

В переписке с современным немецким философом, не нашедшим себе места в университете и ставшим предпринимателем, работающим в системе контроллинга в интересах немецкой железной дороги доктором Стефаном Фольком, я затрагивал вопрос о соотношении философии и веры. Моя попытка вывести из веры все содержание духовного опыта человечества натолкнулась на сопротивление. Если уж что-то и признать исходным и ведущим в человеке, по убеждению Фолька, то это мышление, этокритическое исследовательское отношение человека к себе и миру, именно мышление — антропологический абсолют. Такой стихийный аристотелизм нельзя не признать вечной философской тенденцией. Однако идея бесконечного мыслящего себя мышления, сама по себе монументальная, ведет философа лишь в башню из слоновой кости, из которой его никто не услышит. И философ сам себя перестает слышать.

Сегодня философы не должны устраняться от политики. Мученическая смерть Сократа была политическим событием, и она вдохновила юношу Платона на написание своих диалогов. По убеждению Альберта Швейцера, плохата философия, которая не может стать популярной философией, не популистской, но популярной. Любому обществу нужны люди, способные на гражданский поступок, и философы должны быть и будут такими людьми. Когда-то Генри Торо пришел в полицейский участок и заявил, что не будет платить налоги, пока не отменят рабства; конечно, его посадили в тюрьму. Надо внутренне быть готовым на почти неизбежный конфликт с «обществом». Америка избрала чернокожего президента. И ныне философы могут что-то сделать, и наши идеи все же могут быть услышаны. Мы должны неустанно пропагандировать образ философии как очень нужного дела. Более того, сегодня философское сообщество, в той полумертвой форме, в какой оно существует, катастрофически нуждается в конвертируемых идеях, в людях, способных эффективно позиционировать дело философии, попросту находить для философов деньги.

При этом мы должны исходить из того, что собственно философия всегда будет достоянием горстки людей, и ее реальное влияние в любом обществе, так же как и в человечестве в целом, останется не очень значительным. Философия была и останется делом дисциплинирующей себя мысли, а значит, делом смирения, делом речи, окаймленной молчанием. Судьба философа — провести свою жизнь в глубочайших, как правило горестных, раздумьях о границах своего «я», о судьбах своего народа, своей эпохи, о судьбах человечества, частью

которого философ является и горизонты мировидения которого до некоторой — каждый раз индивидуальной — степени одолевает, обретая свою настоящую, небесную родину в собственно мысли. Быть философом — значит поступать так, чтобы поступок вырастал из выстраданной опытной мысли.

Существует представление, что религиозное мировоззрение преодолевается философским как более зрелым. Данное положение верно. Но это преодоление осуществляется лишь в сознании философа-одиночки. Большая же общность людей никогда не будет философствовать. Последнее есть дитя свободного времени, специфических усилий и подготовки. Не составляет труда проанализировать, как быстро философские школы перерождались и перерождаются в политические партии или религиозные общности, когда обретают более-менее массовый характер. Там, где философия становится школьной, ее творческий дух затухает.

Религия — это не «теория», но самозабвенность самой жизни в Духе: первая «особенность» религии — в ее первозданности. Именно религия обладает необходимой для решительных изменений наличного бытия витальностью; дух смело вторгается в жизнь, разверзая и преображая земную твердь. Люди мужей веры шли в отдаленные закоулки планеты, поворачивали сибирские реки, покоряли космос, они создают новые парадигмы в науке и большое «боговдохновенное» искусство... И именно религия выполняет важнейшую для человека духовную функцию, помимо объяснительной, — функцию спасения.

Философия не может спасти нас. Философия объяснит человеку, что он «сидит в дерьме», иногда призовет его к «самостоянью», иногда отнимет утешение, даруемое религией. Мой друг ходил на лекции Владимира Бибикина, но В. Бибикин не давал ему жизненных правил, не указывал, как ему вырваться из общежития в отдельную, пусть крохотную, квартирку и накормить детей, ни даже как ему передвигаться по Москве. А вместе с тем для него, философа, все — и ходить пешком по Москве — было философской проблемой, ведь он с восьмилетнего возраста незрячий. Вы скажете на это, что философия В. Бибикина «просто плохая философия». Главное, однако, не в несовершенстве частного случая — и в самом деле по существу беспомощной философии В. Бибикина, а в том, насколько, в какой мере человек в целом является «слепым», насколько он не может обойтись без «посоха».

Что же это будет (может быть) за религия, которая нас спасет? Таков сегодня основной философский вопрос. И будущее философии как профессиональной институции связано с возможностями вызревания философии, отпущенными тем общим социально-духовным образованием, каковым явится новая религия.

1. Ф. Геббель когда-то заметил, что та вера наилучшая, в которой человек получает как можно больше, а Бог как можно меньше. Прозорливость суждения Ф. Геббеля: такой религией будет антропотеизм, религия человекобожества. Иными словами, Богом новой религии будет в той или иной мере сам человек. Едва ли не первым систематическим антропотеистическим учением в европейской философии было учение Л. Фейербаха, которого можно назвать

дедушкой современного антропотеизма. Те формы антропотеизма, которые мы знаем из недавнего прошлого, в частности обожествление человеческого коллектива в коммунизме или расы в нацизме, были, конечно, ложными, продемонстрировали распад человека и, как следствие, многочисленные попытки «возвращения к истокам», прежним формам религиозности. Нынешние философские искания простираются от примитивного прометеизма до изощреннейших метафизических концепций, обосновывающих соразмерность Бога и человека, и, надеюсь, позволят концептуализировать антропотеизм возникающей новой религии.

2. Можно также с уверенностью сказать, что новая религия должна быть более философской, иными словами, более умной, чем прежние, более опытной, более зоркой. Перспективы философии связаны с приданием новой религии названных свойств. Мы живем ныне в мире, требующем более «тонкой» настройки. Человек будущего будет интеллектуальнее, или он просто убьет сам себя.

3. Гуманистическая идея, глубоко потрясенная в своих основах торжеством тоталитарных режимов в недавнем прошлом, должна обрести новые формы. Честь, совесть, справедливость, сострадание, достоинство личности... По-человечески «вечные» представления новая религия наполнит новым содержанием.

Предвестником современных форм гуманизма, попыткой более существенного, острого раскрытия гуманизма явилась философия Эммануэля Левинаса, выросшая из его опыта пребывания в лагере смерти. Если в учении Э. Левинаса намечена новая, ранее человечеством не достигнутая ступень обоснования гуманистических ценностей, что показывает сравнение, например, антропологических воззрений Э. Левинаса и А. Швейцера, то учение современного российского мыслителя Валерия Кувакина, как и учение Альберта Швейцера, состоялось в качестве попытки претворить их в жизнь, т. е. создать соответствующее политическое движение [6]. Движение «светского гуманизма», возглавляемое ныне В. Кувакиным, представляется одной из немногих здоровых тенденций современной российской философии. Задача новой религии — творчески обновить человечность человека.

Сущностно осмыслив, вобрав в себя опыт концлагерей, нефигурально выражаясь, наследия наших дедов и прадедов — недавнего господства тоталитарных деспотий, мы уже не можем более оставаться на позициях старого «классического» гуманизма. В свете опыта XX в. Лессинг, Шиллер, Гете... безнадежно устарели, трогательно наивны и смешны. Но гуманистическая культура — это не «миф», не романтическая «иллюзия». Если уж назвать гуманизм мифом, то это миф проживаемый, это реальность добра, реальность жизни очень и очень многих людей, исполненных сострадания к своим ближним, воплотивших в себе опыт взаимопомощи, деятельного осуществления «гуманистических идеалов». Специфический опыт русской «интеллигенции», духовного творческого существования «на краю», в общем поиске нового гуманизма оказывается весьма кстати.

4. Одна из насущных задач современной мысли — привести в соответствие техническую вооруженность человека с уровнем его сознания. Не случайно

«вопрос о технике» оказался в центре внимания множества современных мыслителей самой разной ориентации. Вместе с тем почти всегда перед нами опыт осмысления техники «извне», когда она не становится частью «самой жизни» человека — религией. Призываю познакомиться, например, с ярким, хотя еще находящимся в ощутимой зависимости от экзистенциального феноменологизма М. Хайдеггера, «архивангардным» учением нижегородского философа Владимира Кутырева [7]. Заслуживающая внимания, хотя и неудачная, попытка создания новой религии принадлежит Станиславу Лему с его «Суммой технологии». По всей видимости, Ст. Лем до некоторой степени осознавал себя пророком: теологическая самотрактовка поставленной задачи видна даже в названии книги, отсылающем нас к средневековым христианским «Суммам».

5. Еще один императив современности — обращенность человека к природному началу вне его и в нем самом. Новая религия будет «экологической». Великие интуиции даосизма, дзен-буддизма и др. дают обширный материал размышлениям о формах, в которых человек мог бы соединить поступательность своих усилий по очеловечиванию себя, по очеловечиванию мира с бережным отношением к природному миру. Сложнейшая задача современной мысли — раскрыть «экологизм» не на пантеистической основе соотношения бренного и вечного, но, возможно, не без некоторых элементов гилозоизма, сформировать здоровый антропoteистический взгляд на природу.

6. Новая религия, по всей видимости, будет космополитической. Идея космополитизма как идея «общего дома» — всей нашей планеты, как известно, насчитывает уже многие столетия, начиная от великих империй древности, мысливших себя всей ойкуменой и/или стремившихся поглотить всех «варваров», проведя их «окультуривание». Систематическая проработка космополитизма осуществляется сегодня в рамках так называемой межкультурной философии. Вторая ступень развития космополитизма — идея всеобщего, галактического и вселенского дома, первые подступы в разработке которой пока лишь в современных футуристических теориях, в научной фантастике. Если состоится наша встреча с «инопланетным разумом», она будет иметь, по всей видимости, радикальные последствия для судеб человечества и найдет соответствующее выражение в новой религии.

Думается, что в процессе формирования новой религии будет иметь огромное значение не столько плодотворное переосмысление наличного опыта человечества, но что-то собственно новое, например уже названная возможность встречи с «инопланетным разумом».

Два величайших общественных эксперимента XX в., опиравшихся еще на программы века XIX, учения К. Маркса и Ф. Ницше, потерпели неудачу. Индивидуалистическая религия Ф. Ницше предстала в разрушающей человека идеократии нацизма, коллективистская религия К. Маркса — в не менее разрушительной теории и практике «реального социализма». Но обнажившееся тем самым в человечестве глубокое беспокойство, освоение уроков прошлого подготовило ныне почву для новых культуросозидающих инициатив — рождения новых пророков. Новая религия родится или уже родилась, по всей видимости,

как это всегда бывало и ранее, на периферии культурного мира, и ее приверженцы нам, «старым культурным народам», как когда-то первохристиане, почти наверняка будут казаться дикарями.

Если данное предположение верно, то новая религия родится вдали от мессианской идеи (иудаизм, христианство, ислам). Более того, в наши дни мессианская идея как положение о некоем «избранном» народе, классе, нации, ведущих человечество куда-то, например к «новой религии», особенно *опасна*. Новая религия — созидание осмысленной и достойной человека жизни — будет *синтезом* предшествующего опыта человечества.

Мне кажется принципиальным размежеваться и с идеей счастья, и вообще «окончательного спасения» как возможными результирующими магистральными идеями этой новой религии. Новая религия скорее, напротив, будет неким окончательным «избавлением» человека (от земных страданий и т. п.), но воспроизводством той борьбы, противоречий, всего того, что было, есть и будет в человеке, и мучительной его разорванности, и смертности, и жажды бессмертия.

Представлению о необходимости создания новой религии как ответу на переживаемый сегодня человечеством глубокий кризис противостоит концепция «эволюции религии». Она широко представлена в самых различных ныне влиятельных религиях и во всех основных направлениях христианства. В православии она отстаивается, в частности, кандидатом богословия отцом Новиком, в католицизме — кандидатом теологии отцом Тадеушем Бэнешем, в протестантизме — гиссенским священником габилитационным доктором теологии Вольфгангом Ахтнером. Суть данной позиции в том, что христианство может ответить на все вызовы современности. Не надо «изобретать новую религию», а надо — и можно, и необходимо — в рамках христианства достойно ответить на все вопросы, принять все вызовы, задаваемые современностью [21; 22, 121–137]. Мне выпало счастье в разные годы близко общаться с названными мною выше высокообразованными, нравственно чистыми, прекрасными людьми. Отстаивая идеал философии как бездонной свободы и предельного бесстрашия, я с немалым удивлением наблюдал в этих людях гармонию религиозного служения и большой внутренней свободы. В их философско-теологических конструкциях в той или иной мере выражена попытка гуманизировать христианство, которую со стороны философии можно приветствовать.

Классическим образцом эволюционирующего христианства является теологическая система П. Тиллиха, по своему значению сопоставимая с системой Аврелия Августина для первых веков христианства, системой Фомой Аквинского для расцвета христианства и, на мой взгляд, выражающая завершение христианской эпохи [15].

Не беря на себя задачу всестороннего обоснования данного тезиса, отмечу, что сегодня названные мной выше богословы среди христианских священнослужителей в меньшинстве. В христианстве быстрыми темпами происходит нарастание фундаменталистских тенденций, связанных отчасти и с тем, что в развитых обществах «старой культуры» оно быстрыми темпами ослабляет свои позиции, перемещаясь в так называемые развивающиеся страны. Во-вторых,

представление об «эволюционирующем христианстве» возникло в значительной степени как ответ на вызовы философских учений — созидательных мировоззренческих альтернатив христианству, как результат библейской критики, начала которой были заложены еще Б. Спинозой. Современные обновленные формулы христианского вероучения показывают христианство как «Trittbrettfahrer», учение с иссякающим творческим потенциалом, в основаначалах исчерпанное. На доктринальном уровне современное нам христианство есть мировоззрение «догоняющего развития».

Я ни в коей мере не разделяю максималистскую идею все «рушить до основания», подталкивать к пропасти падающего. Огромный — как гуманистический, так и человеконенавистнический — потенциал ныне существующих религий далеко не иссяк полностью, и они будут существовать параллельно с новой религией, вероятно, подобно тому, как иудаизм сосуществует уже два тысячелетия с возникшим после него христианством.

Можно более-менее обоснованно предположить, что на протяжении одного-двух следующих веков христианство сколлапсирует так же, как это в I–II вв. нашей эры случилось с иудаизмом, и превратится в огражденную со всех сторон крепость нерушимой веры. Главным фактором окажется одичание нынешних центров старой культуры и почти повсеместное нарастание фундаментализма (мракобесия), феномен которого еще недостаточно исследован (хочется сказать — расследован) современным религиоведением.

Основным оппонентом нарождающейся религии, как и в первые века христианской эры, по всей видимости, будет стоицизм. В этой связи обратимся к характерному выражению стоической философии в нашу эпоху — философии Валерия Финогентова [17–19]. В. Финогентов говорит о «хрупкости» человеческой жизни и о нерушимом спокойствии «у бездны мрачной на краю»; отсюда повсеместные мотивы ковки характера на наковальне жизни, стойкости перед напором нашего — жесточайшего — мира, неумолимостью судьбы и неотменимостью смерти. Если древний, современный расцветающему христианству, скажем так, классический стоицизм допускал веру в богов, то ныне, более последовательный, стоицизм не знает и не хочет знать никакого утешения в виде какой-либо внешней, тем более трансцендентной, силы, это позиция без упования. Стоицизм — это вечная философия «тертых калачей», «стреляных воробьев», «крепких орешков», людей «заматерелых», прожженных, прокрученных в мясорубке жизни, прошедших горнило страдания. Стоицизм — это философия убежденного отчаяния.

Стоицизм — как любая философия — это позиция одиночки, поднявшегося над среднеобычным и нормальным состоянием человека-рода. И названная философская позиция является в этом смысле одной из самых «философских». В целом же люди не могут не относиться к жизни «слишком по-человечески»: и не в состоянии вынести испытаний судьбы, и сами испытания судьбы «с фаларийской силой» часто ко многим просто не приходят, а если уж пришли, то и тут и там люди не развивают стоическое мировоззрение, а просто превращаются в «кашу». В силу данных причин и нестоицизм нынешнего дня не может стать масштабной альтернативой новой религии, но в рамках порождаемого

новой религией нового общества будет оставаться ее периферийным философским «моментом».

Диалог новой религии с эпикурейцами отчасти напоминает историю в «Таис» Анатоля Франса. Современный эпикуреец — это философ Михаил Блюменкранц [1], в сравнении с которым провозвестник новой религии не кто иной, как «дикарь» Пафнутий. Михаил в разговоре со мной как-то назвал себя «патологоанатомом современной культуры», однако вывод о смерти культуры, так же как и о смерти философии, представляется поспешным. Гибель античного полиса когда-то тоже казалась концом мироздания. Из него, однако, выросла философия Платона, систематическое конструирование «мира иного»!.. Мне порой кажется, что гениальный труд О. Шпенглера был и остается таким могучим вирусом, запущенным того не осознававшим автором в «программу» культуры. Ибо хорошие книги — книги не просто честные, хорошие книги дарят человеку надежду. «Коллапс культуры», в условиях которого философы суть «динозавры, обреченные вымереть», это, во-первых, *не* ситуация всех ныне в человечестве существующих культур; во-вторых, *не* ситуация общечеловеческой культуры (ее пока просто нет); в-третьих, *не* неотвратимый процесс.

Как и в древнем эпикуреизме, в философии М. Блюменкранца, в сущности, нет онтологии; перед нами, выражаясь новомодным сленгом, скорее экзистенциальная аналитика. Современный видный историк западноевропейской философии однажды охарактеризовал мне социальное положение нынешнего успешного гуманитария как «грантье». В философии Михаила Блюменкранца, однако, перед нами более старый, классический, монтене-шопенгауэровский образчик философа-рантье. Это вариант, возникающий из чистой любознательности чистой теории, воплощение хотя и наполненного этическим пафосом, но в общем-то праздного мышления, избранного для интеллектуального удовольствия.

Иными словами, философия М. Блюменкранца — мировоззрение современных эллов, духа созерцательности и отрешенности все еще не утратившей вкус к метафизике части современной элиты и богемы. И М. Блюменкранц *любуется* своим этическим пафосом. Таковой была культура рабовладельцев-крепостников, парадоксальным образом составлявшая для нас, университетских преподавателей философии, которые сами находились на положении полурабов в современном российском обществе, основу еще школьного образования. Я имею в виду философию Петра Чаадаева и славянофилов, творчество Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Тютчева, Л. Толстого и др. Невписываемость воспитанной в нас этой культурой представлений о жизни в происходящее порождает специфическую внутреннюю надломленность российской интеллигенции: свободный светлый дух, находящийся в тисках полурабского социального положения, не может стать основой конструктивной жизненной программы.

Парадоксальность ситуации в том, что неостоицизм может быть другом нарождающейся религии, являясь ее основным оппонентом, в силу стойкости обеих жизненных позиций, а эпикуреизм — нет, являясь вечной философией декаданса, или, попросту, нытья.

Если так случится, что философии придется уйти из университета, она, по всей видимости, перестанет быть явлением, рождающим «толстые книги», но может продлиться в иных качествах. Человечество знало и еще худшие для философии эпохи, чем наша: пособие по безработице или забытость «сотрудника 31-го отдела» в современном западном обществе все-таки не хавка в сталинском лагере, и в печи Дахау или Бухенвальда оказаться — все же не на нищенскую российскую преподавательскую зарплату жить...

Современный вариант кинической философии представлен в своего рода библии нестяжательства Александра Секацкого и его «изысканиях» [11]. Покинуть «зону действия гравитации потребительства», отказаться от «гниета денег» и тем самым обрести подлинность существования призывает нас А. Секацкий, но что же это, в сущности, значит? Это значит, что нужно идти ночевать в подземный переход. Пошлость данного высказывания, возможно, будет резать слух противников кинизма, как когда-то у современников возмущение вызывало поведение Диогена и его последователей. Однако универсальная сила цинизма состоит в его стремлении расставить точки над «i», что может быть названо вечным наследием философии киников. Киническая философия университетского преподавателя А. Секацкого очень аутентична сегодня, ведь в наши дни действительно университетская наука, как и философия, оказалась на «обочине жизни», так называемое философское сообщество сегодня — это «униженные и оскорбленные».

Итак, кинизм — жизненная позиция человека на обочине жизни, и при этом счастливого. Но кинизм всегда означает отказ от «груза старой культуры», потому неизбежны его периферийный характер, его специфическая элитарность — элитарность горстки высоколобых босяков.

Что же касается скептиков, они всегда самые «мертвые» из умирающих. Скептицизм представлен сегодня в многочисленных вариантах деконструкции, концептуализма, постмодернизма. Конечно, не случайно в наши дни популярны мыслители типа Сиорана, рассматривающие историю как сплошную череду заблуждений и ратующие за безразличие скептицизма. Но никогда не бывает так, чтобы в каком-то масштабном духовном явлении был лишь один негативный материал: и из опыта нацизма и коммунизма можно вынести немало поучительного. Осуществляемые «Дерелезом» и его последователями доразвал, доразрушение старой культуры, вернее ее остатков, дают определенную расчистку «пространства свершения» еще не родившейся культуре, и в этом смысле постмодернизм (скептицизм) выполняет свою похоронную и пропедевтическую функцию. Ответ безмыслию и бессилию скептицизма есть, ответ современному скептицизму может быть и будет: поступок — мученический опыт, *подвиг служения* новых приверженцев новой религии.

Как мы видим из приведенных соображений, неокинизм не может стать философией возрождения философии и философского сообщества ввиду его «окраинности», неостоицизм — ввиду чрезмерных требований к человеку, скептицизм — в силу его бессодержательности, эпикуреизму же суждено остаться философской пищей для изнеженных аристократов и баловней судьбы.

Отметим и многочисленные попытки филологизации философии. Отсутствие «собственной концепции», а также основательное филологическое образование как у Владимира Бибикина, так и у Игоря Смирнова ведут к тому, что обилие высказанных ими глубоких мыслей, мудрых соображений, острых наблюдений имеет отчетливую тенденцию к филологизации мышления. Вспоминается шутка А. Чанышева, что «филология — любовь к слову, философия — любовь к мудрому слову». Как будто философия и в самом деле часть филологии. Но слово философии есть слово о мире и лишь пропедевтически слово о слове. Отчасти отдавая себе в том отчет, и В. Бибикин написал не только «Язык философии», но и попытался создать свой «Мир» [2, 3], и И. Смирнов в своих последних книгах разбирает категории, в «Очерках» это категория «начала», в «Кризисе современности» — категория «спасения», которые, каждый из ключей на свой лад, оказались бы ключами к миру [12, 13]. Но, не будучи вполне в силах выйти из мира слов «в мир», отмеченные попытки живописуют вечное бессилие кабинетных ученых что-либо всерьез изменить в происходящем.

Говоря о перспективах философии, не обойдем вниманием и идею возможности нового, более зрелого, нежели религия и философия, духовного образования, что именно оно, а не «новая религия» придет, должно прийти на смену ныне существующим духовным образованиям, и ему уготовано великое будущее. Может быть, где-то в зачаточных формах данное духовное образование уже существует и нужен лишь новый Пифагор, который когда-то ввел слово «философия», чтобы наконец зафиксировать в слове это новое образование, отвечающее умонастроению нынешней и будущих эпох. Возможно, и люди будут вскоре жить в среднем по двести-триста лет и дольше. Тогда трансформации человека будут носить столь радикальный характер, что вопрос о перспективах философии будет стоять совершенно иначе, нежели в данной статье.

До сего дня человечеству неизвестно ни одно общество без религии, но насколько ныне вероятно, что исторически существующая возможность рождения *новой* религии будет осуществлена? Все мы знаем, что наша планета стала маленькой, обзримой и она переполнена смертоносным оружием и уже перенаселена, современная цивилизация разнузданного потребления привела человечество на грань пропасти. В том что касается климатических изменений, вызванных жизнедеятельностью человека, «точка невозврата», по всей видимости, уже пройдена... Изнеженный и развращенный современный человек при этом не хочет ничего слышать, убаюкивая себя сказками о грядущем обществе всеобщего рынка, ведущего к невиданному благоденствию и демократии. Вполне возможно, что для рождения новой религии понадобятся грандиозные войны, природные катастрофы, которые приведут к гибели трех четвертей ныне существующего человечества, однако я верю, что новая религия, которая откроет для нас и наших потомков возможность и дальше осмысленно и достойно прожить жизнь, родится.

Образ «профетической философии» в российском интеллигентском сознании укрепился особенно сильно. С одной стороны, это говорит о невычлененности собственно философии — профессиональной мыслительной деятельности, и

в этом смысле незрелости культуры. Вместе с тем хочется выразить осторожные надежды, что как раз Россия могла бы стать местом рождения новой религии. Первых русских интеллигентов, нестяжателей, иосифляне, как известно, сжигали в деревянных клетках. Но великий опыт русских интеллигентов и Средневековья, и всех последующих эпох многострадальной российской истории завораживает все новые поколения людей мистической силой. Может быть, как раз из этой силы родится новая религия, созидая новые смыслы и тем самым продлевая осмысленное бытие человечества и тем самым открывая новые перспективы философии? Оразумить, гуманизировать, экологизировать... новую религию.

В пространстве современных попыток дать ответы на «вечные вопросы», стоящие перед человеком, в освоении судеб духа в нынешней духовно-исторической ситуации особое значение приобретают религиоведческие исследования. Отметим, в частности, труды сотрудников кафедры религиоведения Уральского госуниверситета, опирающиеся на глубоко фундированную методологическую базу, разработанную Даниилом Пивоваровым [8, 9]. Религиоведение поставляет в наше распоряжение конкретный инструментарий анализа, выявления новых религиозных образований, в том числе самых неожиданных и экзотических. Религиоведение философское, т. е. имеющее основательное онтологическое и гносеологическое ядро, должно стать приоритетным направлением в современной гуманитаристике.

Завершая череду историко-философских упрощений, попытаюсь втиснуть и мой «Путь к себе» [14] в общую картинку, ведь в обрисованной «палитре» мировоззренческих исканий еще много незанятых «ячеек». Попытка создания новой религии здесь не удалась, но неродившаяся новая религия указывает нам в этом «документе эпохи», кажется, на некоторые неожиданные повороты мысли, тупики и подступы к неизведанному. Вместо новой религии в очередной раз получилось то, что греки называли «хюбрис»: оказалось возможным не столько даже глубже продумать, сколько экзистенциально исследовать, «прожить» данную духовную установку. Мой приятель, специалист-исследователь поздней Античности, прочитав книгу, сказал мне: «Живи Вы в мою эпоху, были бы гностиком». Лишь на первый взгляд гностицизм предстает нелепицей или благолепной болтовней, это чистый вариант философии «не от мира сего»; напрасно тут искать аналогий с «этой жизнью»: весь его путь осуществляется «в чистом духе». Гностицизм — вечная философия издававших «последние тайны мироздания». Если попытаться быть методологически точнее, гностицизм — это не философия, не любомудрие, но духовный путь глубиннейшего изыскания, отверзающего врата неизведанного, для чего не может быть слова. Не пытаюсь, подобно философии, запечатлеть бесконечное в конечном, но, напротив, стремлюсь разорвать путы конечного — проступая сквозь слово, сквозь смысл, гностицизм тем самым нередко изменяет логосу и софии.

Наша земля вращается вокруг своей оси, вокруг Солнца и иных светил, мы вспоминаем наших предшественников, консерваторов, мерзавцев, вспоминаем и революционеров Духа, интенсивно вглядываемся в необъяснимо таинствен-

ный мир и идем навстречу будущему неизведанному. Путь к созиданию новой религии остается...

1. *Блюменкранц М. А.* В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта. Киев ; Харьков, 2007.
2. *Бибихин В. В.* Мир. Томск, 1995.
3. *Бибихин В. В.* Язык философии. М., 1993.
4. *Красиков В. И.* Конструирование онтологий. Эфемериды. М., 2007.
5. *Красиков В. И.* Экстремизм. М., 2009.
6. *Кувакин В. А.* Личная метафизика надежды и удивления. М., 1993.
7. *Кутырев В. А.* Бытие или ничто. СПб., 2010.
8. *Пивоваров Д. В.* Онтология религии. СПб., 2009.
9. *Пивоваров Д. В.* Статьи // Современный философский словарь. М. ; Бишкек ; Екатеринбург, 1998.
10. *Свасьян К. А.* Европа. Два некролога. М., 2003.
11. *Секацкий А. К.* Дезертиры с Острова сокровищ. СПб., 2006.
12. *Смирнов И. И.* Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб., 2006.
13. *Смирнов И. И.* Кризис современности. М., 2010.
14. *Соскин В. А.* Путь к себе. Уфа, 2002.
15. *Тиллих П.* Систематическое богословие. СПб., 1998.
16. *Тиллих П.* Систематическая теология. М. ; СПб., 2000.
17. *Финогентов В. Н.* Введение в философию. Орел, 2007.
18. *Финогентов В. Н.* ...И ропщет мыслящий тростник. Уфа, 2000.
19. *Финогентов В. Н.* Религиозный Ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.
20. *Хоружий С. С.* О старом и новом. СПб., 2000.
21. *Achtner W., Kunz St., Walter T.* Dimensionen der Zeit. Die Zeitstrukturen Gottes, der Welt und des Menschen. Darmstadt, 1998.
22. *Achtner W.* Plädoyer für eine «Theologie der Herausforderung» // Theologie und Kirchenleitung. Festschrift für Peter Steinacker. Marburg, 2003.
23. *Bischoff J., Engeln H.* Wie der Glaube in die Welt kam // GEOkompakt. № 16.

Рукопись поступила в редакцию 20 октября 2010 г.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.74 + 316.2 + 316.3

О. В. Павенков

НОРМАТИВИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Э. ДЮРКГЕЙМ, М. ВЕБЕР И Т. ПАРСОНС)

Статья посвящена историко-социологическому теоретическому изучению проблемы ценностей и ценностных ориентаций. Представлены социологические воззрения на ценности классиков социологии Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса. В результате анализа взглядов данных социологов была выявлена специфика социологического подхода к ценностям и ценностным ориентациям. Новаторским является проведенный сравнительный анализ взглядов Т. Парсонса и М. Вебера на ценностную проблематику. В статье рассмотрен методологический базис социологического подхода, состоящий в сочетании «отнесения к ценностям» и «свободы от оценки».

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценностные суждения, отнесение к ценностям, свобода от оценки, идеал, реальность *sui generis*.

Понятие «ценность» является предметом изучения многих социогуманитарных наук — философии, психологии, культурологии и др. В рамках данной статьи автор делает попытку проследить основную канву понимания ценности у классиков социологии Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса и выявить специфику социологического подхода к изучению ценностей.

Э. Дюркгейм свои взгляды на ценности наиболее четко и лаконично изложил в докладе на Международном философском конгрессе в Болонье, названном «Ценностные и “реальные” суждения». В этой небольшой работе он попытался классифицировать различные точки зрения на то, что есть ценность. В соответствии с первой точки зрения ценность вещи — «простая констатация впечатлений, производимых вещью в силу ее внутренних свойств» [3, 288]. Например, жизнь есть ценность, так как человек — живое существо. Однако

данный подход не учитывает многообразия человеческих чувств и представлений. Поэтому концепцию Дюркгейма можно отнести ко второму подходу: ценностные «суждения соответствуют какой-то объективной реальности, на которой может и должно основываться согласие. Именно такую реальность *sui generis* образуют ценности, а ценностные суждения суть те, которые относятся к этой реальности» [3, 288]. То есть ценность вещи связывается не с какими-либо внутренними ее свойствами, а с некоторым идеалом, святыней. По Дюркгейму, социологический подход к ценностям состоит в том, что «ценность при этом создается тем, как вещь влияет на коллективного, а не на индивидуального субъекта» [Там же, 290], что исключает из этого понятия субъективный момент, так как «оценка объективна уже благодаря тому, что она коллективна».

Ценность, по Дюркгейму, не имеет своим источником вещь, она независима от нее. Значит, ценности и идеалы являются критерием вещей. Но тогда что или кто является ее источником? Дюркгейм пишет: «...идеальное не находится в услужении у реального, оно существует для себя самого; поэтому интересы реальности не могут быть его мерой» [Там же, 294–295]. Однако данное суждение вызывает у Дюркгейма ряд вопросов: «Ценность, приписываемая таким образом идеалу, сама по себе не объясняется... Но вне реального где можно найти материал, необходимый для какого бы то ни было объяснения и откуда берется то, что у человека одновременно есть потребность и средство возвышаться над реальным, добавлять к чувственному миру иной мир, в котором лучшие из нас видят свою настоящую родину?» [Там же, 295]. Эти вопросы разрешаются теологией, постулирующей абсолютность, объективность, надбытийность, неизменность и нераздельность Идеала.

Критикуя «подобие ответа», даваемое теологией, Дюркгейм говорит об изменчивости и разнообразии идеалов и задает ей вопрос: как объяснить изменения идеалов, если идеал выражает одну и ту же неизменную реальность? Проблема тут в том, что существует терминологическая путаница: если мы считаем идеал объективной реальностью, а с другой стороны, мы говорим о его изменчивости, разнообразии, что выступает характеристикой субъективности, то получается, что мы обозначаем одним и тем же термином «идеал» как некий объективный факт, так и наше представление об этом факте. Это проблема была блестяще решена И. Кантом через введение понятий «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас».

Э. Дюркгейм, говоря о разнообразии, изменчивости, зависимости от общества, имел в виду характеристики ценностных ориентаций и идеальных представлений, так как именно они могут быть познаны методами науки. Когда же он говорит о реальности особого рода, имеется в виду собственно ценность. В таком понимании вполне ясно дюркгеймовское определение идеала: «Идеалы же (идеальные представления. — *О. П.*) — это просто идеи, в которых изображается и обобщается социальная жизнь в том виде, как она существует в кульминационных пунктах своего развития» [Там же, 300]. Сам идеал описывается Дюркгеймом следующим образом: «Но идеал — это не только нечто недостающее и желаемое... Он своеобразен и обладает собственной реальностью» [Там же, 300].

Таким образом, Дюркгейм решает дихотомию ценностных и «реальных» суждений в понятии «идеал»: «Ценностные суждения опираются на идеалы. Но так же обстоит дело и с “реальными” суждениями. Ведь понятия — это также порождения духа, следовательно идеалов» [3, 302]. Более того, именно в идеале Дюркгейм видит своеобразный предмет социологии: «Социология, таким образом, изначально расположена в области идеала; она не приходит к нему постепенно, в результате своих исследований, а исходит из него. Идеал — это ее собственная сфера» [Там же, 304]. Понимая идеал как систему ценностей, Дюркгейм видел в нем его социальное содержание, его потенциал влияния на социальную жизнь людей. Итак, в соответствии с подходом Э. Дюркгейма идеалы и ценности составляют один из возможных предметов социологии, что делает и эту науку «позитивной».

Несмотря на большой вклад Дюркгейма в разработку социологической теории ценностей, первым социологом, который ввел проблему ценностей в социологию, был М. Вебер. М. Вебер в «понимающей социологии» связывал ценности со «смыслом», являющимся ключевым понятием в понимании человеческих действий и человеческой культуры. В данном случае само понятие «смысл» употребляется в расширительном виде: смысл как «смысл жизни» и «смысл мира». С точки зрения М. Вебера, ценность — это норма, которая имеет определенную значимость для социального субъекта. В этой связи он особо подчеркивал роль этических и религиозных ценностей в развитии общества. Именно М. Вебер впервые задал вопрос о том, каковы собственные этические установки и ценностные ориентации самих социологов, изучающих совершенно различные ценностные ориентации общественного мнения. Макс Вебер, отвечая на этот вопрос, утверждал, что нравственные ценности отдельной личности выступают единственным гарантом этического в культуре. Вместе с тем Вебер обратил внимание на то, что ценностная индифферентность (безразличность) и неограниченное применение девиза «Живи и давай жить другим» могут стать опасными при либерализме, который противопоставил догматическим ориентациям лишь субъективность и скрытый эгоизм.

В «Протестантской этике и духе капитализма» М. Вебер подчеркивал важное значение этических ценностей протестантизма для развития «капиталистического духа». Согласно Веберу протестантизм является мотивирующим фактором активной жизнедеятельности во всех сферах жизни личности. Христианство дает человеку «ценностно-рациональные» стимулы к дисциплине и труду. М. Вебер показал, что мотивация может основываться не только на идеологических, но и на религиозных ценностях. В Западной Европе это протестантские ценности, повлиявшие на формирование капитализма.

Кроме того, М. Вебер одним из первых затронул вопрос о соотношении науки и ценностей. Конечно, как правило, научная деятельность ученого носит целерациональный характер. Однако, по М. Веберу, это не означает, что ученый не должен опираться на определенные ценности и моральные нормы, хотя бы потому, что конечная цель ученого — Истина, которая является для него не чем иным, как ценностью. С одной стороны, принципы науки требуют, чтобы все оценочные суждения ученого не вторгались в его исследования, т. е. чтобы

он не выражал в них свои эстетические или политические вкусы. Но, с другой стороны, интерпретации и объяснения, которые дает ученый, в том числе социолог, закономерно ориентированы в своих интересах на воплощение тех или иных ценностей и, как правило, Истины. То есть каждый человек, а значит и ученый, объективно является «ценностным существом», а следовательно, не может избавиться от так называемой «субъективности» интерпретации. Его «субъективность» обусловлена ценностью, на которую осознанно или неосознанно он опирается. Сам его научный интерес не может быть случайным, он сложился на основе предпочтений, за которыми стоит ценность.

Социологи трактуют понятие М. Вебера «свобода от оценок» как свободу от ценностей, что в сущности не верно, так как сам М. Вебер под оценкой понимал «практическую оценку доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения» [1, 547]. То есть речь не о ценностях как таковых, а именно о политических, религиозных и эстетических пристрастиях ученого, эмоционально окрашенном отношении к этим ценностям. М. Вебер значительно ограничивает, но все же допускает выражение тех или иных практических ценностей в научно-преподавательской деятельности. Более того, он говорит о необходимости ведения специальных «дискуссий о ценностях», целью которых является «постижение того, почему и в чем согласия не может быть» [Там же, 561].

Дискуссии о ценностях для Вебера «и есть постижение истины» [Там же]. Вебер решительно критикует релятивизм в сфере ценностей и не забывает о том, что никакая ценностная теория не отражает самую главную ценностную борьбу: «Столкновение ценностей везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой как борьба “Бога” и “дьявола”. Здесь не может быть ни релятивизаций, ни компромиссов...» [Там же, 565]. Однако реальная жизнь создает иллюзию, что «сферы ценностей пересекаются и переплетаются. Выравнивание, которое производит “повседневность” в самом прямом смысле этого слова, и заключается в том, что в своей обыденной жизни человек не осознает подобного смешения глубоко враждебных друг другу ценностей... и не хочет осознавать» и тем самым «уходит от необходимости сделать выбор между “Богом” и “дьяволом”» [Там же, 561]. Этот кардинальный ценностный выбор — выбор божественной Ценности или выбор «дьявольских» ценностей, или антиценностей — определяет как все течение человеческой жизни, нравственный уровень его деятельности, так и конечный исход, результат человеческой жизни.

М. Вебер, говоря о фактической невозможности познания собственно ценностей, утверждает, что эмпирическая наука может своими средствами определить только средства, необходимые для того, чтобы «вывести из них директивы для практически ценных действий» [Там же, 453]; неизбежные побочные результаты предпринятых действий; обусловленную этим конкуренцию между возможными различными оценками и их практические последствия.

Таким образом, указав на разницу науки и веры [Там же, 412], М. Вебер сферу этических императивов и высших ценностей выносит за сферу социальных наук, т. е. считает, что их научное постижение невозможно. В заключение

отметим, что, несмотря на это, Вебер говорил о значимости научной истины как ценности: «Научная истина есть именно то, что является “значимым для всех, кто стремится к истине”» [1, 383].

Социологический подход наиболее систематично разрабатывался выдающимся западным социологом Толкоттом Парсонсом, который рассматривал ценности с точки зрения выполняемой ими функции. Он считал, что общество как социальная система является интегративным «ядром» системы действия («единичного акта»). «Ядро самой социальной системы представляет собой систему “социетальной общности” как нормативную систему образцов, упорядочивающих и организующих социальную жизнь субъектов. Одними из этих “образцов” являются ценности, предполагающие культурную референцию, способствующую их означению и легитимизации» [5, 479].

Для изучения социальных систем Т. Парсонс предлагает использовать четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли. «Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [Там же, 16]. Таким образом, Парсонс указывает на важную роль ценностей в воспроизводстве социокультурных образцов, рассматривая их в контексте не духовного, а социального бытия. Он так же, как и предыдущие классики, выделяет в ценностях их субъективно-нормативный компонент, рассматривая их не как самодостаточное бытие, а как «представления» субъекта о лучшем устройстве общества.

Важно также подчеркнуть, что Парсонс определяет ценность как легитимизирующий стандартизированный образец. Он сопоставляет его с нормой и при этом связывает понятие «ценность» с ролью, а понятие «норма» — с коллективом. В своей работе «Социальное изменение» он пишет: «В связи с различением роли и коллектива на уровне единиц устанавливается различие между нормой и ценностью на уровне отношенческого стандарта. Ценность — нормативный стандарт, который определяет желаемое поведение системы относительно ее окружения без дифференциации функций единиц или их частных ситуаций. Норма, в свою очередь, является стандартом, определяющим желаемое поведение для единицы или класса единиц в специфических для них контекстах» [Там же]. Если ценность не предполагает разделения функции субъектов и регулирует их поведение вне зависимости от контекста, то норма, указывая на желательное поведение, всегда реализуется в рамках конкретной ситуации. Однако и ценность, и норма для того, чтобы реализоваться в рамках определенной социальной структуры, должны носить институциональный характер [Там же, 482]. Для достижения нормативного поведения, подчиненного определенным ценностям, должен существовать «институциональный комплекс», устойчивость которого зависит прежде всего от «стабильности самих нормативных стандартов» [Там же]. Т. Парсонс так пишет о взаимозависимости институтов, коллективов и ролей, ценностей и норм: «Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны “руководствоваться” конкрет-

ными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они “воплощаются в жизнь” конкретными коллективами и ролями» [5, 17].

Утверждая религиозное происхождение ценностей, Парсонс предупреждает о возможной социальной опасности, которую представляет религиозный плюрализм для общества и личности: «Поскольку ценности общества уходят своими корнями в религию, одним из возможных последствий плюрализации религии является разрушение морального или ценностного консенсуса» [Там же, 130]. По Парсонсу, существуют не только религиозные и моральные ценности, хотя они являются основой для всех остальных, но и другие социально значимые нормативные компоненты культурной системы: «Моральные ценности — не единственный компонент ценностного содержимого культурной системы. Существуют другие, например, эстетические, познавательные или собственно религиозные ценности. Культуры дифференцируются не только по линии морали; религия, искусство как область экспрессивной символизации, эмпирическое знание, в конечном счете наука, тоже становятся независимыми дифференцированными культурными системами» [Там же, 27]. Каждый вид ценностей образует базис соответствующей культурной системы, что, однако, не мешает этим системам интегрироваться в единую культурную систему. При этом ценности, лежащие в основе культурной организации, рассматриваются Парсонсом не изолированно от других элементов, а во взаимосвязи с иными компонентами: на уровне культуры социальные ценности составляют лишь часть более обширной системы ценностей, поскольку оценке подлежат и все прочие классы объектов, входящие в систему действия. Ценности также находятся в определенных отношениях с другими компонентами культурной системы — эмпирическим знанием, системами экспрессивных символов и конститутивными символическими структурами, образующими ядро религиозных систем. Однако ни одна из социокультурных систем, кроме религии, не может убедить субъектов в законности ценностей и необходимости следования им: «В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах» [Там же, 19–20]. При этом Парсонс выстраивает определенную социальную иерархию ценностей, считая, что «относительно каждой категории существует иерархия; например, ценности, принятые всем обществом, должны иметь приоритет перед ценностями отдельных коллективов — семьи или фирмы». Тем самым он подчеркивает приоритет общего над частным и в сфере ценностных установок. Сопоставляя подходы Парсонса и Вебера в области научного изучения ценностей, можно проследить преемственность в этих взглядах. Как пишет сам Парсонс, «мы рассматриваем ценности, в веберовском смысле этого слова, как особую форму коллективных представлений» [Там же, 256].

Итак, проведенная работа по изучению трудов классиков социологии позволяет нам сделать ряд выводов. Во-первых, нормативистский подход к ценностям не может быть монолитным и состоит из разных по содержанию концепций. Иными словами, вышеуказанные авторы трактуют понятие «норма» совершенно по-разному. Если Э. Дюркгейм, исходя из типа солидарности, трактует нормы как социальные и моральные факты, то М. Вебер, разрабатывая

понимающую социологию, рассматривает норму как смысловую структуру, заданную типом и структурой социального действия. Т. Парсонс делает акцент на функционале нормы. Учитель Т. Парсонса — П. А. Сорокин — основывается, особенно в поздних работах, на понимании нормы как формы чувственной и идеациональной культуры. В фундаментальном труде В. В. Козловского и И. А. Голосенко по истории русской социологии дается такое изложение его теории культуры: «Соответственно конструируются три типа культур: “умозрительная” (Ideational), “чувственная” (Sensate) и “идеалистическая” (Idealistic). “Умозрительную” культуру характеризуют доминирование элементов рационального мышления, ценности, одушевляющие ее, — абсолютные, трансцендентные, императивные. В “чувственной” культуре господствующим оказывается материалистическое мировоззрение, в познании преобладают чувственные формы, а свойство целостности придает ей утилитарные, чувственные, гедонистические ценности. Наряду с “чистыми” существуют и несколько смешанных типов, логически интегрированным из которых оказывается лишь единственный — “идеалистический” тип. Это органический синтез двух полярных типов, появляющийся в истории тогда, когда в мировоззрении людей переплетаются материалистические и религиозно-идеалистические взгляды, преобладает интуитивный вид познания» [2, 112]. П. А. Сорокин в своей теории культурной динамики стремился охватить нормативно все пространство культуры.

Следует отметить, что между нормами и ценностями, по мнению проф. В. В. Козловского, есть ряд существенных отличий. Нормы — это некий свод правил, формируемый для решения конкретных задач. Функции меняются и дополняются. Поэтому это свод норм лишь по видимости устойчив. Нормы в отличие от ценностей изменчивы и выражают интересы больших и малых социальных групп для поддержания устойчивого развития. Норму структурируют социальные действия. Ценности имеют иную специфику. Ценности, по сути, не являются нормативными и изменчивыми; они ориентируют, направляют понимание и социальное действие [4, 156].

Таким образом, в классической западной социологии ценности — это:

- 1) «коллективные представления», нормы, значимые для социального субъекта, придающие «смысл» человеческим действиям (М. Вебер);
- 2) представления, возникающие на основе кооперации и солидарности людей (Э. Дюркгейм);
- 3) объекты субъективного интереса и предпочтений определенного способа действий (Т. Парсонс).

Итак, социологический подход к изучению ценностных ориентаций делает акцент на ценности личности человека как самоценности для общества, вне зависимости от вклада конкретного человека в воспроизводство общественного бытия. Способом научного социологического познания всего многообразия общественного бытия является «отнесение к ценностям» (в сочетании со «свободой от оценок»). Поэтому без соотнесения с ценностями как центральными категориями общественного дискурса невозможно социологическое понимание и объяснение социального мира.

1. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.
2. Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/books/history_of_russian_sociology/chapter9.html
3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
4. Козловский В. В. Социальные ценности: анализ оснований российской модернизации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1995.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 2000.

Рукопись поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

ЕЛИСЕЕВ Александр Владимирович — аспирант кафедры финансового менеджмента и права экономического факультета Уральского государственного университета. E-mail: Alexandr_eliseev@e1.ru

КЛАССЕН Эрих Гергардович — заведующий кафедрой гуманитарных наук Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Октябрьском), профессор, доктор философских наук. E-mail: Knessel@rambler.ru

КОЛОТОВА Наталья Николаевна — ассистент кафедры финансового менеджмента и права экономического факультета Уральского государственного университета. E-mail: Natalia.Kolotova@usu.ru

КРАСАВИН Игорь Вячеславович — ассистент кафедры социальной философии философского факультета Уральского государственного университета, кандидат философских наук. E-mail: Krasavin.i@gmail.com

МАНТУРОВ Олег Сергеевич — аспирант кафедры социальной философии философского факультета Уральского государственного университета. E-mail: osmant@inbox.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — студентка 1 курса магистратуры факультета международных отношений Уральского государственного университета по направлению «Глобальная и региональная безопасность и урегулирование конфликтов». E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

НЕМЕНКО Екатерина Петровна — аспирант кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры философского факультета Уральского государственного университета. E-mail: Hist-nemenko@yandex.ru

ПАВЕНКОВ Олег Владимирович — научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ravenkov@yandex.ru

ПАНЬКИН Станислав Игоревич — заведующий отделением Челябинского колледжа информатики, информационных технологий и экономики, соискатель кафедры при-

кладной социологии факультета политологии и социологии Уральского государственного университета. E-mail: pstanislav78@yandex.ru

ПИВОВАРОВ Даниил Валентинович — заведующий кафедрой истории и философии религии философского факультета Уральского государственного университета, профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: daniil-pivovarov@yandex.ru

САТЫБАЛДИНА Елена Владимировна — старший преподаватель кафедры культурологии и дизайна филиала Уральского федерального университета (г. Серов). E-mail: evsatybaldina@mail.ru

СЕРГЕЕВА Ольга Борисовна — старший преподаватель кафедры организационной психологии Урало-Сибирского института бизнеса (г. Екатеринбург). E-mail: sergeevaolga@inbox.ru

СОСКИН Владислав Анатольевич — докторант кафедры онтологии и теории познания философского факультета Уральского государственного университета. E-mail: vsoskin@rambler.ru

ТЕМКИНА Ирина Михайловна — профессор кафедры финансового менеджмента и права экономического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького, кандидат экономических наук. E-mail: Natalia.Kolotova@usu.ru

ЧЕРЕПАНОВА Татьяна Витальевна — аспирант кафедры социальной философии философского факультета Уральского государственного университета. E-mail: Tat.cherepanova@mail.ru

ЧИРКИН Владимир Валентинович — командующий войсками Центрального военного округа (штаб ЦВО), соискатель кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета. E-mail: Chirkin_vlad@mail.ru

ЯКИМОВА Ольга Александровна — ассистент кафедры социальной работы факультета политологии и социологии Уральского государственного университета, кандидат политических наук. E-mail: yakimova.ola@gmail.com

SUMMARY

THEORY OF COGNITION AND LOGIC

- Pivovarov D. V.* Dialectic-semantic algorithm: the general idea 5
Step-by-step operations with the pair categories are described, allowing to build systems of categorical definitions of abstract philosophical objects. Categorical schemes of a quint, ennead and their associations are illustrated on simple examples.
Key words: dialectic-semantic algorithm, categorical synthesis, the scheme of a quint, the scheme of ennead.

SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

- Manturov O. S.* Alternative models of sociality structuring 11
The article is devoted to the researching of sociality structuring problem. The goal of the article is to show that there is no universal definition of the sociality, that we should talk just about alternative models of sociality structuring. The methodology of reductionism that reduces the sociality to the structures of different levels is used on the metaphysical, classical and nonclassical stages. The necessity of a new anti-reducing approach is proclaimed in the article. This approach should become a basis for the further postclassical tradition in the researching of sociality and its structures.
Key words: sociality, social structure, reductionism, structuring, structuration, communication, activity.
- Krasavin I. V.* Conception of differentiated sociality 27
Article is devoted to social philosophic analysis of social communication as heterarchic relationship structure and offers a system theory of society. It describes social construction processes dynamics by means of which people establish their interaction. Principles of social evolution as multiple whole are proposed. It is demonstrated that all forms of social life are fundamentally the same in the quality of communication and are different only in the composition of relationships.
Key words: differentiation, distinction, geterarhia, designing, part, system, an integer.
- Cherepanova T. V.* «Unability to talk» or the public sphere status in the informational society: H. Arendt and J. Habermas 41
The article is devoted to the status of the public discussion in the informational society, definition of the chances of public sphere likely to exist in its classic meaning in the modern media space. There is also presented an attentive analysis of social reflection theories by Jurgen Habermas and Hannah Arendt.
Key words: discussion, intellectual, media space, general public, publicity and public sphere, social reflection.

- Yakimova O. A.* Concepts of integration of migrants in the context of modernization in Russia 50

External migration flows in Russia, as well as in many European and North American countries, steadily, but the practice of the past decade has demonstrated the inefficiency of the major traditional theoretical and methodological approaches to the integration of migrants-assimilation or multiculturalism. Leaving the current controversy is developing an innovative methodology of the study of social participation of migrants, which consists of a two-level differentiation analysis: integration or disintegration (1 and 2) inclusion or exclusion.

Key words: diversity, integration, inclusion, migration.

- Pankin S. I.* Factors choose young peoples instruction in system of secondary vocational professional education 57

The article analyzes the main factors determining the choice of graduates-kami 9 and 11 secondary schools of secondary vocational education. Reveals the contradictions that characterize the representation of the first-kursnikov enrolled in humanities and technical specialties of various colleges Middle Urals, the value obtained education and its role in the realization of life plans.

Key words: system of secondary vocational education, students, factors choose young peoples instruction in system of average professional education.

- Satibaldina E. V.* Plant family in conditions of the average Ural town: historical-sociological analysis 65

The article is devoted to the problem of the main changes dealing with the Ural plant family before the revolution, in soviet and post soviet time. Social environment of the plant family is analyzed in detail. Special attention is paid to the average Ural town. It is characterized as an industrial, provincial, unique town attitude to the special attitude to the nature. The processes, taking place in the plant family in crisis and post crisis period are presented in the article. In addition the article deals with the ways of family care in difficult social and economic situation in provincial industrial towns at the end of XX and at the beginning of XXI century.

Key words: plant family, average Ural town, industriality, provinciality, region spesiality.

PHILOSOPHY OF POLICY AND POLITICAL SCIENCE

- Muhametov R. S.* Russia in the South Caucasus: geopolitics and economic 78

The text is concerned with Russia's geopolitical interests in the South Caucasus. In this paper the main problems of security in the South Caucasus and especially the Georgian aggression against South Ossetia are studied. In his work the author showed that the attempt Georgia to solve the conflict in South Ossetia by force resulting in numerous casualties among civilians and peacekeepers and also humanitarian consequences. The author gave clearcut presentation of the basic aims of the Russian military base in Armenia. Issues of economic cooperation as the foundation of partnership among the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation occupy a very important place in the text.

Key words: the South Caucasus, enlargement of NATO, the Georgian aggression against South Ossetia, foreign energy policy.

- Chirkin V. V.* The basic forms of participation of the Central military district of Armed forces of the Russian Federation in the course of maintenance of regional safety in the Central Asia 85

The article stresses the attention of the reader on the geopolitical role of the big Russian military structure in the Central Asia.

Key words: Central military district, regional safety, Central Asia.

Muratshina K. G. Russia – PRC: Building Inter-Party Cooperation 92

The transition from merely interstate relations to interstate and inter-party relations is one of the key features of the contemporary stage of the Sino-Russian strategic partnership. The author makes an attempt to analyse the source of «Yedinaya Rossiya» – Chinese Communist Party cooperation, its evolution and perspectives.

Key words: RF, PRC, strategic partnership, inter-party cooperation.

PHILOSOPHY OF ECONOMICS AND ECONOMIC SCIENCE

Eliseev A. V., Temkina I. M. Integration of social-economic policy of the State and social partnership: regional and sectoral aspects. 99

Article is devoted to the Research Institute for social partnership in Russia during the transition to an innovative economy. Consistently considered the legal basis of social partnership, its content and meaning. Study of tripartite agreements on all levels: Federal, regional and industry. Special attention is given to the tripartite agreement of Sverdlovsk region in 2011–2012 and social partnership agreements for mining and metallurgical complex of Sverdlovsk region.

Key words: modernization, social partnership, tripartite agreements at all levels, the integration of the social partners and public policy.

Kolotova N. N., Temkina I. M. Federal Universities as a factor of Russian Federation higher education modernization 109

The article explains the need for two way modernization of higher education. Firstly, modernization on macro level in all Russian Federation higher education system and, secondly, improvement of education on the initial level at every education institution. Federal universities and national-research universities are viewed as key elements modernization of the system. Detailed study of new higher education form – Ural Federal University is conducted on the basis of its development program for 2010–2020.

Key words: modernization, Federal Universities, national-research university, concept of development of new organization and legal forms of education.

AESTHETICS AND CULTUROLOGY

Nemenko E. P. «Dependent» creation: the artist in the epoch of modernization 123

In the article there had been undertaken an effort to analyze the problem of social responsibility of the artist in the conditions of totalitarian and liberal projects of modernization. The two central experiences of modernization of XX century – Soviet and European- are deeply connected. If the key element of European modern is autonomic subject though the Soviet project declares about destroying of subjectivity. On the example of the figures of art and culture it shows how the Soviet subject had been constructed and what is its difference from the «classical» European autonomic subject.

Key words: autonomic subject, author strategies, agent, modernization, practices of subjectivation, freedom of creation, social responsibility, commitment.

Sergeeva O. B. Philosophical and psychological aspects of art consciousness in Antonio Meneghetti's aesthetics: a problem of an image and imagination 131

The article is devoted to a problem of an image and imagination in Antonio Meneghetti's aesthetics, the modern Italian psychologist, scientist, and artist. The author compares interpretations of an image in an aesthetics and psychologies, applying concept of unconscious. The article contains the analysis of an image and imagination at A. Meneghetti in its difference from Freud, Jung, Bachelard. The image and imagination are considered as a dream in reality. The author investigates laws of formation of an image in interrelation with an existential maturity of the artist. Concepts positive

and a negative image, the pathological and healthy pleasure, the «open» and «compelled» imagination are entered.

Key words: Artistic image, imagination, unconscious, aesthetic pleasure, aprioristic image, matrix image, intuition, compensation, authenticity, art-therapy.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Klassen E. H. What Marks really wrote about ideal 141

There is no unity of opinions in understanding nature and substance of ideal. It is because of incorrect translation of Marks definition of ideal and preconceived interpretation of his philosophic standpoint. This article proves another translation and breaks the stalemate in solution of some philosophic problems.

Key words: material, ideal, fixed, presented, acknowledged, conscience, reduction, reflex.

Soskin V. A. The Prospects of Philosophy and Religiogenesis 149

The main idea delivered by the present article is that our epoch, being the epoch of the global crisis in Culture, resembles the epoch of Hellenism in many aspects, and a possibility of revival of the Culture and philosophy is related to the birth of a new religion. As once the Christianity, this new religion will reveal the opportunity to mankind to lead a meaningful life in dignity for millennia to come. The present article is a contemplation of what kind of religion it will be (or may be), and of the role of philosophy in the process of preparing for and performing the religiogenesis.

Key words: Prospects of philosophy, new religion, anthropotheism, humanism, environmentalism, cosmopolitanism, philosophy in religion studies.

SCIENTIFIC REPORTS

Pavenkov O. V. Normativistic concepts of values and valuable orientations in the sociological science (E. Djurkgejm, M. Veber, T. Parsons) 164

The article is devoted the historic and sociological theoretical investigation of the problem of values and value orientations in the sociological science. In the article sociological views on values of the classics of sociology E. Durkheim, M. Veber and T. Parsons are presented. As a result of the analysis of the sights of the given sociologists on values specificity of the sociological approach to values and valuable orientations has been revealed. Comparative analysis of the views of T. Parsons and M. Veber on a value problematic is innovative. In the article the methodological basis of the sociological approach, which involves «references to values» and «freedom from estimation» has been considered.

Key words: values, value orientations, value judgement, reference to values, freedom from estimation, ideal, reality sui generis.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011. № 2 (91)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 30.04.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 14,4. Усл.-печ. л. 14,5. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10 октября 2005 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по *философии, социологии, политологии, культурологии и экономике* Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415. Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://proceedings.usu.ru>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru) или лично автором (на CD-диске) представляются авторский текст (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией редакция сообщает об этом автору и пересылает автору, не состоящему в штате УрГУ, электронной почтой реквизиты УрГУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д. Плата с аспирантов очной формы обучения не взимается.

6. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

- в) заголовок статьи на русском языке;
- г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95);
- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
- е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- ж) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- з) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

- а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>

.....

21. *Шацлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

- б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

- в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

- 4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Редакция журнала «Известия УрГУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Тел. для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru